

**КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

На правах рукописи

ВЕРЕНИЧ ТАТЬЯНА КОНСТАНТИНОВНА

**ДЕЭКЗОТИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В РУССКОМ НАУЧНО - ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ
И ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
(на материале англицизмов)**

10. 02. 01 - русский язык

**Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук**

**Научный руководитель -
доктор филологических наук,
профессор А.Д. Васильев**

Красноярск – 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
<u>ГЛАВА 1. Лингвокультурологический аспект лексических</u>	
<u> заимствований.....</u>	16
§ 1. Язык и культура.....	16
1.1 Взаимодействие языка и культуры.....	16
1.2 Об одной из причин нивелирования различий	
языков и культур.....	24
§ 2. Распространение английского языка в конце XX - нач. XXI вв.....	26
§ 3. Фрагменты языковой политики (конец XVIII - нач. XXI вв.).....	29
3.1 К понятию <i>языковая политика</i>.....	29
3.2 Языковой пуризм.....	34
3.3 Отечественная языковая политика в отношении	
заимствований (конец XVIII - нач. XXI вв.).....	35
3.4 Зарубежный опыт защиты автохтонных языков.....	48
§ 4. К проблеме терминования неассимилированной лексики.....	49
<u>ГЛАВА 2. Отражение иноязычных заимствований в русской</u>	
<u> лексикографической традиции.....</u>	71
§ 1. Словарь как лингвистический источник.....	71
1.1 Лексикография как особая филологическая	
дисциплина.....	71
1.2 Толковый словарь и его место в типологии словарей....	74
1.3 Эволюции жанра словаря иностранных слов.....	78
§ 2. Толковый словарь как неотъемлемый компонент	
идеологического обеспечения социума.....	91

ГЛАВА 3. Экспериментальное исследование семантики некоторых

заимствований экзотического характера в обыденном сознании носителей русского языка в сопоставлении с данными русской лексикографии.....97

§ 1. Об актуальности изучения обыденного языкового сознания.....	97
§ 2. Методика проведения эксперимента.....	102
§ 3. Анализ процесса и результатов деэкзотизации некоторых англицизмов.....	106
3.1 Группа “идеологических” экзотизмов.....	106
3.1.1 Бойскаут.....	106
3.1.2 Босс.....	113
3.1.3 Бум.....	116
3.1.4 Гангстер.....	120
3.1.5 Рэкетир.....	124
3.1.6 Лобби.....	127
3.1.7 Киднеппер.....	135
3.2 Идеологически немаркированная лексика.....	137
3.2.1 Ланч.....	137
3.3 Группа новейших англицизмов.....	141
3.3.1 Специальная лексика.....	141
3.3.1.1 Брэнд.....	141
3.3.1.2 Риэлтер.....	143
3.3.2 Экономическая лексика.....	146
3.3.2.1 Лот.....	146
3.3.3 Термины информатики.....	149
3.3.3.1 Провайдер.....	149
3.3.4 Группа употребительных в разных областях англицизмов.....	153

3.3.4.1 Дилер.....	153
3.3.4.2 Копир.....	156
3.3.4.3 Постер.....	160
3.3.4.4 Роллер.....	162
3.3.4.5 Секстренинг.....	165
3.3.4.6 Слаксы.....	167
3.3.4.7 Хот-дог.....	169
3.3.4.8 Чарт.....	171
3.3.4.9 Шокер.....	176
3.3.4.10 Шоп.....	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	189
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	194
СПИСОК ОСНОВНЫХ СЛОВАРЕЙ.....	231
СПИСОК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ.....	233

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено изучению деэкзотизации современных заимствований из английского языка в российском языковом научном и обыденном сознании.

Язык как феномен национальной культуры является постоянным объектом внимания и исследования современных специалистов [см.: К. Леви-Стросс, Н.И. Толстой, Ю.А. Бельчиков, Г.А. Брутян, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А. Вежбицкая, Е.С. Яковлева, Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, А.Д. Васильев, И.Т. Вепрева, В.В. Воробьев, Р.А. Будагов, А.А. Брагина, Е.В. Лукашевич и др.]. Факты языка и феномены культуры зачастую не поддаются строгому и окончательному разграничению: изменения в собственно культурной сфере воплощаются в языке – а языковые эволюции активно участвуют в культурных процессах и влияют на них.

Язык выступает в качестве основного средства социокода – главной знаковой реалии культуры. Он призван поддерживать стабильность массива знания, мира деятельности и институтов общения (М.К. Петров). Важнейшим (в том числе – и с культурологической точки зрения) уровнем языковой системы является лексика, которая отражает и запечатлевает окружающую человека действительность, его внутренний мир и может стимулировать поведение носителей языка. Словарный состав национального языка фиксирует и передает от поколения к поколению специфику этносоциокультурных норм, поддерживая таким образом преемственность и устойчивость этнического менталитета. Изучая особенности словоупотребления, можно диагностировать состояние духовного здоровья этноса и в какой-то мере даже прогнозировать его эволюцию – при условии адекватной оценки фактов, последовательной их регистрации и установления векторов динамики [Васильев, 2000, 3].

Современное состояние русской речевой культуры – и русского языка в целом – определяется рядом взаимосвязанных и взаимодействующих факторов, прежде всего экстралингвистических. Решительные трансформации государственного устройства, политической системы, идеологических доминант, экономического уклада повлекли за собой значительные изменения в русском языке, прежде всего в его лексике.

Один из главных феноменов современного словоупотребления, которое является важнейшим компонентом социокультурных преобразований в России, – лавинообразное распространение иноязычной лексики, прежде всего американско-английского происхождения.

Проблеме заимствования посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных лингвистов. И.А. Бодуэн де Куртенэ и Л.А. Булаховский исследовали вопросы смешения языков и языкового родства; Ш. Балли говорил о межъязыковых обменах; Л.В. Щерба – о смешении языков, В.А. Богородицкий охарактеризовал критерии для дифференциации заимствованных слов, источников и эпох заимствования. Классики отечественного языкознания Л.П. Якубинский, В.М. Жирмунский, И.А. Бодуэн де Куртенэ подчеркивали невозможность анализа заимствований без учета социолингвистического характера данного явления и необходимость объяснения лингвистических изменений в связи с фактами истории, психологии и даже физиологии человека. Г. Пауль также указывал, что факторами, влияющими на процесс заимствования, являются и территориальное расположение, и путешествия индивидов, и постоянная миграция отдельных групп людей, и массовое переселение, и завоевания, и колонизация.

В трудах современных зарубежных лингвистов (А. Мартине, Э. Хауген, В.Ю. Розенцвейг, У. Вайнрайх и др.) на первое место ставятся социолингвистические причины заимствований, и исследования ведутся, в первую очередь, именно с этих позиций: “Распространение языка, скорее всего, – побочный продукт военной, политической, религиозной, культурной, экономической или просто демографической экспансии народа, чьим орудием общения и является данный язык” [Мартине, 1972, 82].

Предприняты попытки охарактеризовать отдельные группы заимствованной лексики. А.А. Леонтьев, Е.Т. Листрова-Правда, Н.Д. Агафонова, М.Ю. Кириенко занимаются проблемами иноязычных

вкраплений; К.Р. Бабаев, Л.П. Ефремов, О.И. Кальнова, М. Мухамедова, Б.Н. Павлов, А.Г. Супрун – экзотизмов; Н.С. Арапова, Е.В. Маринова – варваризмов; А. Глемжене, Л.М. Грановская, Э.И. Чистякова – калек; А.М. Бабкин, В.В. Шендецов, Н.М. Шанский, В.М. Мокиенко, И.О. Наумова – иноязычных выражений и фразеологических единиц; В.В. Акуленко, В.В. Дубичинский – интернациональными словами (“интерлексемами”).

Изучение заимствованной лексики, начиная с 80-90-х гг. XX в., приобретает все большую актуальность из-за стремительного проникновения слов иноязычного происхождения в русскую речь. В это время появляется значительное количество диссертационных исследований, посвященных проблемам лексических заимствований. Среди них можно назвать диссертации Е.В. Ларионовой “Новейшие англицизмы в современном русском языке (на материале общественно-экономической лексики)” (Москва, 1993); Сешан Шармилы “Англицизмы в русской речи (по материалам прессы 90-х гг.)” (Москва, 1996); М.Н. Черкасовой “Заимствованная лексика русского языка конца XX века (1986-1996 гг.: на материале публицистики)” (Ростов-на-Дону, 1997); Л.В. Житниковой “Англоязычные заимствования наименований лиц по профессии в современном русском языке” (Челябинск, 1998); А.С. Еренкова “Социолингвистический аспект функционирования английского языка в русской молодежной среде (на примере г. Ельца Липецкой области)” (Воронеж, 1998); Чайбок Ильдико “Английские заимствования в русском и венгерском языках” (Москва, 1999); В.М. Феоклистовой “Иноязычные заимствования в русском литературном языке 70-90-х гг. XX века” (Тверь, 1999); Г.В. Павленко “Проблема освоения иноязычных заимствований: языковой и речевой аспекты (на материале англицизмов конца XX века)” (Таганрог, 1999); О.В. Высочиной “Понимание значения слова (психолингвистическое исследование)” (Воронеж, 2001); А.И. Дьякова “Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца 90-х годов XX века в функциональном аспекте” (Барнаул, 2001); И.В. Федосеевой

“Социолингвистические и культурологические аспекты процесса заимствования в российском политическом социолекте 90-х гг. XX в. – начала XXI в.” (Ставрополь, 2003) и др.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения процессов и результатов иноязычных лексических заимствований – как в сугубо лингвистическом, так и в лингвокультурном (а уже, конечно, – и в культурно-речевом) аспектах.

Заимствования из английского языка в современном русском языке продолжают представлять собой необычайно разнообразный и богатый материал для исследования.

Мода на употребление англо-американизмов, которая, как всякая мода, вряд ли возникла сама по себе; престиж изучения английского языка, поддерживаемый разнообразными пропагандистскими усилиями через средства массовой информации; «рекламизация» языка, – все это, наряду с другими социокультурными факторами, приводит к формированию языкового сознания, в котором сленг, элементы просторечия и ненужные, казалось бы, избыточные заимствования становятся органической частью общенародного языка.

Очевидно, что для массового внедрения и упрочения аллолингвофилии, т.е. терпимости к *не* своему в языке, повышения толерантности населения к повседневному присутствию чужого языка или многочисленных его элементов в культурной среде, могут быть применены операции, направленные на выполнение двух основных задач: 1) гиперболизация достоинств иного языка и 2) дискредитация автохтонного языка [Васильев, 2003б, 18]; при этом заметно (но и подчас почти незаметно для массы носителей конкретного национального языка-реципиента) и изменяющие этот язык и эту культуру. Иначе говоря, при заимствовании предмета сугубо материальной области культуры изменяется реальная картина мира, окружающего обладателей автохтонного языка; в то же время и вербальные

чужезыковые новации также способны корректировать языковую картину мира (а таким образом – и сознание и поведение носителей языка). “Стирание” межъязыковых лексических различий, причем, как показывает, например, современная российская коммуникативная практика, в пользу одного иностранного языка, в совокупности со многими трансформациями социального, политического, экономического характера способно существенно послужить – и служит – унифицированию естественной культурной и ментальной дифференциации этносоциумов.

Цель диссертации – представить лингвокультурологический сопоставительный анализ семантизации лексем англо-американского происхождения в отечественной лексикографии и в обыденном языковом сознании носителей русского языка.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих *задач*:

1) анализ особенностей современной российской культурно-речевой ситуации, связанных с заимствованной англо-американской лексикой и рассмотрение основных параметров отечественной языковой политики – преимущественно в аспекте отношения к иноязычной лексике – в сопоставлении с имеющимся опытом, а также с практикой некоторых зарубежных государств;

2) исследование проблемы вариативности терминологии иноязычной лексики, не ассимилированной автохтонным языком в русской и зарубежной лингвистике;

3) характеристика словаря иностранных слов как особого лексикографического жанра, одного из видов толкового словаря, с учетом собственно лингвистических критериев и лингвосоциокультурных факторов;

4) определение статуса ряда заимствованных слов англо-американского происхождения в современном русском языке на материалах лексикографических изданий и результатов анкетирования информантов –

носителей русского языка и установление степени инокультурности ряда слов на основе сопоставления имеющейся лексикографической информации с представлениями о семантике тех же лексем, присутствующими в обыденном языковом сознании.

Объектом исследования является группа лексических единиц англо-американского происхождения, рассматриваемых параллельно на уровне словарного состава современного русского языка в его профессионально-лингвистической фиксации и на уровне повседневной речевой деятельности носителей русского языка, определяемой их речекультурной компетенцией и реализующей потенции обыденного языкового сознания.

Предметом исследования является соотношение научных и обыденных представлений о семантике заимствований экзотического характера с учетом степени их деэкзотизации.

Материалом и источниками исследования послужили: I) данные лексикографических изданий (“Словарь современного русского литературного языка”, 1948-1965 (далее – [БАС-1]), “Словарь современного русского литературного языка”, 1991-1996 (далее – [БАС-2]), “Словарь русского языка” под ред. А.П. Евгеньевой, 1981-1984, (далее – [МАС-2]), “Толковый словарь русского языка” под ред. Д.Н. Ушакова, 1934-1940 (далее – [ТСУ]), “Советский энциклопедический словарь”, 1990 (далее – СЭС-90), “Словарь русского языка” под ред. С.И. Ожегова, 1972 (далее – [СО-72]), “Словарь русского языка” под ред. С.И. Ожегова, 1989 (далее – [СО-89]), “Толковый словарь русского языка” под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, 1997 (далее – [СОШ-97]), “Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения” под ред. Г.Н. Складневской, 1998 (далее – [ТС-XX]), “Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия” под ред. Г.Н. Складневской, 2001 (далее – [ТС-XX (2001)]), “Краткий словарь иностранных слов” под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова, 1951 (далее – [СИС-51]), “Словарь иностранных слов”, 1989 (далее – [СИС-

89]), “Современный словарь иностранных слов”, 1993 (далее – [ССИС-93]), “Толковый словарь иноязычных слов” под ред. Л.П. Крысина, 1998 (далее – [СИС-98 (Крысин)]), “Словарь иностранных слов” под ред. Е.А. Зенович (далее – [СИС-2000 (Зенович)]), “Русский ассоциативный словарь” под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина и др., 1994-1998 (далее – [РАС]), “Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов” под ред. Н.З. Котеловой, 1984 (далее – [НСЗ-70]), “Словарь новых слов русского языка (середина 50-х - середина 80-х)” под ред. Н.З. Котеловой, 1995 (далее – [НСС]), Oxford Advanced Learner's Dictionary, 1989, “Словарь сочетаемости слов русского языка” под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина, 1983 и др.). Перечисленные словари отражают разные идеологические и культурные доминанты, а также этапы развития языкового сознания носителей русского языка. Сравнивая и анализируя дефиниции лексикографических источников, можно увидеть явные следы (конечно, в каждом конкретном случае – в разной степени) влияния разных идеологий (четко эксплицированной прежней – и смутно очерченной новейшей). Поскольку, с точки зрения О.Н. Трубачева, всякая историческая (диахронная) лексикография абсолютна, а современная (описательная, синхронная) – относительна [Трубачев, 1991, 264], мы учитываем определенное запоздание данных словарей современного языка по сравнению с фактами реального словоупотребления; поэтому столь же важное значение имеют **II**) результаты лингвистического эксперимента (исследуемый нами материал, 22 англицизма, можно разбить на группы: первая группа так называемых *идеологических экзотизмов*, слов, характер употребления которых в советскую эпоху обуславливался ситуацией политико-идеологического противостояния; ко второй группе относится идеологически не маркированная лексика, семантика которой не подвергалась ни сдвигу, ни наслоению коннотации; и к третьей группе относятся новейшие англо-американизмы, впервые зафиксированные в ТС-XX. К ней относятся

специальная лексика; экономическая лексика; термин информатики; а также некоторые употребительные в разных областях слова.

В нашей работе мы предполагаем при помощи *экспериментального приема*, в частности, выяснить, *как* некоторые экзотизмы отражаются в обыденном сознании носителей языка (под *экспериментальным* понимается прием, связанный с обращением к информантам, а также прием, связанный со статистической обработкой количественных данных о статусе и функционировании языковых единиц, то есть то, что включается в понятие «статистический эксперимент» [Левицкий, Стернин, 1989, 4]). С этой целью нами был проведен эксперимент, участникам которого предлагалось ответить на следующие вопросы:

- как часто Вы встречаете и
- употребляете слово а) в письменном и б) в устном общении и
- предложите синоним или определите значение слова).

В результате анкетирования нами было получено и проанализировано 7282 ответа.

Методы и приемы исследования определяются характером проблемы и поставленными целью и задачами: применяются лингвистическое наблюдение и лингвистическое описание, сопоставление лексикографических изданий и их сравнительные характеристики по ряду критериев, анализ лексикографических дефиниций с элементами компонентного анализа, лингвистический эксперимент с последующим анализом его квантитативных и квалитативных результатов.

Научная новизна работы:

- разноаспектно и подробно изучена проблема терминования в отечественной и зарубежной лингвистике неассимилированных лексических единиц;
- феномен современных англо-американских лексических заимствований, причины и тенденции их распространения в российском

языковом пространстве характеризуются в широком контексте влияния культурологических, идеологических, этнопсихологических, социологических факторов;

- исследование строится на двуединстве подходов к изучению материала с совмещением и сопоставлением интерпретации лексикографических данных и анализа результатов лингвистического эксперимента;

- в диссертации рассматривается специфика жанра словаря иностранных слов в сопряжении с его историей в русской лексикографии.

С учетом вышеизложенного работа обладает определенной **теоретической значимостью**, поскольку содержит материалы и выводы, информативные для дальнейших изысканий в лингвокультурологии и социолингвистике.

Практическая ценность работы заключается в том, что материалы, положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при изучении лексикологии современного русского языка, в лексикографической практике, в вузовском преподавании курсов русского литературного языка, при разработке спецкурсов и спецсеминаров по лексикологической, лексикографической, лингвокультурологической и социолингвистической проблематике.

Апробация работы. Основные разделы и наиболее значимые положения диссертации были представлены в форме докладов и сообщений на научных конференциях (Международная конференция “Россия-Запад: диалог культур”, МГУ, 1998; Ежегодная научно-практическая конференция студентов и аспирантов КГПУ и его филиалов, Красноярск, 2001; Координационное совещание “Русистика Восточной Сибири: итоги и перспективы”, Красноярск, 2001; Межрегиональная научно-практическая конференция с международным участием “Наука, Образование, Профессия: Актуальные проблемы обучения и воспитания российской молодежи в

третьем тысячелетии”, Красноярск, 2002; Международная конференция молодых филологов “Актуальные проблемы русского языка и литературы”, Красноярск, 2003); а также на заседаниях кафедры общего языкознания КГПУ и кафедры второго иностранного языка КГПУ (1999-2004 гг.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Процессы деэкзотизации англицизмов сегодня являются исторически скоротечными и почти синхронизируются с самими фактами заимствований.

2. Феномен деэкзотизации возможно объяснить и квалифицировать по аналогии с явлением дипластии.

3. Толковый словарь является неотъемлемым компонентом идеологического обеспечения социума.

4. Семантика англицизмов активно эволюционирует в русском как обыденном, так и научном языковом сознании: англицизмы претерпевают изменения объема значения и способны приобретать коннотации, отсутствующие в языке-источнике.

5. В обыденном языковом сознании семантика англицизма может существенно отличаться от научно-лингвистического описания его значения.

6. Современные массированные иноязычные и чужекультурные лексические новации ведут к нивелированию естественных различий национальных языков и культур.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, первая из которых посвящена лингвокультурологическому аспекту лексических заимствований; вторая – отражению иноязычных заимствований в русской лексикографической практике; третья – экспериментальному исследованию семантики некоторых заимствований экзотического характера в обыденном сознании носителей русского языка и сопоставлению результатов с данными лексикографии, и заключения, содержащего общие выводы, сделанные на основании результатов исследования. Работа включает список использованной литературы, основных и дополнительных словарей и

двух приложений, в которых дана информация о респондентах и приводятся суммированные итоги анкетирования, проанализированного в исследовании.

ГЛАВА 1. Лингвокультурологический аспект лексических заимствований

§ 1. Язык и культура

1.1 Взаимодействие языка и культуры

Проблема «Язык и культура» успешно разрабатывалась в начале XIX века братьями Гримм, создателями всемирно известной мифологической школы, нашедшей свое продолжение в России в 60-х и 70-х годах в трудах Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни. Спустя столетие известная австрийская школа «Wörter und Sachen» направила поиски решения проблемы по пути конкретного изучения составных элементов языка и культуры, продемонстрировав важность культурологического подхода во многих областях языкознания, прежде всего в лексикологии и этимологии. Язык как зеркало народной культуры, народной психологии и философии, во многих случаях как единственный источник изучения истории народа и его духа давно воспринимался в качестве такового и в этом качестве рассматривался культурологами, мифологами, этнографами в их исследованиях. Из понимания неразрывного единства языка и культуры исходила в 30-х и 40-х годах XX века известная школа Сэпира-Уорфа. Но активное и конструктивное свойство языка и его способность воздействовать на формирование народной культуры, психологии и творчества обнаруживали и описывали еще в XVIII в. и в начале XIX века И.Г. Гредер и В. фон Гумбольдт. Их идеи нашли живой отклик во многих странах, в том числе и в России.

Язык как феномен национальной культуры является постоянным объектом внимания и исследования современных специалистов [см.: К. Леви-Стросс, Н.И. Толстой, Ю.А. Бельчиков, Г.А. Брутян, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А. Вежбицкая, Е.С. Яковлева, Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, В.В. Воробьев, Р.А. Будагов, А.А. Брагина, А.Д. Васильев, И.Т. Вепрева, Е.В. Лукашевич, Л.Н. Мурзин, М.К. Петров и др.]. В поисках решения проблем, связанных с соотношениями языка и культуры, наметилось несколько подходов. При одном из них, который разрабатывается такими философами, как С.А. Атановский, Г.А. Брутян, Э.С. Маркарян, приоритет отдается одностороннему влиянию культуры на язык: с изменением действительности

меняются культурно-национальные стереотипы и сам язык [Маслова, 1997, 34]. С позиций иного подхода рассматривается воздействие языка на культуру, что пока, кажется, еще считается довольно дискуссионным. На основе понимания языка как духовной силы (В. Гумбольдт, А.А. Потебня) была выдвинута гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, согласно которой каждый народ видит мир сквозь призму родного языка, отражая действительность в «языковой картине мира». Дальнейшую разработку эта гипотеза получила в трудах Й. Л. Вайсгербера, который понимает язык как «промежуточный мир», стоящий между объективной действительностью и сознанием, и определяет язык как «миросозидание» (именно так предлагается понимать термин «Weltbild») [Радченко, 1998]. Третий известный подход основан на идее взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры. Язык – составная часть культуры, главный инструмент ее усвоения, это действительность нашего духа. Язык выражает специфические черты национальной ментальности [Маслова, 1997, 35, 37]. С другой стороны, «культура включена в язык, так как вся она смоделирована в тексте» [Маслова, 1997, 107].

Отношения между культурой и языком могут рассматриваться как отношения целого и его части. Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры [Толстой, 1991, 6]. Среди обилия дефиниций понятия «культура» (по некоторым подсчетам, их свыше двухсот [Алефиренко, 1994, 31]) наиболее удачны, на наш взгляд, содержащие косвенные или прямые указания на значимость языка.

Если определять культуру как совокупность ненаследственной информации, способов ее организации и хранения разнообразными человеческими коллективами [Лотман, 1970, 5-6], то историю культуры можно представить как динамику самосознания культуры, в той или иной степени объясняющую соответствующее изменение нормативных установок [Лотман, Успенский 1977, 3]. Поскольку культура испытывает постоянную

потребность в самоописании, удовлетворяемую прежде всего языковыми средствами, то справедливо замечание о том, что «рассматривать язык в отвлечении от культуры - значит не понимать язык. Рассматривать культуру в отвлечении от языка - значит не понимать сущность культуры» [Бураго, 1992, 9].

Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом [Толстой, 1991, 6].

Сравнение культуры и языка вообще и в особенности конкретной национальной культуры и конкретного языка обнаруживает некое тождество структур в функциональном и внутрииерархическом планах. Так, подобно тому, как мы различаем литературный язык, диалекты, просторечие, а в некоторых случаях и арго как неполную, сильно редуцированную языковую подсистему, в каждой славянской национальной культуре можно выявить подобных четыре вида: культуру образованного слоя, «книжную» или элитарную, культуру народную, культуру промежуточную, соответствующую просторечию, которую обычно называют «культурой для народа» или «третьей культурой», и традиционно-профессиональную субкультуру, фрагментарную и несамостоятельную, как и арго [Толстой, 1991, 6].

Сказанное выше можно представить в следующих соответствиях:

1. литературный язык – элитарная культура
2. просторечие – «третья культура»
3. наречия, говоры – народная культура
4. арго – традиционно-профессиональная культура [Толстой, 1991, 7].

Для каждого соответствия может быть применен один и тот же набор различительных признаков: 1) нормированность / ненормированность; 2) наддиалектность / диалектность; 3) открытость / закрытость системы; 4) стабильность / нестабильность. Каждый отдельный языковой или культурный страт характеризуется определенным сочетанием этих признаков, например,

для литературного языка это нормированность, наддиалектность, открытость, стабильность, а каждый столбец – убыванием, ослаблением признаков и превращением их в свою противоположность, например, от нормированности литературного языка до ненормированности арго или от наддиалектности элитарной культуры до диалектности традиционно-профессиональной культуры. Что касается признака стабильности в области культуры, то он указывает на обратную ситуацию: стабильность более присуща «нижним» слоям культуры, чем элитарной, переживающей постоянное развитие [Толстой, 1991, 7].

В полном потрясении XX столетия языковые процессы были весьма интенсивны. Для России ушедший век был особенно сложен и драматичен. Войны и революции коренным образом изменили жизнь русского общества. Разрушение традиционной системы социальных отношений, построение нового общества, а затем его перестройка и реформы не могли не отразиться на национальном языке и отечественной культуре.

Характерной чертой русского языка советской эпохи считалось сближение литературного языка с народным. Бесспорно утверждение о том, что после революции наблюдалась широкая демократизация языка. В результате разрушения прежних сословных преград, эмиграции значительной части интеллигенции, перемещения целых народов литературный язык гораздо активнее, чем раньше, впитывал в себя народные говоры, городское просторечие, разговорную речь. Достижение всеобщей грамотности (в дореволюционной России – по переписи 1897 года – было лишь 28,4% грамотных в возрасте 9 – 49 лет; в результате массового обучения населения грамоте – умению читать и писать в СССР грамотные составляли в 1926 году 56,6%, в 1939 – 87,4%, в 1970 – 99,7%, 1979 – 99,8% [СЭС, 1990, 720]), в свою очередь, приблизило разговорный обиходный язык широких народных масс к литературному.

Значительный в концептуальном плане пласт словарного состава русского языка советского периода именуют сегодня по-разному [см.: Васильев, 2000, 25], но наиболее распространенным является термин *новояз* – «язык советской эпохи», «язык тоталитаризма». Лингвистическая характеристика основных черт советского *новояза* наиболее сжато и емко может быть представлена как «высокая степень клишированности, эвфемистичности, нарушение основных постулатов общения, применяемое с целью лингвистического манипулирования, ритуализированное использование языка, десемантизация не только отдельных слов, но и больших отрезков дискурса» [Земская, 1996, 23]. Советский социализм, который строился более 70-ти лет, в значительной степени был только социализмом на бумаге и «обслуживался огромным количеством слов-призраков, за которыми в реальной жизни ничего не стояло (либо... стояла их полная противоположность)»: «*мир, равенство, братство, разоружение, социальная справедливость* и т.д.» [Норман, 1994, 55-56].

Своеобразной реакцией на стандартизованность, «приглаженность» и определенную безликость русского языка советского периода, насыщенного официально-пропагандистскими штампами, стало употребление элементов молодежного сленга и уголовного арго в обиходно-повседневной речи и литературно-художественных текстах.

Но нельзя не отметить, что советская цензура успешно препятствовала проникновению в широкий оборот не только «идейно вредных» текстов, но и элементарной безграмотности. Государство, имевшее четко выраженную структурированную систему этических ценностей (хотя бы в виде лозунгов *новояза*, «морального кодекса строителя коммунизма» и т.д.), обеспечивало поддержание на необходимом ему уровне культуры русской речи. Когда же прежнее государственно-политическое устройство было демонтировано и, соответственно, отменена государственная монополия на средства массовой информации, перестал существовать монолит советской эпохи – газетно-

публицистический стиль. Газеты, радио и телевидение заговорили «языком улицы» со всеми его неправильностями с точки зрения литературной нормы. Развернулась откровенная пропаганда обиходно-разговорного стиля, просторечия, сленговых слов и даже бранных (в том числе и ранее непечатных) выражений.

Мода на употребление англо-американизмов, которая вряд ли возникла сама по себе (в основе распространения моды лежат психологические механизмы, а именно: внушение, подражание, идентификация; эффект эмоционального заражения, внушения основан на авторитете, доверии к источнику информации [Вепрева, 2002, 148]), престиж изучения английского языка, поддерживаемый разнообразными пропагандистскими усилиями все тех же средств массовой информации, «рекламизация» языка, когда прецедентными текстами стали рекламные клипы, а не литературные произведения, стремление их создателей сделать язык рекламы максимально «доступным» для широких слоев населения – все это, наряду с другими социокультурными факторами, приводит к формированию языкового сознания, в котором сленг, элементы просторечия и ненужные, избыточные заимствования становятся органической частью литературного языка.

Известно, что для того, чтобы заимствование состоялось, даже в случае безотлагательной потребности в обозначении нового понятия, необходимы определенные психологические предпосылки, установка языкового сознания, готовность носителей языка-реципиента к заимствованию. Такая готовность языкового сознания называется *аллолингвоманией*, *аллогингвофилией*, *языковой лояльностью*, *аллолингволяльностью*, *лингволяльностью* или просто *лояльностью*, т.е. *терпимостью* к не своему в языке (*аллолингвотолерантность*), даже в том случае, когда в заимствовании нет особой необходимости. Свое крайнее выражение аллолингвомания, или языковая лояльность, находит в макаронизации языка и других формах

национально-языкового нигилизма [Задорожный, 1991а, 113-16; 1991б, 37-42; 1996, 178-182].

Очевидно, что для массового внедрения и упрочения аллолингвофилии, повышения толерантности населения к повседневному присутствию чужого языка или многочисленных его элементов в культурной среде, могут быть применены совокупности операций, направленных на выполнение двух основных задач: 1) гиперболизация достоинств иного языка и 2) дискредитация автохтонного языка [Васильев, 2003б, 18].

Духовный кризис, охвативший Россию в 90-е годы, проявлялся и продолжает проявляться в двух основных формах: «в кризисе национальной идентичности, утрате чувства исторической перспективы и понижения уровня самооценки нации, резко перешедшей (или низведенной?) от мессианской самоуверенности к историческому самоуничижению; и в разрыве единого духовного пространства и утрате национального консенсуса по поводу базовых ценностей, потерявших статус «абсолютных» ориентиров и ставших предметом общественной полемики» [Кара-Мурза, Панарин, Пантин, 1996, 157].

Нормы культуры определяются во многом их ориентированностью на образцы. Тенденция к аристократизации может иметь чуть ли не буквальный характер: стереотипы поведения и речевого общения высших слоев общества способны восприниматься представителями низших страт как санкционированные к воспроизведению уже самим социальным статусом их исконных обладателей. При поляризации групп населения, проистекающего из наличия властных полномочий и/или материального богатства у одних и совершенного их отсутствия у других, первая макрогруппа естественно претендует на роль элиты – и объявляет себя таковой. Критерий “престижности” обеспечил сегодня почти безраздельное торжество той разновидности культуры, которая ранее имела статус субкультуры (“третьей культуры”, контркультуры и т.п.) [Васильев, 2003а, 27].

По мнению И.А. Василенко, за десять лет, «когда каналы российских коммуникаций оказались открытыми для западной культуры, страна пришла к духовному опустошению. В информационном обществе информация становится всепроникающей. Западная культура – это не только конституционализм и права человека, это еще и свобода порнографии, эмансипация однополый любви, деконструктивизм – и все, что ведет к разрушению духовной иерархии и превращению святынь в «ценности»...» [Василенко, 1996, 402].

Основная черта американизации и вестернизации на российской (и не только) почве – это распространение так называемой *массовой культуры*. По мнению К. Кокшеневой, беспринципность, снижение уровня нравственности, власть денег, эстетический террор – все это признаки вестернизации современной русской культуры. «Фантастика и эротика, каннибализм и преступления, виртуальность и привидения – все это активно наполняет полость современной культуры. Смысл и назначение культурной деятельности сегодня сплошь исчерпывается словом «оттянуться»... [Кокшенева, 1997, 139]. В качестве парадокса современной культуры автор отмечает сосуществование вседозволенности и в то же время ее несвободу, ибо культура становится все более и более областью «контролируемой, зависимой – все чаще и чаще свой успех связывает с именем какого-либо промышленного монстра типа Pepsi» [там же]. В качестве примера американизации российской культуры приводится молодежный журнал «Ом», который по своей сути, стилю и структуре является калькой с современной американской журнальной продукции. Яркий, броский, с обилием рекламы и отсутствием чтения, требующего хотя бы минимального интеллектуального напряжения, он преследует одну цель – «создать и навязать молодежи идеологию *нового поколения*» [там же] (т.е. это уже противопоставленность всем прежним поколениям – и даже нынешним (старшим)).

Своеобразным аналогом деклараций о чудесах рыночной экономики, которая якобы способна саморегулироваться без какого-либо участия государства, можно считать нередкие суждения лингвистов о том, что они не могут (и не желают) быть нормализаторами культурно-речевой ситуации. Достижения “абсолютно саморегулирующейся” экономики в России уже хорошо известны. Упования на стихию языка, которая сама по себе найдет оптимальные варианты и установит диапазон употребления языковых средств, вряд ли оправданны [Васильев, 2003а, 28].

Культурная агрессия Запада должна получать отпор в России, должен возникнуть аналог того процесса девестернизации и возвращения к собственным корням, примеры которого без труда обнаруживаются в других странах мира – «реисламизация» Ближнего Востока, «индуизация» Индии, «возврат в Азию» Японии.

По-видимому, разумное противодействие вестернизации заключается в отыскании и утверждении самобытных форм духовности и должно принимать формы воссоздания и популяризации российских национальных идеалов. Принципы идеалов российской государственности, и в частности Закон о языке, должны быть изложены в форме государственного документа и функционировать наравне с конституцией.

1.2 Об одной из причин нивелирования различий языков и культур

По-видимому, следует считать справедливым предположение о том, что противопоставление “наше-чужое”, “мы и они” (добавим: как частная модификация оппозиции “сакральное” / “профанное”) является принципом, приложимым в этнологии (дополним: и не только!) к любому явлению этнической специфики – из области материальной культуры, ритуалов и коллективных представлений, языка и паравербальных средств выражения мыслей и эмоций (например, мимики и жестов). На наш взгляд, заслуживает

внимания данная цитируемым автором оценка сущности оппозиции не как соотношения двух элементов, а в том одном элементе, который можно определить как “полярная двузначность”: “не в том дело, что у какого-то народа есть такой-то устойчивый признак культуры, а у соседнего или соседних его нет или он видоизменен... Именно само это отличие и составляет факт культуры. Полная совокупность этих веками накапливавшихся отличий не тождественна ли специфической культуре данного этноса?” [Поршнева, 1973, 7-8]. В этом случае применительно к языку как главнейшему, фундаментальному компоненту национальной культуры сказанное относится, в частности, и в том, что касается процессов и результатов заимствований. Их допустимо представить в качестве замены или дополнения уже сложившейся, ставшей традиционной и привычной для многих поколений этнокультурной знаковой системы – этносоциокода – иными элементами, которые, по мере их накопления, способны заметно (но при этом – подчас незаметно для массы носителей конкретного национального языка-реципиента) изменить этот язык и эту культуру. Иначе говоря, если инокультурные нововведения в сугубо материальной области культуры меняют реальную картину мира, окружающего обладателей автохтонного языка, то и вербальные чужезыковые новации также способны корректировать языковую картину мира (а таким образом – и сознание и поведение носителей языка). “Стирание” межъязыковых лексических различий, причем, как показывает, например, современная российская коммуникативная практика, в пользу одного иностранного языка, в совокупности со многими трансформациями социального, политического, экономического характера, способно существенно послужить – и служит – унифицированию естественной культурной и ментальной дифференциации этносоциумов. Собственно, к таким эволюциям приложимы слова Б.Ф. Поршнева о противоборствующем оппозиции “факторе культурных заимствований, нивелирования различий, унификации разных элементов культуры. Это может быть диффузия как

локального характера, так и обширно регионального и, наконец, планетарного” [Поршнеv, 1973, 8] (сказанное особенно актуально в эпоху современной глобализации).

§ 2. Распространение английского языка в конце XX - нач. XXI вв.

По данным на 1997 год, английский язык являлся родным для 375 миллионов человек, и еще около 375 миллионов использовали его как второй язык [Романов, 2000, 35]. Динамика распространения английского языка такова, что количество людей, использующих английский в качестве второго языка, скоро превысит число тех, для кого он является родным [Crystal, 1997]. Около 750 миллионов человек в мире владеет в той или иной мере английским языком как иностранным. В опросе 1998 года каждый второй житель Европейского Союза указал, что может объясниться по-английски [Романов, 2000, 35].

Преподавание и изучение английского языка в мире стремительно растет. По подсчетам Британского Совета, в 2000 году около одного миллиарда человек во всем мире изучало английский язык в разных странах. Около 600 тысяч человек ежегодно приезжает в Великобританию для изучения английского языка и тратит при этом не менее 700 миллионов фунтов. В отделениях Британского Совета, расположенных во многих странах, английским занимается около 120 тысяч человек. Не менее активную роль в распространении английского играет Информационное Агентство США (USIA), которое с 1999 года стало частью Госдепартамента США. В Информационном Агентстве США имеется специальный отдел программ по изучению английского языка (Office of English Language Programs), который бесплатно или по сниженной цене распространяет через американские посольства и консульства учебные пособия.

Не вызывает сомнения то, что в настоящее время английский язык выполняет функции *lingua franca* в таких областях, как наука и международный бизнес. К концу XX века в мире существовало около 5 тысяч ведущих научных журналов. Более 80 процентов из них выпускается американскими и английскими издательствами на английском языке. За последние 20 лет значительное количество научных журналов в Германии, Франции и Италии стали также выходить на английском языке. Около 90 процентов информации в научных базах данных по всему миру хранится на английском языке.

Таким образом, легко заметить, что ученые во всем мире используют (или вынуждены использовать) один язык и при написании статей, и при чтении работ других авторов, и при устной презентации своих исследований. Во многих европейских лабораториях, где сотрудничают ученые из разных стран, английский используется как рабочий язык [Truchot, 1997, 65-75].

Для российских ученых в последние годы XX века задача овладения английским языком стала еще более актуальной, поскольку в 90-е годы практически прекратились переводы иностранной научной литературы на русский язык, которыми раньше занималось издательство «Мир». В то же время почти все ведущие российские естественноведческие журналы, публикуемые первоначально на русском языке, затем целиком переводятся на английский язык.

Следует отметить достаточно высокий уровень знания английского языка в среде российских ученых. По данным Р.Г. Касимовой, в 1997 году 93% опрошенных российских ученых отметили, что владеют английским языком в достаточной для научной деятельности степени, в то же время около 90% ощущают необходимость совершенствовать знание иностранного языка [Касимова, 1999, 1027]. Эта необходимость, по-видимому, продиктована тем, что получение научной информации через печатные журналы и Интернет, получение грантов на проведение научных изысканий, участие в

международных конференциях во многом зависят от уровня владения английским языком.

В области международного бизнеса постоянно растет количество компаний, проводящих политику использования английского языка в работе своих отделений, находящихся не в англоязычных странах. Как правило, такая политика предполагает использование английского языка для всех форм устного и письменного общения сотрудников внутри компании.

Такую языковую политику проводят американские и английские фирмы и в России, где одним из первых требований к российскому персоналу международной корпорации является владение английским языком, желательно на профессиональном уровне. В России в 90-е годы иностранные фирмы использовали практику найма американцев и англичан практически на все высшие управленческие должности в российских отделениях корпораций, что неминуемо приводило к использованию исключительно английского языка в России в делах таких фирм, как Proctor & Gamble, Microsoft, British Petroleum, McDonald's и др. Российские управленцы среднего звена в этих фирмах, которые сейчас называются *менеджерами*, время от времени проходят стажировки в США и Англии, повышая свои профессиональные навыки и уровень знания английского языка.

Стремление расширить изучение и сферы применения английского языка в мире является вполне осознанной целью американцев и англичан. Р. Филлипсон в своем исследовании приводит многочисленные высказывания деятелей Британского Совета и Информационного Агентства США, иллюстрирующие их отношение к проблеме распространения английского языка в мире: «Когда-то мы посылали военные корабли и дипломатов за рубеж, теперь же мы направляем преподавателей английского языка... Поддержка английского языка является и должна оставаться неотъемлемой частью технической помощи англоязычной Африке» [Phillipson, 1993, 9]; «Конечно, у нас нет прежней мощи, но британское влияние будет иметь

место, независимо от экономических и военных ресурсов страны. Поскольку английский язык – это *lingua franca* науки, техники и бизнеса, спрос на него будет лишь расти, и мы должны удовлетворять этот спрос через национальные системы образования других стран и, когда рынок позволяет это, на коммерческой основе. Наш язык – наше главное богатство, важнее нефти в Северном море. Его ресурсы неисчислимы» [Phillipson, 1993, 144].

В 1990 году, после развала социалистического лагеря в Восточной Европе, британский министр иностранных дел заявил, что Англия ставит целью заменить русский язык на английский как приоритетный иностранный язык, изучаемый в этих странах [Phillipson, 1993, 10].

§ 3. Фрагменты языковой политики (конец XVIII - нач. XXI вв.)

3.1 К понятию *языковая политика*

Культура речи может рассматриваться как один из существенных фрагментов языковой ситуации. В свою очередь, языковая ситуация в значительной степени складывается под влиянием языковой политики. Последнюю определяют иногда по-разному. Например: «*языковая политика* – совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Дешериев 1990, 616]. По определению академика А.С. Герда, языковая политика представляет собой *сознательное* воздействие государства на функционирование языка в обществе, находящемся на той или иной государственной или административной территории. Однако такое воздействие может именоваться и иначе [Герд, 1995, 6].

В 1959 году американским ученым Э. Хаугеном были опубликованы основы так называемой теории «*языкового планирования*» [Haugen, 1959, 8-21].

В широком смысле термином *«языковое планирование»* обозначают прежде всего различные способы сознательного воздействия человека на язык, т.е. изменения в системах языкового кода или речи, планируемые организациями, специально созданными для этой цели или имеющими на то соответствующие полномочия. Основное содержание теории *«языкового планирования»* изложено в статье Э. Хаугена *«Лингвистика и языковое планирование»* [Хауген, 1975, 441-472].

Термин *«языковое планирование»* больше характерен для американской лингвистической традиции. В отечественной литературе встречаются критические замечания о самой возможности языкового планирования. Так, у М.И. Стеблина-Каменского возражения вызывает прежде всего само использование термина *«планирование»*, который обычно встречается в трудах по экономике, а также его уместность в применении к языковому развитию [Стеблин-Каменский, 1960, 47-56]. По мнению А.Д. Швейцера, термин *«языковое планирование»* неудачен, так как он *«может создать представление о том, что развитие языка можно сознательно направлять по тому или иному руслу»* [Швейцер, 1971]. Этот автор считает, что используемые в советском языкознании термины *«языковая политика»* и *«языковое строительство»* значительно точнее и правильнее отражают суть дела, поскольку они подразумевают не направление языкового развития, а вмешательство в стихийно развивающиеся языковые процессы.

В теоретической лингвистике на рубеже 50-60-х годов шли споры относительно того, может ли человек влиять на свой язык. И заслугой Э. Хаугена было то, что он решительно выступил за положительное решение вопроса. *«Нормативную или предписывающую лингвистику можно рассматривать как некий вид управления (или манипулирования) языком, предполагающий существование того, что я буду здесь называть «языковым планированием»* [Хауген, 1975, 443].

Необходимость заниматься языковым планированием, по его мнению, продиктована существованием разнообразных языковых проблем, требующих своего разрешения. Интересно, что Э. Хауген вначале ограничивал область языкового планирования подготовкой правописания, грамматик и словарей для членов негетерогенных языковых сообществ. Однако вскоре он начал трактовать языковое планирование шире, относя сюда и культуру речи, и вообще «все предложения относительно языковых реформ или стандартизации языка» [Жлуктенко, 1983, 72].

Нельзя забывать, что проблему языковой политики еще задолго до появления работ Э. Хаугена подняли и начали разрабатывать наши ученые.

Так, в 1929 году Е.Д. Поливанов в числе проблем отечественной социалингвистики назвал и языковую политику [Поливанов, 1968, 182]. По сути, это была задача создания теоретических основ для языкового строительства в СССР, в чем Е.Д. Поливанов принимал активное участие. Частично эти проблемы были рассмотрены в его книге «За марксистское языкознание» [Поливанов, 1931].

Г.О. Винокур заложил в те годы теоретические основы культуры языка и речи, проведя разграничительную линию между языковыми средствами и их применением [Винокур, 1929].

Д.В. Бубрих связывал свои теоретические исследования с актуальными задачами языкового строительства, с развитием культуры и истории национальных языков народов Севера [Бубрих, 1932].

Многочисленные работы специалиста по кавказским языкам Н.Ф. Яковлева посвящены разработке алфавитов и орфографии, научных и практических грамматик, общих и специальных орфографических словарей [Яковлев, Хаджиев, 1930; Яковлев, 1938].

В отечественной лингвистической литературе накоплен богатый опыт решения языковых проблем. Так, в работах советских социалингвистов идет речь о языковой политике как о целенаправленном, сознательном

вмешательстве общества в стихийный процесс языкового развития и о языковом строительстве, т. е. о деятельности языковедов, непосредственно связанной с практикой, а именно – с принятием специфических мер, направленных на проведение языковой политики, а также с общественной жизнью и культурным строительством [Аврорин, 1960, 3-19; 1970, 6-16; Базиев, Исаев, 1973; Бахнян, 1994, 37-42; Герд, 1995, 6-19; Дешериев, 1977; Исаев, 1968; Никольский, 1970; 1976; 1985; Орусбаев, 1990 и др.].

По мнению В.Э. Шагалья, предметное содержание термина «языковая политика» складывается из следующих компонентов:

«1) Отношение государственных властей и политических партий к:
а) языку доминирующего этноса; б) языкам этносов, населяющих данную страну; в) иностранным языкам...

2) Мероприятия, направленные на изменение функционирования языковых образований по сферам общения (административно-управленческой, производственной и т. д.). При этом особое внимание уделяется: а) сфере образования, б) сфере массовой коммуникации.

3) Мероприятия по стандартизации функционирующих в стране языков, пополнение их лексикой и терминологией...

4) Деятельность организаций и учреждений, принимающих участие в разработке и проведении языковой политики, лингвистических, литературных и просветительских обществ» [Шагаль, 1983, 9].

Языковая политика, таким образом,

- осуществляется в пределах государства;
- включает в себя как внутринациональное общение, так и межнациональное,
- подразумевает множественность участников деятельности (лиц, этнических и социальных групп и коллективов, государственных структур), каждая из которых несет долю «коллективной ответственности» за ее осуществление.

- Она включает сложный комплекс коллективных мер по обеспечению соответствующего положения языка (законодательных, научных, культурных и пр.),

- а также комплекс оценочных отношений участников этносоциального общения по отношению к осуществляемой ими деятельности, в том числе идеологических установок.

Многоаспектность этого явления и широта объема соответствующего понятия отражается во множественности дефиниций языковой политики.

Отмечая высокую «чувствительность» функциональной стороны языка к воздействию социальных факторов, В.А. Аврорин пишет, что языковой политикой является «система мер сознательного регулирующего воздействия на функциональную сторону языка, а через ее посредство в известной мере также и на его структуру...» [Аврорин, 1975, 28-29].

Заслуживает внимания и взгляд на структуру языковой политики Л.Б. Никольского: «будучи практикой сознательного вмешательства в языковое развитие, языковая политика включает в качестве составных частей культуру языка и языковое планирование» [Никольский, 1970, 7]. С его точки зрения, языковая политика может быть направлена на сохранение языкового «статус кво» в том случае, когда состояние литературного языка обеспечивает беспрепятственное общение, но установленные нормы «расшатываются» языковой практикой его носителей, испытывающих воздействие просторечных или диалектных форм речи. В данном случае термин «языковая политика» целесообразно будет отождествить с термином «культура языка». С другой стороны, языковая политика может проводиться с целью изменения существующих норм и создания новых норм, а также новых языковых образований (в частности, новых литературных языков). И данный аспект языковой политики Л.Б. Никольский считает правильнее называть языковым планированием.

В.Г. Костомаров рассматривает термин «языковое планирование» как обозначение совокупности языковой политики, языкового строительства, культуры речи и языка [Костомаров, 1991, 53].

Как следует из вышеизложенного, наука не стоит на месте, особенно в области терминов. И что касается терминов *языковая политика* и *языковое планирование* и понятий, выражаемых ими, то не столь уж важно, какой из них станет доминирующим и будет в конце концов принят как основной: ведь главной целью дискуссий может стать построение теории воздействия общества на язык.

3.2 Языковой пуризм

Одну из наиболее распространенных форм поддержки автохтонного языка, его культивирования и совершенствования называют *языковым пуризмом*. В более узком смысле слова под *пуризмом* понималась в прошлом такая деятельность, которая образец и идеал языка и его нормы видела в его чистоте, целостности и незатронутости чужими влияниями. В широком смысле под *пуризмом* понимается – обычно с неодобрительным оттенком – такая кодификаторская деятельность, которая не соответствует современному уровню знаний о языке и не учитывает в полной мере назревшие потребности и постоянно меняющиеся черты речевой коммуникации. Таким образом, ценностной основой *языкового пуризма* является противопоставление понятий «свое, исконное» и «чужое, заимствованное». Питательной средой для *пуризма* является достигнутый и устоявшийся высокий уровень национального самосознания или же его рост, либо всплески в связи с различными социально-политическими обстоятельствами.

Языковой пуризм, т.е. предписание «правильного употребления с целью защиты и сохранения «чистоты» языка, начался во Флоренции в 1582 году с основанием Итальянской Академии делла Круска. Наиболее же известным

пуристическим учреждением в исторически обозримый период, пожалуй, была Французская Академия, созданная в 1635 году под покровительством кардинала Ришелье и руководством Клода Вожла, выступавшая за очищение, усовершенствование и облагораживание языка. Еще до ее создания, в последней четверти XVI в. во Флоренции наметилась тенденция к «реформе» языка, точнее, к «чистке» словарного состава, что было вызвано его значительной «итальянизацией» как следствием интенсивных культурно-языковых связей.

Культурно-языковые пуристические веяния – весьма характерная черта периодов формирования национальных литературных языков и резких сдвигов в их системах. Вопрос о чистоте литературного языка, о свободе его лексики от избытка иностранных слов остро ставится в такие периоды во всех странах. Россия не является исключением.

3.3 Отечественная языковая политика в отношении заимствований (конец XVIII - нач. XXI вв.)

Во второй половине XVIII века развитие словарного состава русского литературного языка, в полном соответствии с происходившими в это время сдвигами общекультурного порядка, оказывается связано с довольно строгой пуристической регламентацией, коснувшейся употребления иностранных слов нового западноевропейского происхождения [Сорокин, 1961, 28-29].

Известно, что в такие периоды в речевой обиход вводится нередко (из-за одного только стремления к национальным формам выражения, зачастую диктуемого государственной властью) «множество крайне неловко составленных слов, не отвечающих ни духу, ни закону языка» [Грот, цит. по: Василевская, 1969, 93]. В конце XVIII – начале XIX веков лавина вновь сконструированных лексем нередко вызывала раздражение особенно

представителей старшего поколения; например, академик Румовский писал: «Зараза выдумывать и ковать новые слова так распространилась, что в сем едином многие полагают свое достоинство и красоту языка российского, и стремление сему положить преграду столь трудно, как реке, из берегов своих выступающей» [цит. по: Ожегов, 1974, 171].

По-своему реагировала на разные культурные и культурно-языковые веяния эпохи XVIII века достаточно состоятельная для «поспевания за веком» в своем быту, в большинстве своем малограмотная, усваивавшая лишь верхи «образованности» часть русского общества. Тогдашние «умники», о которых писал Н.И. Греч, щеголяли в иностранных словах, «как в Тришкином кафтане, считая всякую латинскую или немецкую заплату признанием нового просвещения, которым надлежало отличаться от брадатых отцов и дедов» [цит. по: Василевская, 1969, 112].

Непримиримую борьбу с «иностранщиной» вели многие журналы (например, «Всякая всячина», «Смесь», «Почта духов», «Зритель», «Полезное с приятным» и др.), осуждавшие на своих страницах безотчетное следование западной моде, бесцельное увлечение заграничными путешествиями, подражательное щегольство в быту и распространившееся увлечение иностранными языками ради «вертопрашного кокетства».

Внешний облик, туалеты, манеры, занятия, интересы, времяпрепровождение, моральные принципы и, особенно, речь светского круга русского дворянского общества XVIII века, получившая название «щегольской жаргон», подверглись осмеянию сатириков и комедиографов. Впервые в русской литературе щеголь как типичная фигура появляется у А.П. Сумарокова в комедии «Чудовищи» в июне 1750 г.

«Франколюбие» – лейтмотив *петиметров* [слово *петиметр* (фр. *petit-maître*, букв. «маленький господин»), впервые зафиксировано в 1750 г. В дальнейшем появляется целая серия имен – *господчик* (по-видимому, калька с

нем. Herrchen), *вертопрах*, *волокита*, *щеголь*. Последнее, наряду с *петиметр*, стало наиболее употребительным [см.: Биржакова, 1981, 96-129]).

Он презирает все то, что делается и производится в своей стране и благоговееет перед любой вещью, привезенной из Парижа. Но самой яркой и наиболее высмеиваемой чертой петиметра было изображение его речи. Он постоянно подчеркивает свое презрение к родному языку и уважение к французскому. Чтобы «облагородить», по его мнению, родной язык, петиметр «украшает» его, употребляя французские слова и выражения.

Маска петиметра была очень удобна для осмеяния галломании русского придворного общества. Изображение щегольского жаргона шло в русле борьбы писателей за национальную чистоту русского языка.

Крайний пуризм оставался сильным течением и в самом начале XIX века: в 1804-1805 гг. в заседаниях Академии еще принимались решения говорить вместо *аудитория* – *слушальище*, вместо *адъюнк* – *приобщник*, вместо *актер* – *лицедей* и др. Обеспокоенные большим наплывом в русскую речь новых иностранных слов, опасаясь засорения и порчи русского языка, многие писатели, общественные деятели и ученые того времени призывали своих соотечественников к борьбе за чистоту русского языка. Одной из задач Российской Академии становится «очищение и обогащение русского языка».

Особенно оградялись от иностранных слов тексты нормативных актов и учебники. Уже в 1736 г. В.Н. Татищев писал, что законы должны быть писаны «так вразумительно, как воля законодавца есть, и для того никакое иноязычное слово... в законах употребляться не может» [цит. по: Василевская, 1969, 103-105].

Н.М. Карамзин, утверждавший, что русский язык «может равняться в красоте и приятности с лучшими языками древности и наших времен» и призывавший не пренебрегать и гордиться своим языком, пришел, однако, к выводу о естественном бытовании во всяком языке иностранных слов: «... Значит ли, наконец, оскорбление величества для языка введение слов

чужестранных? Не таким ли образом составляются все языки?» [цит. по: Василевская, 1969, 110].

Деятельность Н.М. Карамзина означала наступление в истории русского языка нового этапа, в частности ознаменованного сильнейшим расшатыванием пуристических ограничений предшествующей поры [см. об этом: Сорокин, 1961, 21].

В это же время архаисты во главе с А.С. Шишковым усматривали угрозу национальной самобытности почти в любом иноязычном слове, настаивая на изгнании из русского языка вообще слов нового западноевропейского происхождения.

Хотя В.И. Даль сетовал на засорение речи «чужесловами», то есть словами, заимствованными из западноевропейских языков, и поместил в свой словарь собственные эквиваленты заимствований (*дальнеговорильня, колоземица, миловзорить, мироколица, мокроступы, небозем, насылка, носохватка, самотник*), он все же писал: «От исключения из словаря чужих слов, их в обиходе, конечно, не убудет, а помещение их с удачным переводом могло бы иногда пробудить чувство, вкус и любовь к чистоте языка» [Даль, 1955, XXIV].

И в радикально изменившихся общественно-политических условиях вопросы этого круга не оставались без внимания. Для общественных оценок иноязычных заимствований, высказанных в дискуссиях о языке в начале XX в. (см. материалы дискуссий «Язык революции или революция языка?», «Дискуссия о порче языка» и др. в газетах Журналист, 1925, № 2, 4, 6, 7, Молодой большевик, 1926, № 15, 16, Коммунистическая революция, 1928, № 7, На литературном посту, 1929, № 11,12), были характерны две основные тенденции.

Прежде всего, это борьба за очистку языка от ненужных иностранных слов, употребляемых «без надобности» и часто неправильно. Именно о таких

случаях употребления иноязычных слов писал В.И. Ленин в заметке “Об очистке русского языка” [Ленин, ПСС, т. 40, 49].

На засорение языка газеты 20-х годов малопонятными массовому читателю заимствованиями указывал Л.В. Щерба : «Не так ярко, но все же вполне заметно революция отразилась на общем уровне печати и в другом смысле: язык стал вообще крайне небрежен, неряшлив и стал пестрить иностранными словами и оборотами больше, чем это было раньше... » [Щерба, 1991, 49]. Причиной, по мнению ученого, было то, что в ряды пишущих вступило значительное количество эмигрантов и иностранцев, которые привыкли к иностранному языковому мышлению, а из русского языка знают обыденный разговорный язык и «жаргон» газет, листовок, прокламаций, агитационных брошюр и т. п.

С точки зрения Д.Н. Ушакова, «и потребление иностранных слов, излишнее и неправильное, и вообще «коверканье» русского языка свойственно людям, недостаточно овладевшим русским языком... На почве недостаточного умения точно и ясно выразить мысль ... иностранное слово может быть легко предпочтено русскому, именно вследствие своей непонятности» [Ушаков, 1991, 61-62]. Во многом близка к этому точка зрения С.М. Волконского: «Иностранное слово не потому плохо (не потому только), что засоряет язык, но и потому (главным образом потому), что, заменяя ясное, определенное слово новым, мало понятным и потому неясным, влияет и на запас умственных понятий затмевающим образом... Люди почему-то думают, что они умнеют, когда произносят слова, которых не понимают» [Волконский, 1992, 46-47].

Наряду с реальной необходимостью очистки языка от ненужных иностранных слов в 20-е годы перед государственной властью стояла и другая задача – поднять уровень широких масс до понимания необходимого, т.е. хотя бы тематически ограниченного минимума иностранных слов, интернациональной лексики в целях повышения эффективности официальной

пропаганды. А.М. Селищев считал, что использование иностранного слова (часто без надобности) особенно характерно для революционеров: «Как интеллигенты, революционные деятели .. вводят в речь много терминов... Среди этих терминов большое количество приходится на заимствованные слова... Слова иноязычного происхождения испещряют речь революционных деятелей иногда без надобности, при наличии соответствующих русских терминов» [Селищев, 1928, 28-29]. В результате речь ораторов была для многих непонятной, а значит, новые идеологические установки попросту не воспринимались аудиторией (см. рассказ М.М. Зощенко «Обезьяний язык», 1925 г.).

Эта проблема также обсуждалась советской общественностью: «... многие из политических терминов и выражений должны быть усвоены массами, – сказал А.В. Луначарский на юбилейном вечере ГИЖа, – ... нельзя не употреблять многих слов, которые нужны, нельзя не употреблять слов *коммунизм, марксизм*. Нужно не отрекаться от них ... , а надо такие слова объяснить читателю» (см.: Журналист, 1925, № 2, с. 4).

Схожая ситуация складывалась в рабочей печати. «Наши газеты еще не доступны полностью для понимания широких рабочих масс», – писала «Правда» [цит. по: Селищев, 1928, 55]. Так, в начале 20-х гг. в Воронежской губернии Я. Шафиром было проведено интересное исследование на тему «Газета и деревня», целью которого являлось выяснить, насколько доступна современная газета восприятию крестьянина. Для этого им было предложено дать толкование 50 словам и выражениям, выбранным только из одного номера газеты «Беднота»: *игнорировать, инициатива, меморандум, нота, оккупация, навильон, регулярно, реклама, ультиматум, экспонат* и т. д. Выяснилось, что крестьяне в большинстве своем не понимали смысла этих слов. Ср.: *попустительство* – «сноха вышла из приличия» (распутство); *констатировать* – «конфисковать»; *элемент* – «человек обыкновенный»;

Совнарком – «уездный какой-то орган власти»; *наглость убийц* – «это значит совсем убили, а не ранили или как» [Шафир, 1923, 28-74].

Здесь же приводятся многочисленные пожелания самих крестьян, чтобы язык газет был более доступным, чтобы к иностранным словам давались пояснения, «чтобы на особой странице в газете все было объяснено по-нашему» [Шафир, 1923, 42].

Годы второй мировой войны и начало 50-х гг. резко отличаются от предшествующих периодов заимствования иноязычной лексики своим отрицательным отношением ко всему иностранному и, в частности, к иноязычной лексике и могут служить редким примером активного воздействия общества на словарь русского языка. Процесс заимствования англицизмов с началом «холодной войны» почти угас. Л.П. Крысин указывает на особую тенденцию к локализации употребления иноязычной лексики, к устранению ее не только из общего употребления, но и из специальных сфер. Эта тенденция может быть понятна в свете общеидеологической кампании борьбы против космополитизма в конце 40-х – начале 50-х гг. XX века. В результате этого в некоторых отраслях иноязычные термины, имевшие традицию употребления, заменяются русскими словами и оборотами. Ср. среди англицизмов: *корнер* (угловой удар), *офсайд* (вне игры), *голкипер* (вратарь) и т.д. [Крысин, 1968, 195].

Интенсификация международных связей, научно-техническая революция в середине 50-х гг. активизировали процесс заимствования иноязычной лексики, главным образом, английской. С конца 50-х гг. проблема иноязычных заимствований вновь заинтересовала широкие круги советской общественности. Появилось много публикаций, авторы которых протестовали против англоязычной интервенции. Одним из таких противников был К.И. Чуковский, который поддерживал идею замены многих англицизмов исконными русскими словами: «И, конечно, это превосходно, что такое обрусение слов происходит и в наши дни, что *аэроплан* заменился у

нас самолетом, *геликоптер* – вертолетом, *голкипер* – вратарем, *шофер* – водителем» [Чуковский, 1966, 58].

В начале 70-х гг. наплыв англоязычных слов среди других иноязычных заимствований стал ощущаться общественностью как основная причина «порчи», «засорения» русского языка, и это нашло отражение в дискуссии, проходившей на страницах «Литературной газеты» (см., например: Абрамов Ф. Язык, на котором говорит время. Литературная газета, 1972, 22 ноября; Андрианов Б. Что такое «дисплей»? Литературная газета, 1974, 22 февраля; Атаров Н. Замутились ли воды? Литературная газета, 1971, 25 августа; Винокур Е. Со словом шутки плохи. Литературная газета, 1972, 16 февраля; Владимиров Н. В свои ворота. Литературная газета, 1971, 28 июля; Липатов В. Слово в опасности. Литературная газета, 1971, 18 августа).

Многим англицизмам культурно-бытовой тематики, появившимся в языке в 60-70-е гг., были посвящены специальные публикации на страницах сборника «Вопросы культуры речи» и в журнале «Русская речь».

К.Ф. Яковлев в своей книге «Как мы портим русский язык (Об иностранных словах в нашем языке)» выступал против англо-американизмов: «В последнее время обнаруживается пристрастие к словам не просто иностранным, а – к английским, особенно американского происхождения. Высшим «шиком» иного словесного щеголя стало сказать: *круиз* (путешествие), *ленч* (второй завтрак), *сервис* (обслуживание), *оффис* (учреждение), *босс* (руководитель) и мн. др.» [Яковлев, 1974, 8].

По-видимому, резкое увеличение заимствований в этот период объясняется еще и активной подготовкой к Олимпиаде-80 в Москве. В основном заимствуется спортивная лексика.

Остродискуссионная проблема заимствования англо-американизмов нашла отражение в монографии Ф.П. Филина, в которой процесс заимствования назван «беспрецедентным в истории русского языка наплывом американизмов», а сами такие слова – «засоризмами» [Филин, 1981, 305].

Вторая половина 80-х годов – период решительных изменений в стране, выразившихся в перестройке и демократизации всех сторон жизни, в политике «нового мышления», ведущей к широкому сотрудничеству в различных областях деятельности с разными странами (в том числе англоязычными).

В газетах и журналах начали появляться статьи, авторы которых протестовали против новых англоязычных заимствований в русском языке без особой надобности: «Неужто вместо *масс-медиа* нельзя сказать *средства массовой информации*? *Спонсор, мейкап, коп ...* Странные вещи творятся! *Художники коммерциализируются, политики коррумпируются!* Остается добавить, что, увидев такое, читатель *фраппируется*, а русский язык при этом компрометируется» [Павлов, 1986, 32].

В это же время появляются письма читателей, которые не понимают новых англицизмов или неточно употребляют их (см., например: Письмо читателя. Правда, 17.3.89).

В последнее десятилетие XX века и начале XXI был опубликован ряд работ лингвистов, поставивших своей целью проанализировать тенденции, которые наблюдались в русском языке в конце столетия.

По мнению В.Г. Костомарова, «галопирующая американизация нашей жизни, в самом деле, очевидна повсюду – на университетских лекциях и в магазинах, в научных трудах и по радио, телевидению, в культуре и в быту, в русском языке» [Костомаров, 1993, 62]. Но в целом В.Г. Костомаров не видит причин для паники относительно «порчи» языка избыточными англо-американизмами, и речь, засоренная иноязычными словами, представляется ему лишь проявлением дурного языкового вкуса. «Русский язык не на краю гибели и даже не в кризисе. Он просто приобретает новый облик, что, как показывает история, всегда воспринимается, особенно лицами старшего поколения, как порча привычно-надежного» [Костомаров, 1994, 219].

Среди негативных последствий влияния английского языка на русский выдающийся историк русского языка В.В. Колесов выделяет «движение русского языка в сторону аналитичности, которая свойственна западноевропейским языкам, в особенности английскому... Сегодня в нашей речи появляется множество слов, похожих на английские: и сокращения, и упрощения, и всякие несклоняемые слова» [Колесов, 1998, 200]. Кроме этого, автор обеспокоен утратой образности в русской речи. С заимствованием нового иностранного слова исчезает образ, который веками сохраняло русское слово, перенося его из поколения к поколению. «Рушится связь времен, национальный язык утрачивает облик народного. Лишаясь корней, литературный язык помаленьку становится образно серым» [Колесов, 1998, 200]. В.В. Колесов пишет о том, что сегодня «заимствования воспринимаются как готовая сеть парадигматически, т.е. системно обусловленных номинаций, обслуживающих определенную культуру, и потому в модном рвении заимствуются целиком. Это не что иное, как насильственная смена ментальности» [Колесов, 2002, 202]. Автор обеспокоен тем, что заимствования «в искаженном произношении и бессмысленном значении» создают интеллектуальную интервенцию в сферы национальной речемышли. Для В.В. Колесова англо-американизация русского языка не просто проявление «дурного вкуса»; по его мнению, необходимо отстаивать свою самобытность, принимать срочные меры, используя опыт других стран: «Теперь, по существу, происходит не заимствование языковых форм, а экспансия культуры особого рода, культуры, организованной американской ментальностью и оформленной условно – английским языком. Таким образом, в русский язык хлынули не просто заимствования, а варваризмы – чуждые нам по смыслу и чуждые по звучанию. Речь теперь идет не о свободном нашем выборе и отборе объективно необходимых лексических средств, а о вытеснении коренного русского слова, и как следствие – русской ментальности, вот в чем беда. Когда такая беда нависла над другими

странами..., там приняли законодательные меры, и национальные ментальность, язык и культура были спасены. Действительно, сохранить язык без государственной заинтересованности и поддержки невозможно» [Колесов, 1998, 228].

Введение большого количества англо-американизмов, «понятийная соотнесенность которых нечетка, неясна, неопределенна», непонятных большинству носителей русского языка, А.В. Суперанская называет деформацией языка. Автора возмущает отсутствие меры, бескультурье и полуобразованность тех, кто несет ответственность за введение этих слов в русский язык [Суперанская, 1997, 104].

Л.В. Савельева приходит к выводу о том, что при осваивании непереуведенных иноязычных слов происходит грубое вторжение в русскую этнокультурную картину мира чужеродной ментальности. Так, например, с заимствованием выражения *брачные партнеры* в массовое сознание носителей русского языка внедряется другая система ценностей, «новое восприятие семейных отношений, свобода без ограничения нравственным долгом перед близкими, то есть, нечто прямо противоположное тому, что утверждалось более чем тысячелетней не только книжной, но и устнопоэтической традицией лирических, в том числе свадебных, песен, а также сказок, былин, пословиц, поговорок и т.д.» [Савельева, 1997, 44]. Автор видит опасную тенденцию в том, что «с каждым днем растет количество непереуведенных слов-иноземцев, за которыми стоит основанное на невежестве полное равнодушие к родному языку... Идет постепенная подмена ключевых слов культурно-исторического сознания нашего этноса...» [Савельева, 1997, 44]; при этом «забывается простая, но очень важная истина: *самобытность, интеллектуально-духовная самостоятельность* – это неотъемлемая черта общественной и личной свободы, тех прав человека, за которые обычно громко ратуют приверженцы заемного англо-американского словаря» [Савельева, 1995, 28-29].

Обоснованно полагают, что широкомасштабный процесс бесконтрольного массового заимствования иноязычных слов и выражений характерен для наций *с низкой самооценкой* [Бурукина, 1996, 33]; последняя, очевидно, может быть не столько врожденной, сколько внедряемой в сознание людей.

Однако следует отметить, что не все лингвисты испытывают опасения по поводу появления англо-американизмов, но и в некоторой степени оценивают их положительно, в качестве примера обогащения русского языка и продолжения традиции массового заимствования в XVIII и XIX веках. Так, П.Н. Денисов недоумевает: «Почему мы всегда болезненно реагируем на всевозрастающий наплыв заимствованных слов, в частности, из английского языка как бритуцизмов, так и американизмов... Почему в виде своеобразного лингвистического апартеида мы издаем словари и морщимся, как адмирал Шишков, от каждого прижившегося в нашем языке иностранного слова или только входящего варваризма» [Денисов, 1995, 58].

Таким образом, мнения отечественных лингвистов относительно американизации русского языка условно можно разделить на три группы:

- отсутствие какой-либо тревоги в связи с массовым проникновением англо-американизмов в русский язык,
- обеспокоенность и призыв носителей языка к бдительности и чувству меры в заимствовании и употреблении англо-американизмов в собственной речи,
- инициирование и поддержка специальной языковой политики, принятия законодательных мер по защите русского языка от неоправданной и вредной англо-американизации.

Все это говорит о том, что общество вплотную подошло к проблеме лингвистической экологии как сохранения национально-исторических традиций своей культуры и защиты этнического менталитета, воплощенного в словах и формах родного языка.

Необходимость решения вопроса о статусе русского языка в современных условиях, в законодательном порядке определить функции русского языка и условия выполнения им этих функций назрела давно. Согласно действующей Конституции РФ, русский язык является государственным на всей территории России (ст. 68). Различные варианты Закона о русском языке начали появляться в Государственной Думе с 1996 года. В ноябре 2000 года Комитет по делам национальностей Государственной Думы рассмотрел проект федерального закона «О русском языке как государственном языке Российской Федерации».

В преамбуле проекта совершенно справедливо сказано о необходимости усиления консолидирующей роли русского языка как государственного. Безотлагательна потребность в улучшении подготовки специалистов, деятельность которых связана с профессиональным использованием русского языка, особенно – работников средств массовой информации (ст. 6 законопроекта). Введение сохранения самобытности и чистоты русского языка, содействия повышению уровню культуры русской речи граждан в компетенцию федеральных органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов (ст. 7 законопроекта) представляется весьма своевременным. Правильно предлагается при оформлении рекламы, вывесок и т.п. сопровождать иноязычные тексты текстами аналогичного содержания на русском языке (ст. 17 законопроекта); хотелось бы, однако, чтобы и в этих случаях роль русского языка как государственного была приоритетной. В ч. 4 ст. 21 в целях защиты русского языка от неоправданных заимствований иноязычных слов, терминов и выражений, засоряющих русскую речь, предусматривается их замена соответствующими словами, терминами и выражениями русского языка.

В предложенном проекте закона есть еще немало хорошего и полезного. Но в целом проект слишком абстрактен. В нем отсутствуют четкие указания на то, каким именно образом предполагается реализация положений закона,

не названо, кто отвечает за то или иное направление и каковы степень и форма ответственности за нарушение законодательства РФ о русском языке как государственном и т.д.

Но все же следует помнить, что, даже при наличии самого идеального закона о языке, он может стать лишь элементом, хотя и одним из важнейших, общекультурной политики государства; до тех пор, пока основные тенденции этой политики не изменятся, закон о русском языке как государственном вряд ли будет способен улучшить культурно-речевую ситуацию.

3.4 Зарубежный опыт защиты автохтонных языков

В эпоху глобализации, с планетарной агрессией английского языка, необходимо решительное усиление внимания государственных организаций к укреплению приоритета своих языков. Упрочение их позиций рассматривается в мире как один из важнейших рычагов противодействия глобальной унификации культур, главный инструмент сохранения культурной множественности и канал обеспечения национальной идентичности.

Зарубежная практика впечатляет прежде всего уважительным отношением ко всему, что связано с поддержкой, распространением, внедрением собственных национальных языков. Это касается не только крупных держав, государственные языки которых принято называть мировыми, но и малых, которые через свой язык стремятся напомнить о себе, пробудить к себе интерес, вплести свой национальный колорит в многоцветье международного культурного общения.

Особо показателен опыт Франции. Высший совет по франкофонии во главе с президентом раз в год рассматривает состояние франкофонии в мире, определяет политическую линию страны в этом направлении. Высший совет по французскому языку во главе с премьер-министром разрабатывает и одобряет мероприятия по развитию французского языка внутри страны и за

рубежом. Национальное Собрание ежегодно рассматривает отчет правительства об исполнении закона об использовании французского языка. Кроме того, существует множество других ведомств и организаций, деятельность которых связана с распространением французского языка [Шмагин, 2001, 26].

Аналогичные государственные и правительственные органы есть и в других странах. Подготовка правительственных докладов о положении своих государственных языков в мире с последующим их обсуждением в национальных парламентах стала общей практикой. В программы зарубежных визитов руководителей Германии, Испании, Франции включаются такие, казалось бы, внешне малозначимые мероприятия, как посещения языковых курсов Института Гете, Сервантеса, Альянс Франсез.

Мировая практика накопила богатый опыт распространения языков заинтересованными в этом странами. Используются курсы при культурных центрах, и школы различных типов, и направление огромного числа преподавателей за рубеж, подготовка учебно-методических материалов, создание языковых кафедр в университетах, проведение всевозможных олимпиад и конкурсов, обмен преподавателями и студентами.

§ 4. К проблеме терминирования неассимилированной лексики

Контактируя с незнакомой культурой, человек неизбежно сравнивает две лингвокультурные общности – свою и чужую. Результатом такого сравнения нередко является непонимание или неполное понимание специфических проявлений чужой культуры.

Чтобы правильно понять обозначения вещей, а также связанных с ними образов в одном языке, необходимо иметь определенные представления о данной языковой действительности. Это так называемые фоновые знания,

являющиеся основой межкультурного общения, так как они предполагают обоюдное знание реалий представителями двух различных лингвокультурных социумов. По определению В.С. Виноградова, фоновые знания – это «... социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации и национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» [Виноградов, 1978, 87]. Фоновые знания безусловно известны всем членам лингвокультурного социума и составляют реальный фон, на котором разворачивается картина жизни народа. Они выступают в качестве показателя принадлежности человека к определенной национальной (локальной) культуре, а последняя, несмотря на влияние мировой цивилизации, всегда имеет свои специфические формы и способы существования. Язык, в свою очередь, закрепляет все аспекты национально-культурных особенностей социума. Поэтому в тезаурусе каждой лингвокультурной общности имеются определенные специфические понятия, к которым относятся и традиционные образы, и сравнения, и символическое употребление отдельных слов и выражений. Чтобы понять язык определенного этноса, необходимо пропустить выраженную в языке информацию через свою картину мира, соотнести ее со своими знаниями и таким образом найти соответствующее ее содержанию место в картине мира. И чем больше общая часть фоновых знаний у представителей различных этносов, тем успешнее коммуникация.

В отечественной науке расхождения (несовпадения) в различных способах существования языков и культур, проявляющиеся при их сопоставлении (при научном анализе, при переводе, при непосредственном восприятии культуры или текста), принято называть «лакунами», «антисловами», «белыми пятнами на семантической карте языка» [Степанов, 1965; Муравьев, 1971; Дорошевский, 1973 и мн. др.].

Канадские лингвисты Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне, которые первыми ввели термин «лакуна», определяют его как «явление, которое имеет место

всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке» [Viney J.P., Darbelnét J., 1958]. Лакуны, следовательно, можно считать факторами, затрудняющими понимание чужекультурного текста. Иными словами, используя формулировку Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковиной, *лакуна* – это элемент национальной специфики некоторой культуры, зафиксированной в тексте, представляющий трудность для понимания соответствующего фрагмента текста иностранцем [Сорокин, Марковина, 1987, 160]. Наиболее точной мы считаем следующую дефиницию Г.В. Быковой: “лакуна – это семема, представляющая в системе языка виртуальную лексическую единицу, занимающую соответствующее место в лексической системе в статусе нулевой лексемы” [Быкова, 1999, 31].

Необходимость поддержания коммуникации неизбежно порождает и порождает стремление элиминировать лакуны. Существует множество способов их заполнения, одним из которых является *заимствование*.

Многие лингвисты пытались истолковать термин *заимствование* с разных позиций. Так, специалисты, занимавшиеся вопросами билингвизма, интерференции, рассматривают *заимствование* как один из результатов контактирования двух языков и как результат интерференции [Щерба, 1974а, б; Дешериев, 1972; Розенцвейг, 1972а, б; Серебренников, 1953, 1955; Вайнрайх, 1972, 1979]. Одним из наиболее показательных примеров определения термина *заимствование* является следующий: «Оба эти термина (смешение языков и взаимное влияние языков), как и термин «заимствование» употребляемый часто применительно к явлениям контакта в целом, а не только в области словаря, представляет сложный процесс языковых контактов, в котором тот или иной из двух (или более) языков выступает как «дающая сторона» в противоположность другой, «берущей», или же в котором оба языка «обогащают» друг друга» [Розенцвейг, 1972а, 6-7].

Под *заимствованием* также понимается «обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий» [Ахманова, 1966] -

иными словами, *cultural borrowing* [Блумфилд, 1968] – или процесс перемещения языкового материала из одного языка в другой [Крысин, 1968; Аристова, 1978], или вовсе «не процесс, а, собственно, лишь первоначальное использование иноязычного материала в новой для него языковой обстановке» [Майоров, 1967, 211].

Л. Блумфилд под *заимствованием* понимает определенный вид языковых изменений и различает: 1) заимствование понятий культуры; 2) «внутреннее» заимствование, происходящее в результате непосредственных языковых контактов, обусловленных территориальной или политической близостью; 3) диалектные заимствования, проникавшие в литературный язык из диалектов [Блумфилд, 1968].

Э. Хауген указывает на двусмысленность и нечеткость термина *заимствование*, так как им может обозначаться как сам процесс заимствования (в его начальной стадии), так и его результат. Поэтому Хауген выделяет полное заимствование и частичное воспроизведение [Naugen, 1972].

Данная точка зрения получает отражение в работе В.Н. Ярцевой. Она отмечает, что для заимствованной терминологии (в области науки, техники и т.п.) полное воспроизведение чужого слова типично, разве что с поправкой на его приспособление к фонетической и акцентной системе заимствующего языка; что касается лексики бытовой, то при ее вхождении в лексико-семантическую сферу заимствующего языка столкновение с членами синонимических и словообразовательных рядов должно приводить к заметным изменениям в семантическом объеме заимствованного элемента [Ярцева, 1985].

Сложным представляется путь к достижению единства в понимании термина *заимствование*: когда одни авторы явно имеют в виду и учитывают различные оттенки его значения, а другие придерживаются мнения о том, что между терминами *лексическое заимствование* (как процесс перемещения слова из одного языка в другой) и *заимствованное слово* нет четкого

соответствия, то есть результатом лексического *заимствования* могут быть не только *заимствованные слова* в терминологическом понимании этого словосочетания, но и другие единицы, находящиеся в различных отношениях с системой заимствующего языка [Крысин, 1965, 109]. В другой работе Л.П. Крысин, развивая эту мысль, утверждает, что *заимствованиями* могут быть, наряду со словами и словосочетаниями, также и модели синтаксических конструкций – тем самым он характеризует *заимствования* как «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой», понимая под «различными элементами» единицы различных уровней структуры языка – фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики [Крысин, 1968, 18, 19]. Вследствие этого необходимо четко атрибутировать термин *заимствование* на каждом уровне: фонетическое заимствование, морфологическое заимствование, синтаксическое заимствование, лексическое заимствование, семантическое заимствование.

Многие ученые часто связывают процесс заимствования лишь с *лексическим заимствованием* [Ахманова, 1968; Розенталь, Теленкова, 1976; Сорокина, 1988]. Видимо, в этом есть определенный смысл: ведь все виды заимствования находятся в иерархической взаимосвязи, и лексическое заимствование является первой ступенью иноязычного влияния [Крысин, 1968, 19]. Фонетические, морфологические, синтаксические заимствования невозможны без заимствования лексического, без накопления в языке иноязычных слов с одинаковыми характеристиками. «Слова заимствуются всегда целиком, отдельные словообразовательные суффиксы и окончания никогда не заимствуются. Однако при заимствовании большого пласта слов, содержащих один и тот же суффикс, эти слова, точно так же, как и слова родного языка с одинаковым суффиксом, могут образовать группу, которая со временем может стать продуктивной» [Пауль, 1960, 469].

Можно констатировать, что в лингвистике продолжают сохраняться серьезные разногласия в семантическом наполнении терминов

заимствование, заимствованное слово, лексическое заимствование, иностранное слово и т.д.

Важно отметить, что стремление ученых разграничить и уточнить системы понятий, что обеспечило бы однозначное употребление терминов в науке, является свидетельством определенного прогресса в развитии теории заимствования. Вместе с тем, различные понимания термина *заимствование* (например, только как результата или только как процесса) до некоторой степени объясняют, видимо, и различия в его трактовке.

Следует согласиться с М.И. Стеблиным-Каменским, по мнению которого, «всякое лингвистическое описание – это проблема прежде всего терминологическая» [Стеблин-Каменский, 1968, 47], а следовательно, с выбора ключевого термина собственно и начинается исследование.

Одним из препятствий является вариативность терминования неассимилированной иноязычной лексики. Л.П. Крысин и Ю.Т. Листрова-Правда выделяют *экзотизмы* и *иноязычные вкрапления* [Крысин, 1968; Листрова-Правда, 1986], А.В. Калинин, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина, Н.М. Шанский – *экзотизмы* и *варваризмы* [Калинин, 1978; Розенталь, 1987; Фомина, 1990; Шанский, Иванов, 1981], а И.Б. Голуб – *экзотизмы, иноязычные вкрапления* и *варваризмы* [Голуб, 1986]. Нет четких критериев разграничения этих явлений, как и самих общепринятых определений экзотизмов, варваризмов и иноязычных вкраплений. Актуальность дальнейшего специального исследования понятийного содержания термина *экзотизм* определяется, с одной стороны, стремительным вхождением самих инокультурных реалий в быт носителей русского языка, а с другой стороны, значительным разнообразием точек зрения специалистов на эту проблему.

Существует ряд исследований, в которых слова, называющие особенности жизни и быта других народов, терминируются как «*безэквивалентная лексика*» (Н.Г. Михайловская, О.Н. Усачева), «*культурно маркированная лексика*» (И.Г. Аверьянова). Речь стала идти о «*национальной*

специфике» (И.А. Стернин), *«фоновом значении»* и *«культурном компоненте значения»* (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), *«следовом компоненте»* (П.П. Червинский) заимствованных слов. В ряде работ экзотизмы выделяются в особую категорию слов и терминируются как *экзотическая лексика, культурно-экзотические слова, экзотизмы-вкрапления, иноязычные включения, иноязычные элементы, безэквивалентная маркированная лексика, фоновые слова, ориентальные заимствования, ориентализмы, ксенизмы, локализмы, алиенизмы, этнографизмы*. Такое многообразие терминологических единиц все же не полностью отражает имеющееся многообразие слов, традиционно именуемых *экзотизмами*. Для обобщенной характеристики экзотических слов может быть полезным сопоставление наиболее известных точек зрения по этому вопросу.

Наиболее часто среди терминов *экзотическая лексика, экзотические слова, экзотизмы* для обозначения уникального, «безэквивалентного» (Л.С. Бархударов) понятия, не имеющего аналогов в языке-реципиенте, используется термин *экзотизм*.

Небезынтересно в этом отношении сравнить дефиниции слов *экзотика* и *экзотический*, представленные в разных лексикографических изданиях..

Словарь В.И. Даля: *экзотический* – ‘чуже/ино/земный, изъ жаркихъ странъ, о растениях’.

БТСИС-95: *экзотика* – ‘совокупность характерных черт, свойственных особенно отдаленным, заморским, преимущественно жарким странам, и являющихся, с точки зрения других стран (напр. северных), причудливыми, необычными’.

МАС-2: Причудливые, необычайные особенности (природы, обычаев, искусства и т.д.) отдаленных, малоизвестных стран.

СИС-98 (Крысин): *экзотика, и, мн. нет, ж.* [нем. Exsotik < греч. exhtikos чуждый, иноземн.]. ‘Причудливые, необычайные особенности отдаленных,

малоизвестных стран. Э. Африки. Восточн. э. *Экзотический, экзотичный* – причудливый, диковинный, поражающий своей необычностью’.

Сопоставив эти лексикографические дефиниции, мы можем сделать вывод, что семы слов *экзотика, экзотический* – *отдаленный, восточный, южный, заморский, жаркий, малоизвестный*. Они нашли свое отражение в определении *экзотической лексики* у О.С. Ахмановой: *лексика экзотическая* – ‘слова и выражения, заимствованные из *малоизвестных* языков, обычно *неиндоевропейских*, и употребляемые для придания особого колорита. В рус. яз. *гяур, шальвары, аул, чихирь, уздень*’.

Следовательно, можно предположить, что слова и выражения, заимствованные из *известных* языков, из *близко расположенных, северных* (западных, восточных) стран не могут называться *экзотизмами*. Позволим себе не согласиться с данным утверждением, тем более, что нижеследующие толкования слов *экзотика* и *экзотический* подтверждают наше предположение о том, что *экзотичность* не зависит от того, в какой части света и климатической зоне находится страна-источник:

СОШ-97: *экзотика*. ‘Предметы и явления, характерные для какой-нибудь местности и необычные для того, кто их воспринимает’. *Экзотический* то же, что *экзотичный*. ‘Причудливый, поражающий своей странностью. Э. наряд. *Экзотично* (нареч.) одеваться // сущ. *Экзотичность*’.

ТС-XX (2001): *экзотика* – перен. ‘Нечто необычное, причудливое, из ряда вон выходящее’.

Во многих работах [Калинин, 1978; Крысин, 1968; Розенталь, 1987; Фомина, 1990; Шанский, Иванов, 1981; Шмелев, 1977] *экзотизмами* именуется не только заимствования из малоизвестных, неиндоевропейских языков. Например, по мнению Э.В. Кузнецовой, к *экзотизмам* относятся «слова, называющие явления из жизни других народов, сугубо специфические, отсутствующие в жизни русских» [Кузнецова, 1989, 147].

Одни авторы [Новиков, 1987; Павлов, 1976; Супрун, 1963] в основу разграничения экзотических и неэкзотических слов кладут внешнесистемный признак – отнесенность к реалии, обозначенной словом, ее уникальность, отсутствие синонима в принимающем языке, высокая степень связанности с национально-культурным своеобразием содержания сообщения.

Другие авторы рассматривают экзотизмы в ряду противопоставлений: *экзотизмы – освоенные заимствования*. Так, В.Ю. Мартинек внешнесистемный признак (отнесенность реалии, обозначенной словом, к быту, жизни другого народа) не считает достаточным для трактовки лексики как экзотической [Мартинек, 1972]. И в результате этого такие слова, как *хобби, пенальти*, классифицируются как экзотические. Аналогичной точки зрения придерживаются Н.М. Шанский, А.А. Брагина, Д.Э. Розенталь.

Вероятная попытка совместить эти две точки зрения обнаруживается в работах Л.П. Крысина. «Среди иноязычной лексики много слов, которые хотя и переданы русской графикой, представляются чуждыми для носителей языка. Это слова типа *крузейро, чи даоба, просперити, вигвам, куадрилья, хартал* и т.п. – т.е. так называемая экзотическая лексика, связанная с обозначением специфических национальных черт (политического уклада, обрядов, особенностей быта и т.п. какого-либо народа)» [Крысин, 1968, 39-40]. Но экзотизм с заимствованием самого предмета (обычая и т.п.), им обозначаемого, может, по мнению Л.П. Крысина, превращаться в заимствованное слово, т.е. становиться элементом автохтонного языка.

Л.А. Брусенская же отмечает, что «в настоящее время выделение экзотизма по признаку отнесенности к чужой жизни, быту, культуре становится все менее актуальным», т.к. необходимо помнить об «экстралингвистической детерминации» обогащения словарного состава новой лексикой, и внешнесистемный признак – отнесенность обозначаемой реалии к чужому быту – признаком экзотизма считать неправомерно [Брусенская, 1982, 90]. В качестве подтверждения своей мысли исследователь

приводит пример с лексическими единицами *сары, мачете, цинандали, манты* и трактует их как неэкзотические. «Они обозначают реалии, характерные для быта и жизни других народов, носителей других языков., хотя вино цинандали хорошо известно в стране и за рубежом, однако все помнят о том, что это грузинское вино, ср. макароны – теперь только в специальной литературе находим указание на то, что это блюдо итальянское по своему происхождению» [Брусенская, 1982, 92]. И все-таки следует отметить, что это – обозначения реалий, изначально присущих иной культуре (может быть, даже иному типу культуры).

Т.П. Зюрина выделяет шесть признаков, характеризующих экзотизмы: 1) “привязанность” к языку “экзотической” страны; 2) формальное освоение: графическо-фонетическое и морфологическое; 3) семантическая неосвоенность (“недоосвоенность”); 4) отсутствие равных по значению слов в принимающем языке; 5) ограниченность сферы употребления; 6) принадлежность к определенному системному ряду [Зюрина, 1998; 119-124].

Трудность терминования слов, придающих национальную либо локальную окраску описанию и явственно связанных с бытом, культурой той или иной страны, того или иного народа, объясняется, по мнению А.А. Брагиной, и тем, что связь только с какой-то одной страной у таких единиц может ослабляться [Брагина, 1986, 75]. А.В. Калинин по этому поводу считает возможной дифференциацию на *широкие экзотизмы*, присущие двум и более странам, и *узкие экзотизмы*, присущие одной стране [Калинин, 1978]. В.П. Берков предлагает разграничить экзотизмы на *внешние* – слова, являющиеся экзотизмами для каждого из пары языков, и *внутренние* – слова, являющиеся обычными в одном языке, но экзотизмами в другом (*минарет, шейх*) [Берков, 1973, 113].

По мнению П.Л. Ким Юань-Фу, представляется возможным подразделять всю экзотическую лексику на две группы. При такой классификации предлагается ввести термин *экзонимы* (греч. *εξ* – внешний,

опота – имя). К экзонимам можно отнести, например, политические термины, имеющие национальный характер; будучи используемыми в политических текстах, они выполняют номинативную функцию. Экзонимы не служат целям создания «местного колорита», даже если они настолько периферийны для заимствующего языка, что их приходится снабжать пояснениями. Экзонимами также являются разного рода термины для обозначения иностранных государственных учреждений (например, парламентов), а также монархов, должностных лиц, единиц административного деления, дворянских титулов и т.п. К экзонимам примыкают, по мнению цитируемого автора, различные названия учреждений, компаний, партий, корпораций, газет, журналов и т.п., которые обычно не принято переводить. Экзонимам противопоставляется группа слов, имеющих стилистическую, контекстуально связанную с определенным языком окраску, так называемые «слова местного колорита». Сферой экзотизмов является лексика, связанная с описанием быта (этнографизмы) или исторических реалий (историзмы), иногда слова, связанные с описанием окружающей природы. Экзотизмами также являются иноязычные слова, используемые вместо исконных эквивалентов, чтобы показать, что данное явление или предмет в «своей» стране имеет некоторые особенности по сравнению с аналогами в стране языка-реципиента. Характерными экзотизмами являются иноязычные формы обращения (например, для русского языка: *герр, мистер, синьор* и т.д.) [Ким Юань-Фу, 1971, 56-59].

Попытка терминировать исследуемые единицы как *алиенизмы* была предпринята В.П. Берковым. Такие слова русского языка, как *паранджа, раджа, пагода, тролль, бундестаг, мафия*, трактуются как алиенизмы, т.е. под алиенизмами исследователь понимает слова и из европейских, и из азиатских языков, выдвигая только признак новизны реалии для автохтонного сообщества, вне зависимости от принадлежности к тому или иному языку [Берков, 1973]. Этот откровенно нетрадиционный термин, по нашим

наблюдениям, не получил в специальной литературе распространения и, скорее, сохранил статус окказионализма. Его не фиксируют ни отечественные лингвистические терминологические словари, ни последние словари иностранных слов.

В лингвистической литературе, исследующей восточные языки национальностей СССР, устоялся термин *ориентализм*. Этот термин также перекликается с *экзотизмом*, так как содержит в своей лексической номинации указание на Восток. Однако было бы правильнее считать термин *ориентализм* более узким и ограниченным, не чисто лингвистическим, в отличие от *экзотизма*. Ориентализм является терминой единицей науки ориенталистики (востоковедения). Согласно СЭС-90, *ориенталистика* – ‘совокупность научных дисциплин, изучающих историю, экономику, языки, литературу, этнографию, искусство, религию, философию стран Востока. Внутри востоковедения сложились региональные отрасли (например, арабистика, синология, индология).’

Замены термина *экзотизм*, определяющего лексический материал, терминами *этнографизм*, *регионализм*, *локализм*, определяющими и материальные предметы, и абстрактные понятия, на наш взгляд, неправомерны, т.к. чреваты смешением логико-понятийных единиц различных наук: лингвистики, этнографии и, может быть, еще и политологии.

Заимствованные лексические единицы, отражающие специфику быта страны-источника, называются также *ксенизмами*. По мнению В.И. Заботкиной, к ним относятся и слова из греческого, японского, китайского и других языков, которые обозначают явления, объекты, существующие только в стране-источнике, отсутствующие в принимающем языке и не имеющие в нем синонимов; отличительной их особенностью является большая степень новизны по сравнению с *варваризмами* [Заботкина, 1989, 126].

Термин *варваризм* также многозначен и интерпретируется по-разному. Например, у А.А. Реформатского он синонимичен *экзотизму*: «варваризмы –

это иноязычные слова, пригодные для колористического использования при описании чуждых реалий и обычаев» [Реформатский, 1955, 137-138]. По определению Р.А. Будагова, это – *неукоренившиеся заимствования* [Будагов, 1983, 77]. СИС-98 (Крысин) предлагает следующее определение *варваризма*: ‘слово или оборот чужого языка, построенные по образцу другого языка, противоречащие нормам данного языка, нарушающие чистоту речи’. Е.В. Маринова считает, что *лексический варваризм* – это “иноязычное по происхождению слово, обозначающее неспециальное, бытовое понятие и эквивалентное слову языка-реципиента” [Маринова, 2002, 112]. В Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой отражено три значения термина *варваризм*, в которых он используется в лингвистической литературе: ‘слово, образованное «неправильно», не в соответствии с моделями словообразования, действующими в данном языке»; ‘иноязычное слово, употребляющееся при описании жизни и быта других стран и народов для придания местного колорита»; ‘иностранный язык, не получивший права гражданства в общем языке и бытующий лишь в некоторых специфических социальных его разновидностях’ [Ахманова, 1966, 70].

Выделяется еще одна группа неассимилированной лексики – *иноязычные вкрапления*, основными характерными особенностями которых является соответствие словесного оформления (в нерусской, редко и в русской графике) миру материальных предметов носителей языка-реципиента, т.е. в принимающем языке есть слова синонимичные, дублирующие «иностранный» выражение; это не только предметы материальные, но и понятия и выражения, универсальные для всех языков. Термин *иноязычное вкрапление* был введен А.А. Леонтьевым. Эта единица охватывала все случаи проявления заимствованного слова в русском языке. Под *иноязычным вкраплением* он понимает и прямую вставку иностранного слова в графике языка-источника, и русское слово в иноязычной графике или в иноязычном звуковом оформлении, и кусок иностранного текста [Леонтьев, 1963]. Наполняемость

термина *иноязычное вкрапление* в авторском понимании А.А. Леонтьева не получила широкого распространения. Неоднозначно отношение к *иноязычным вкраплениям* у современных лингвистов. Одни употребляют термин *варваризм* [см.: Заботкина, 1989; Калинин, 1978; Новиков, 1987 и др.], другие выделяют как *вкрапления*, так и *варваризмы*, считая *иноязычные вкрапления* этапом в освоении заимствованной лексемы [см.: Арапова, 1989; Виноградов, 1977; Голуб, 1986 и др.]. Третьи же в своих работах терминируют такие слова только как *иноязычные вкрапления* [см.: Крысин, 1964; Листрова-Правда, 1986; Попов и др., 1986]. А Е.В. Ларионова в своем диссертационном исследовании «Новейшие англицизмы в современном русском языке» [Ларионова, 1993, 37-38] определяет *иноязычное вкрапление* как особый художественно-изобразительный прием, состоящий в использовании в художественной литературе и публицистике иносистемных языковых элементов. Стилистический эффект иноязычного вкрапления, по мнению автора, заключается не в самом слове, а в том, в какой мере оно подчинено нормам русского языка и в какой степени нарушает эти нормы (т.е. в широком смысле – в контрасте нормативного и ненормативного). В.М. Феоклистова считает, что понятие *иноязычного вкрапления* является широким, а *варваризм* – узким. Причем, *иноязычные вкрапления* подразделяются на две группы: *окказиональные* и *узуальные*. *Варваризмы* же, по мнению автора, представляют собой иносистемные элементы, входящие в состав *окказиональных иноязычных вкраплений* и являются элементом речи, а не языка и представляют собой семантически закрытый компонент текста для коммуниканта, не владеющего языком-источником. Что касается *экзотизмов*, то автор выделяет *экзотизмы-варваризмы*, *неэкзотизмы*, *окказиональные* и *интернациональные экзотизмы* [Феоклистова, 1999, 22-23].

Конечно, понятно желание ряда авторов предельно детализировать классификацию, однако языковые феномены зачастую оказываются многоаспектными, диффузными и с трудом поддающимися интерпретации.

Разделяя точку зрения Н.И. Толстого о том, что научная работа должна включать три группы терминов с учетом терминологической “сложности”: 1) термины принципиальные носители определенных научных концепций; 2) термины стилистические, употребление которых вызывается стремлением избежать тавтологии; 3) термины рабочие, обозначающие понятия, которыми оперирует автор с целью детализации анализируемых явлений и понятий [Толстой, 1969, 15], принимаем в нашей работе для операций с лексическим материалом следующие рабочие термины.

Под *заимствованием* мы понимаем элемент чужого языка, вошедший в лексико-семантическую систему русского языка [Добродомов, 1990, 158].

Термин *иноязычное слово* используется нами в значении “слово иноязычного происхождения”, т.е. в одинаковой мере по отношению к уже заимствованным словам и к словам, только входящим в русский язык.

Для английских по происхождению слов принят термин *англицизм*, независимо от того, какому из вариантов английского языка принадлежит слово - британскому или американскому.

Под *экзотизмом* в нашей работе мы понимаем англицизм, отражающий национально-культурную специфику языка страны-источника и поэтому обычно воспринимаемый как чуждый и в научным, и в наивном языковом сознании.

При определении глубинной сущности этнических (этнопсихологических, этнокультурных, этнолингвистических) противопоставлений в качестве таковой называют саму границу между сопоставляемыми и противопоставленными феноменами. “... Удивительное логическое свойство границы состоит в том, что она принадлежит одновременно обоим разграничиваемым явлениям. А если эти явления не просто различимы, но противоположны друг другу, то граница соединяет в себе несоединимое. А уже за пределами границы и чем дальше от нее, тем однозначнее, оба противоположных явления обретают каждое свое

собственное лицо” [Поршнеv, 1973, 12]. Подобное, как можно считать, вполне приложимо к процессам перехода лексических единиц из одного языка в другой, когда лексема, исконно присущая определенному языку и определенной культуре, пересекая незримую (но при этом несомненно существующую) границу, входит в словарный состав принимающего языка и становится его элементом. Укажем, кстати, что во многих случаях иноязычные слова пересекают еще одну границу, отделяющую их от лексики языка-реципиента: это рубеж между экзотической – и иной лексикой. Действительно, “пересечение всякой грани, разделяющей людей, будет ли это порог дома, порог возрастов, порог между полами, порог между ночью и днем, зимой и летом, рубеж между двумя исключаящими друг друга состояниями, сознается как акт сакральный” [Поршнеv, 1973, 12]. Подобным же образом сакральным (пусть даже и не осознаваемым в этом статусе речедеятелями) являются и самый факт лексического заимствования, и последующая утрата заимствованной лексемой первоначальной ипостаси экзотизма, обретение словом в языковом сознании носителей принимающего языка положения чего-то привычного и уже не чужеродного (чужекультурного); ведь “все ..., что находится по обе стороны любого такого перехода, – реальный, обыденный мир” [Поршнеv, 1973, 12], то есть – мир совершенно привычных реалий и обозначающих их слов.

Поэтому, как полагаем, оказывается возможным квалифицировать языковые явления, связанные с лексическими заимствованиями, и уже – с динамикой бытования экзотизмов (повышающейся во многих случаях их вхождением в лексику языка-реципиента), балансирующих на границе между “чужим” и “своим”, – по аналогии с бинарной структурой, именуемой дипластией, наличие которой усматривают в генезе всякой умственной деятельности. “Дипластия по своей логической природе противоположна умственной операции дихотомии, т.е. деления надвое – на “да-нет”, “или-или”... Операция дипластии осуществляется по принципу “и-и”, “и да, и нет”,

“и то, и не то” [Поршнеv, 1973, 13]. Следовательно, и степени противопоставления могут быть разными: от непримиримого антагонизма до вполне миролюбивой нетождественности, т.е. уже не столько *противопоставления*, сколько *сопоставления* [там же].

При изменении общественно-политической и экономической ситуации в России большой корпус слов несомненно перешел из разряда экзотизмов в разряд «обычных» заимствований. Это сопровождалось и продолжает сопровождаться освоением таких слов и эволюциями их коннотаций. Одновременно происходит перемещение данных слов с периферии лексического состава к его центру, повышение частотности их употребления, снятие словарных помет типа «в буржуазных странах» и т.п. Мы можем говорить о «повторном» заимствовании большого количества слов с расширением их денотативной сферы и изменением коннотативной окраски.

Примером изменчивости статуса экзотизма, причем такого, казалось бы, ранее бесспорного, как название иностранной валюты, являются перипетии существительного *доллар*.

Традиционно как типичные образчики экзотизмов во многих научных исследованиях и учебных пособиях приводятся наименования денежных единиц других государств. И сегодня, согласно ТС-XX (2001): *доллар* – ‘единица денежной системы США, Канады, Австралии и некоторых других стран; денежный знак соответствующего достоинства’.

О семантической освоенности этой единицы в русском языке, ее различных вариантах графического оформления, укреплении валентных связей свидетельствуют следующие примеры номинации данного явления материального мира, которое проникает во все сферы жизни российского общества и употребляется в контекстах разной функционально-стилевой принадлежности и стилистической окраски, как устной, так и письменной речи: *доллар(ы)*, *dollar(s)*, *евродоллар(ы)*, *наркодоллар(ы)*, *бакс(ы)*, *зеленые*, *зеленькие*, *гринь* и т.д. Заметим также, что такие

именования (денег), как *валюта, твердая валюта, конвертируемая валюта, капуста, условная единица, cash, currency*, по-видимому, присутствуют в современном российском дискурсе прежде всего для обозначения именно *американской* валюты.

О полном лексическом освоении данной лексемы со значением «денежная единица США...» мы совершенно безоговорочно не можем говорить, т.к. присутствие существительного со значением принадлежности обозначаемой им реалии прежде всего как атрибута (жизни) США указывает на признак локальности и «чужекультурности» – как основной для экзотизма. Но интересно сравнить толкования таких слов, как *долларизировать* и *долларизация*. Согласно ТС-XX (2001), *долларизировать* – ‘провести / проводить долларизацию’, *долларизация* – ‘внедрение американского доллара (в экономику России)’. Примечательны цитаты, раскрывающие содержание слов *долларизировать* и *баксы*: «Развалить ее [Европу] проще, чем, скажем, СССР. На постсоветском пространстве американцам удалось достигнуть более важной цели - долларизировать его. И наша экономика сегодня обслуживает не рубль, а доллар» (Эксперт, 12.04.99.). «В ту незапамятную пору .. далеко не все российские граждане четко осознавали, что, оказывается, американские баксы – это всего лишь наши родные доллары» (Налоговая полиция, 1996, № 9).

Очевидно, что такие изменения, произошедшие в статусе лексемы, выступавшей как несомненный экзотизм еще и в досоветские времена, самым непосредственным образом проистекают из радикальных перестроечных и особенно реформаторских экономических и политических новаций. Можно с большой степенью уверенности предполагать, что именно упомянутые трансформации не просто приблизили эту реалию к постсоветской повседневной действительности, сделав номинацию одновременно и обыденной, и стилистически нейтральной, почти совершенно лишив ее прежних идеологически и аксиологически насыщенных (ориентированных)

коннотаций – а тем самым и разрушив ее ореол «полноценного» экзотизма, т.е. экзотизма традиционно-канонического типа.

Парадоксально при этом, что государственной валютой России официально продолжает оставаться рубль, однако, насколько можно судить по текстам средств массовой информации, ведущее место в языковом сознании российских граждан в круге понятий, связанных с денежными единицами и финансовыми операциями, занимает *доллар* (да и само существительное *валюта* гораздо чаще, вероятно, соотносится все с тем же самым *долларом США*, нежели с отечественным рублем). По-видимому, активная пропаганда чужих социокультурных ценностей, проводимая в последние полтора десятилетия, увенчалась успехом: представления о «престижности» символов иной культуры стали общераспространенными, и среди них почетное место по праву принадлежит именованию денежной единицы США. Косвенным образом это подтверждает неоднократно ранее высказывавшееся мнение о некоей «престижности» иноязычных слов для многих носителей автохтонного языка. Любопытно, что рост употребительности и распространенности существительного *доллар* в современной российской речи (наверное, во всех сферах общения) сопрягается, по нашему мнению, с утратой им прежней коннотации (в значительной степени негативно-оценочной: ведь эта лексема называла валюту идеологического и геополитического противника СССР № 1) и формируемым приобретением новой, как кажется, позитивно-оценочной. Этим еще раз подтверждается взаимосвязь объективной действительности и лексического уровня системы языка. Бесспорно, что «язык – поистине копилка исторического опыта народа в гораздо большей степени, чем любая другая сфера культуры» [Поршнева, 1979, 104].

Таким образом, изучение взаимодействия языка и культуры на современном этапе продолжает оставаться актуальным.

Язык, воспринимаемый как фундаментальный компонент и главное орудие национальной культуры, может быть представлен как сумма созданных и создаваемых (если речь идет о живом языке) на его основе текстов. Культуру также можно рассматривать в качестве некоей ментальной сущности, воплощающейся в текстах, которые в своей хронологической последовательности репрезентируют разные стадии национальной (этнической) ментальности.

Планетарная гегемония английского языка в современном мире, ставшая особенно ощутимой после распада Советского Союза и социалистической системы, естественным образом распространяется и на Россию. Экспансия инокультурных ценностей происходит и на языковом уровне, как в форме внедрения в сознание социума представлений о превосходстве и “престижности” английского языка сравнительно с русским (соответственно – о чрезвычайной необходимости изучения первого), так и путем вхождения в почти всеобщее употребление англо-американских лексических элементов. Вследствие этого меняется и языковая картина российского этносоциума. Иначе говоря, результаты процессов заимствований можно квалифицировать в качестве трансформации ранее уже сложившейся, ставшей традиционной и привычной для многих поколений этнокультурной знаковой системы – этносоциокода –, за счет внедрения иных элементов, которые, по мере возрастания их удельного веса в коммуникативных актах, несомненно способны заметно изменить и данный (в нашем случае – русский) язык, и данную культуру, что, соответственно влечет за собой ломку и перестройку национального менталитета.

За свою многовековую историю русский язык неоднократно переживал влияние иноязычных лексико-семантических систем, которое может оцениваться (и оценивалось) по-разному. Однако следует сказать, что современный уровень притока заимствований из английского языка (точнее, из его американского варианта) совершенно беспрецедентен и исторически

несопоставим с предыдущим опытом по причине наличия мощного воздействия на культурно-речевую ситуацию и языковое сознание российского общества.

Во времена радикальных общественно-политических перемен как никогда остро ощущается потребность в наличии четко выражаемой государством и внятной для народа языковой политики. Одним из явных проявлений таковой мог бы стать полноценный закон о русском языке как государственном языке Российской Федерации, прописывающий систему защитных мероприятий в связи с иноязычными заимствованиями. Российское общество вплотную подошло к проблеме лингвистической экологии как средства сохранения национально-исторических традиций своей культуры и защиты этнического менталитета, воплощенного в словах и формах родного языка. Определенные надежды в этом отношении можно возлагать и на федеральную целевую программу “Русский язык”; правда, пока преждевременно говорить о ее эффективности. Оправданным здесь представляется учет зарубежного опыта (например, Франции). Впрочем, при наличии даже самого безупречного языкового законодательства такое может стать лишь составной частью общекультурной политики государства.

Понятие языкового заимствования толкуется и определяется специалистами с разных позиций и по-разному; различным оказывается и понимание, кажется, всеми лингвистами признаваемого и употребляемого термина *заимствование*. Вариативно до сих пор и терминологирование неассимилированных иноязычных лексических элементов (ср., например: *экзотизмы, культурно-экзотические слова, культурно маркированная лексика, экзотические вкрапления, экзотизмы-вкрапления, иноязычные включения, иноязычные элементы, безэквивалентная маркированная лексика, фоновые слова, ксенизмы, локализмы, алиенизмы, этнографизмы, экзонимы, варваризмы*, как частные разновидности – *ориентализмы* и др.). В результате анализа и сопоставления мнений лингвистов по этому вопросу считаем, что

заимствование – это элемент чужого языка, вошедший в лексико-семантическую систему языка-реципиента; *иностранное слово* – слово иностранного происхождения, как уже заимствованное (т.е. освоенное), так и только входящее в русский язык; *англицизм* – английское по происхождению слово, независимо от того, принадлежит ли оно британскому или американскому варианту английского языка; *экзотизм* (в рамках нашего исследования) – это англицизм, отражающий национально-культурную специфику страны языка-источника и поэтому обычно воспринимаемый как чуждый и в научном, и в наивном (обыденном) языковом сознании.

Считаем возможным квалифицировать языковые явления, связанные с лексическим заимствованиями, и уже – с динамикой бытования экзотизмов, балансирующих на грани между “своим” и “чужим”, по аналогии с бинарной структурой, именуемой дипластией.

ГЛАВА 2. Отражение иностранных заимствований в русской лексикографической традиции

§ 1. Словарь как лингвистический источник

1.1 Лексикография как особая филологическая дисциплина

Язык – важнейшее средство общения, важнейший элемент культуры любого народа, его национальное достояние. Согласно мнению многих исследователей, центральной единицей языка является слово. Таким образом, язык есть прежде всего система слов, и степень его развития и богатства во многом определяется богатством и разносторонностью его словарного состава. Специально изучать словарный фонд призваны такие лингвистические дисциплины, как *лексикология* – наука о словах и *лексикография* – наука о способах классификации словесного материала и его представления в словарях.

Анализ большинства существующих определений термина «лексикография» [см., например, ЛЭС, 1990, 258; Русский язык. Энциклопедия, 1979, 124; Ахманова 1966, 215 и др.] показывает, что мы имеем дело с достаточно распространенным в филологической терминологии явлением категориальной многозначности. Оно широко используется для выражения отношений «наука (раздел науки) – объект (предмет) науки». Таким образом, термин «лексикография» функционирует в научной литературе и в значении «лексикографическая теория» (научные основы словарного дела), и в значении «лексикографическая практика» (само словарное дело как объект изучения лексикографической теории).

Одной из причин формирования многозначности у вышеуказанного термина можно считать двуплановость термина *словарь*, который выступает одновременно и как название объекта лексикографической практики, и как определение предмета изучения теории лексикографии.

Все-таки, по-видимому, основная причина полисемии анализируемого термина непосредственно связана с историей развития лексикографической теории и практики. Многозначность явилась закономерным результатом долговременного синкретичного существования этих двух дисциплин [подробнее об этом см. работы Цейтлин, 1958; Ковтун, 1963].

К XIX веку в России складывается традиция, согласно которой практики словарного дела становились и его теоретиками, так как процесс создания нового словаря требовал критического осмысления опыта предшественников и разработки теоретического обоснования своего подхода к словарному делу. При этом русские лексикографы справедливо учитывали общекультурную значимость словарей: “Словарь отечественного языка есть одна из самых необходимых настольных книг для всякого образованного человека... Чем образованнее народ, чем значительнее в нем масса людей просвещенных, тем у него лучше, богаче, полнее, удовлетворительнее словарь его языка. Словари сопутствуют просвещению всюду...” [Срезневский, 1986, 57].

Зачастую дефиниции *лексикографии* не передают полного объема понятия, обозначенного этим термином. Многие отечественные и зарубежные филологи, давая определение *лексикографии*, спорят о том, является ли она «наукой» и / или «искусством».

Так, *лексикография* в наиболее распространенном традиционном понимании – как «теория и практика составления словарей» («theory and practice of compiling dictionaries») [Oxford, 1989], прежде всего, очень древнее искусство. Здесь термин *искусство* соответствует его употреблению в древнегреческом и латинском языках применительно к отраслям знаний, связанным с интеллектуально-духовной деятельностью в противоположность техническим знаниям и ремеслам. Так понимал лексикографию и А.А. Реформатский, который считал, что “*лексикография* – это научная методика и искусство составления словарей, практическое применение лексикологической науки, чрезвычайно важное как для практики чтения иноязычной литературы и изучения чужого языка, так и для осознания своего языка в его настоящем и прошлом” [Реформатский, 1967, 148].

Вышеназванные определения дают основание считать, что мы снова сталкиваемся с двумя сторонами анализируемого понятия: научно-теоретической и практически-прикладной. Теоретические основы

лексикографии, ее научный фундамент позволяют, без сомнения, отнести данную область человеческой деятельности к науке. Если же учитывать роль творческих начал лексикографа в его работе над составлением словаря (опору на эрудицию, интуицию, весь личный жизненный опыт), то эта практическая деятельность может быть вполне названа искусством (в широком смысле). В то же время лексикографию (и теорию, и практику) можно соотнести с понятием *искусство* в более узком смысле. Философское знание определяет *искусство* как одну из форм общественного знания, составную часть духовной культуры человеческого общества. Являясь одной из форм практически-духовного освоения мира, *искусство* с помощью специфических средств (образ, звук, цвет, линия и т.д.) в присущих ему формах воспроизводит реальную человеческую жизнь в ее целостности и структурной сложности. Эти элементы моделирования действительности явно можно выделить и в лексикографической теории и практике, если рассматривать словарь как «семиотическую модель жизни определенного человеческого общества, получившую отражение в словарном составе языка» [Денисов, 1978, 28]. Поэтому “словари, сосредоточивающие в относительно компактной форме лексическое богатство языка, аккумулируют историческую память народа. Таким образом, словари выступают и в качестве барьера, препятствующего разрушению культурно-исторического времени, утрате духовности и превращению нации в популяцию” [Васильев, 1997, 57].

Итак, лексикография выступает как комплексная историко-филологическая дисциплина, включающая в себя теорию и словарную практику. Можно предположить, что в будущем произойдет размежевание первого и второго значения термина *лексикография*. По мнению некоторых ученых, было бы вполне логичным закрепить этот термин за теорией, а лексикографическую практику назвать одним из ее синонимов – *словотворение* [Караулов, 1981, 34, 37], либо – что, на наш взгляд, более

предпочтительно, – *словарное дело* или *лексикографирование* [Морковкин, 1986, 103].

Считаем, что сохраняет актуальность положение, сформулированное В. Дорошевским о том, что эмпирическую основу теоретической работы составляют достижения лексикографии в форме словарей, благодаря которым становится возможным, по крайней мере в рабочем порядке и временно, охватить взглядом весь материал, являющийся предметом анализа; действительно, “современная эпоха – эпоха интеграции языкознания как теоретической науки о языке, лексикологии как науки о словах, лексикографии как науки о способах классификации словесного материала и его представления в словарях” [Дорошевский, 1973, 36].

1.2 Толковый словарь и его место в типологии словарей

Судьбы иноязычных слов в лексической системе русского языка представляются весьма показательными при обращении к известным лексикографическим данным. Особое место в этом отношении принадлежит словарям иностранных слов, которые являются разновидностью толковых словарей.

Толковым называется ‘одноязычный словарь, разъясняющий значение и употребление включаемых слов путем объяснений, парафраз, синонимов и т.п., то есть разных вариантов (разновидностей) интравербального перевода’ [Ахманова, 1966, 421]. Данное определение можно считать наиболее общепринятым в современной лингвистике. Известны и другие дефиниции: *толковый словарь* – ‘тип словаря, в котором объясняется (толкуется) значения слова’ [Русский язык. Энциклопедия, 1979, 357]; показывающий ‘значение, употребление, грамматические и фонетические особенности слов’ [ЛЭС, 1990, 462]; ‘содержащий толкования, объяснения слов’ [МАС-1, т. 4, 375].

Из этих определений следует, что тип толкового словаря можно выделить путем противопоставления другим словарям, в которых, с одной стороны, не разъясняются значения и употребления включаемых слов, а с другой стороны, разъясняются сами предметы и явления окружающего мира.

Долгое время среди филологов бытовало мнение, что термин *толковый словарь* был введен В.И. Далем [см.: Виноградов, 1941, 358; Канкава, 1958, 103; Цейтлин, 1958, 79], хотя дальнейшие исследования показали, что этот термин в применении к словарю начал использоваться еще в 80 - е годы XVIII века [см.: Биржакова, 1966, 94]. Однако именно В.И. Даль первым ввел слово *толковый* в название словаря и аргументированно его отстаивал. Благодаря популярности «Толкового словаря живого великорусского языка», сам термин стал широко известным и вошел в употребление. Прежде всего он был подхвачен составителями словарей иностранных слов, где употреблялся вместо устаревшего термина *словотолковник* (Дубровский Н., 1866; Чудинов А.П., 1901; Стоян П.Е., 1913). Термин *толковый словарь* употребляется в уже сложившемся закреплённом значении (словарь, содержащий толкования, объяснения слов) в названии первого словаря советской эпохи «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (СУ, 1934 - 1940). В последующих словарях (СО, МАС, БАС) прилагательное *толковый* было изъято из названия издания, хотя оно встречается в предисловиях к словарям и активно функционирует в лингвистической литературе. Однако оно вновь появилось в словарях под редакцией Г.Н. Складневской (ТС-XX (1998) и ТС-XX (2001)), В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (ТС языка Совдепии (1998), СОШ-97).

Весь набор признаков, необходимый для создания толкового словаря, может быть выявлен только методом параметрического анализа (что не входит в круг задач нашего исследования), однако главные признаки толкового словаря достаточно известны и неоднократно являлись предметом изучения [см., например, Оськина, 1992]. Наиболее разработанным и часто

обсуждаемым признаком является «толкование значения слов», который противопоставляется «толкованию значения понятия», что реализуется в противоположении «*толковый словарь – энциклопедический словарь*» [Щерба, 1974, 265]. Главными дифференцирующими признаками этих двух типов словарей являются различия в характере словарных определений и отношение к включению в словник имен собственных [Щерба, 1974, 279-281]. Толковые и энциклопедические словари, описывая одни и те же сферы действительности, демонстрируют разницу в характере семантизации, основанную на противопоставлении обиходных и научных знаний. Энциклопедический словарь семантизирует научные понятия, отражает научное знание. Толковый словарь, семантизируя лексическое значение, отражает обыденное сознание, дает менее строгие по сравнению с научными сведения, которые, однако, прямо науке не противоречат. Справедливость данного положения не вызывает сомнений, поэтому главное отличие вышеназванных типов словарей ранее усматривалось в противопоставлении объекта семантизации «слова – предметы, явления». А.А. Реформатский писал по этому поводу: «... в энциклопедических словарях описываются и разъясняются не слова, а те явления, которые этими словами названы ..., языковые же словари показывают именно слова с их значениями» [Реформатский, 1967, 148]. Тем не менее, этот общий принцип разделения толковых и энциклопедических словарей никогда не соблюдался на практике, так как «мир слов неотделим от мира вещей» [Гак, 1971, 524].

Дальнейшие исследования показали, что различия в характере семантизации не являются основными для противопоставления «толковый словарь – энциклопедический словарь». А.И. Киселевский сравнил целый ряд толкований одних и тех же слов в БСЭ и БАС и обнаружил их почти полное совпадение, что привело его к выводу об отсутствии резкой границы между толкованиями и определениями в толковых словарях и энциклопедических [Киселевский, 1977, 108].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что явно ощущаемое различие в качестве филологической и энциклопедической семантизации не основано на противопоставлении слов предметам и явлениям. Главное качественное отличие двух видов семантизации состоит в том, что филологические словари отражают те сферы действительности, которые не бывают объектами научного описания (например, повседневный быт), а энциклопедические «фиксируют области познания, которые не представлены в обыденном массовом сознании» [Верещагин, Костомаров, 1980, 238]. Это отличие наглядно проявляет себя в несовпадении словников двух типов словарей: процентное содержание групп малоизвестной и неизвестной рядовому носителю языка лексики в энциклопедическом словнике значительно выше, чем в филологическом, зато последний значительно превосходит энциклопедический по представлению общеизвестной лексики. Например, установлено, что приблизительно в двух третях словники двух лексикографических произведений (БАС-1 и БСЭ) совпадают, а их своеобразие обусловлено лишь несовпадающими третями [Верещагин, Костомаров, 1980, 238-245]. Что касается имен собственных (которые при вышеупомянутом подсчете были опущены), то на необходимость включения многих из них в толковый словарь указывал еще Л.В. Щерба [Щерба, 1974, 279], а составители БАС-2 уже включили значительное их количество в состав словника. Следовательно, признак наличия или отсутствия имен собственных не является дифференциальным для энциклопедического и толкового словарей.

Итак, по-видимому, тенденция сближения данных типов словарей, их взаимопроникновения и взаимодополнения, основываются, в частности, на идее антропоцентризма, стремлении к адекватному отражению картины мира [Бакеркина, 1994, 66].

Словарь иностранных слов, являясь разновидностью словаря толкового, имеет элементы энциклопедизма, которые зачастую способствуют более

четкому и более точному объяснению значения и лучшему пониманию этимологии слова, что, в свою очередь, обогащает знания пользующегося словарем о языке и мире; например, ТСИС под ред. Л.П. Крысина (1998): *таблoид*, а, м. [англ. *tabloid* букв. таблетка]. *проф.* ‘Бульварная газета (обычно сообщающая скандальные новости)’. | Первонач. *т.* – малоформатная газета со сжатым, концентрированным изложением информации; такая газета была метафорически уподоблена таблетке как концентрату лекарства. *Стронций*, я, мн. нет, м. [англ. *stroncium* – по назв. местечка (Strontian) Строншиан в Шотландии, где был впервые обнаружен минерал с т р о н ц и а н и т]. ‘Химический элемент, легкий серебристо-белый металл’. | Радиоактивный изотоп стронция – с.-90, образующийся при ядерных испытаниях, представляющий большую опасность при попадании в природную среду.

1.3 Эволюции жанра словарей иностранных слов

В русской лексикографической традиции словарь иностранных слов – один из давних жанров, прошедший долгий исторический путь до оформления в современном виде. Их появление было вызвано практическими потребностями. Уже в ранний период тексты памятников русской письменности включали лексику других языков. Естественно, по мере распространения письменности все более ощущалась необходимость в раскрытии семантики малознакомых слов с тем, чтобы содержание произведения было доступно пониманию широкого круга читателей. Такие пояснения, по наблюдениям Г.А. Богатовой, «рождались чаще всего в процессе создания текста, входили в его состав, раскрывая то или иное понятие, описывая реалию, подчеркивая ее название...» [Богатова, 1984, 27-28]. Однако наряду с введением глосс, комментированием непосредственно в тексте семантики того или иного слова, древнерусские книжники активно работали и над составлением отдельных трудов, посвященных специально

лексикографическим целям. Так происходило сложение азбуковников, или алфавитов, - обширных словарных сводов с азбучным расположением статей, а также рукописных кодексов, содержавших в своем составе подобные своды [Ковтун, 1975, 256], окончательно сформировавшихся как словари-тезаурусы [Ковтун, 1989, 5] во второй половине XVI века [Ковтун, 1989, 23]. По мнению ученых, древнейший из такого рода словарей приложен к Кормчей книге, которая была написана в 1282 году для новгородского архиепископа Климента. Он содержит объяснения 174 древнееврейских, греческих, старославянских слов [Цейтлин, 1958, 6].

Наиболее активными, по сравнению с предшествующим временем, процессы лексических заимствований становятся в Петровскую эпоху: «на этот период и 30-е годы приходится более половины заимствований всего XVIII века» [История лексики..., 1981, 59]. По образному выражению А.С. Пушкина, Петр I “в Европу прорубил окно”, через которое в русский язык хлынул поток западноевропейизмов. Более того, исследователи отмечают интенсивное развитие переводческой деятельности, а также регулярное преподавание уже с конца XVII века иностранных языков в русских школах. Во многом и появление иноязычных слов, и интенсивность их применения вызваны были «стремлением отделить старые формы жизни и восприятия мира от новых, с новыми светскими формами просвещения, с новыми тенденциями в речевом употреблении сторонников и проводников петровских реформ» [Сорокин, 1965, 44], среди которых, как известно, было немало иностранцев, занимавших высокие, а иногда и ключевые посты в государственной иерархии. Конечно, попытка создать новый тип мышления нации, сломать традиционные стереотипы мировоззрения, преодолеть систему прежних нравственных и культурных ценностей неминуемо должна была и отразиться в лексике, и использовать изменение ее элементов в качестве своеобразного орудия реформ [там же].

Обострявшаяся вследствие этого необходимость разъяснять широким кругам общества семантику лексических заимствований выразилась в росте числа различных по оформлению лексикографических пособий. Они появлялись не только в виде глосс и справочных словариков при оригинальных и особенно переводных научно-технических и публицистических произведениях, но и в форме словарей, помещавшихся во многих сборниках и журналах, а также выходивших отдельными изданиями. Одним из первых словарей такого рода является рукописный «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», созданный по поручению и при участии императора Петра Великого.

Огромный наплыв заимствований, характерный для Петровской эпохи, воспринимался современниками в основном некритично. Но вскоре ситуация изменилась. По оценке Ю.С. Сорокина, «это была пора героических попыток решительно раздвинуть семантические границы русского языка по возможности без привлечения новых слов иностранного происхождения» [Сорокин, 1965, 45]. Славянизация русского литературного языка, порождаемая и поддерживаемая как политико-идеологическими факторами, так и влиянием ломоносовской системы трех стилей, отразилась в лексикографии. В «Словаре Академии Российской, производным путем расположенном» (1789-1794 гг.) и в «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» (1806-1822 гг.) приводится лишь довольно ограниченное число иноязычных слов.

Авторитет М.В. Ломоносова для членов Академии Российской, составителей словаря, был непререкаем, поэтому создатели САР включили в него преимущественно только давние заимствования.

Несмотря на преобладание пуризма (а может быть, и в какой-то мере благодаря ему), продолжала ощущаться потребность в общедоступном и тематически универсальном словаре иностранных слов. Хотя и во второй половине XVIII столетия выходили в свет такие пособия, как «Словарь

разноязычный или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземских, употребляемых в русском языке, и некоторых славянских слов» под руководством Н. Курганова (СПб., 1769); «Речи иностранных языков» – в сборнике М. Комарова «Разныя письменныя материи» (М., 1791) и др., они обычно еще не в полной мере отвечали возросшему уровню задач как чисто лексикографического, так и общепросветительского характера. Определения значений иноязычных слов были, как правило, лишь в простых переводах и подборе русских соответствий; семантика и сфера употребления толкуемых слов разграничивались недостаточно четко. Весьма выгодно отличался от таких словарей созданный Н.М. Яновским тематически широкий «Новый словотолкователь» (ч. I-III), изданный в Санкт-Петербурге в 1803-1806 гг. Этот словарь получил одобрение как у современников автора, так и у исследователей истории русской лексикографии.

Следует отметить, что Яновский, совершенно в духе своего времени, одной из целей словаря считал и распространение морально-этических установок, утверждение определенных нравственных ценностей. Так, в статье слова *кокетка* 'говорится о такой женщине, которая, забыв стыд, первую добродетель своего пола, и предавшись чувственным удовольствиям, старается нравиться и привлекать к себе любовь мужчин' и т.п. Таким образом, «Новый словотолкователь» можно считать еще и своеобразным историко-культурным документом, запечатлевшим сведения о сфере интересов, уровне общих и специальных знаний, характере межличностных отношений в образованных слоях русского общества второй половины XVIII столетия. Более чем тридцатилетними трудами Н.М. Яновского был создан словарь, не только суммировавший и подытоживший лексикографические достижения предшествующего и современного ему периода, но и во многом предвосхитивший пути дальнейшей практики составления словарей иностранных слов. Это сделало «Новый словотолкователь» достижением

отечественной культуры, на протяжении первой половины XIX века не имевшим достойных конкурентов.

К 1830-м годам приток заимствований в русский язык вновь оживляется и нарастает. Как считает Ю.С. Сорокин, несколько десятилетий XIX века (30-е-80-е гг.) были в этом отношении чрезвычайно важным периодом; именно тогда сформировался тот значительный пласт терминов западноевропейского происхождения, которые прочно усвоились русским литературным языком и вошли в его лексическую систему в качестве слов общего характера [Сорокин, 1965, 48].

Активизация процессов заимствования отразилась в лексикографии, несмотря на все еще сильное влияние пуристических принципов. Так, словарь, составленный академиком П.И. Соколовым, – «Общий церковно-славяно-русский словарь» (63482 слова) – изданный в 1834 г., во многом следовал при отборе материала «Словарю Академии Российской».

Несколько иным по форме, но преследовавшим ту же цель, что и словарь Яновского в области этимологических и словопроизводных исследований, явился двуязычный словарь Ф. Рейфа, изданный в Санкт-Петербурге в 1835 г. «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологический лексикон русского языка» был задуман как учебное пособие для изучения французского языка.

Словарь Ивана Ре ... ф ... ца (Ренофанца), изданный в 1837 году в Санкт-Петербурге, предназначался для «любителей чтения русских книг, газет и журналов». Такие словари становятся необходимыми для правильного понимания газетных и журнальных статей и переводной художественной литературы – настолько тексты были насыщены иноязычными словами.

На фоне лексикографических трудов XIX века выделился «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Н. Кириллова (1845-1846 гг.), замечательный своим трактованием многих иностранных слов

политического содержания. Он был задуман как мощное средство революционной пропаганды идей социалистов-утопистов.

Резкое неприятие в начале 50-х гг. XIX в. «Карманного словаря» вовсе не положило конец делу издания СИС. Напротив, впоследствии быстро увеличивался их объем, причем некоторые из них неоднократно переиздавались, так как потребность в них была очень велика: поток лексических заимствований хлынул в русский литературный язык, особенно в тексты научных книг, журналов и газет. В книжные лавки поступает ряд словарей. Назовем, к примеру: «Словарь иностранных слов, наиболее употребительных в русской литературе» (1861 г.), «Толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык с указанием корней» (1866 г.), составленный Н.А. Дубровским, «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания» (1863-1866 гг.), под редакцией Ф. Толля, «Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка...» (1865 г.), составленный И.Ф. Бурдоном, «Словарь иностранных слов военного значения, принятых в русском языке» (1870 г.), составленный А.Ф. Погосским, «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи» (1894 г.) под редакцией А.Н. Чудинова и мн. др.

Однако, несмотря на эту творческую активность, следует отметить, что репрессии против словаря Кириллова не могли не оставить следов как в русской лексикографической практике 50-60-х гг., так и последующих десятилетий. Высказывается мнение о том, что генерал Анненков – официальный представитель царского правительства сформулировал принцип этимологической интерпретации слов, иначе говоря, «объяснительный перевод», как основной критерий толкования в словарях иностранных слов лексических единиц, в результате чего нередко искажалось действительное смысловое содержание толкуемых слов [Бельчиков, 1974, 74].

К середине XIX столетия потребность в новом толковом словаре русского языка ощущалась настолько остро, что замыслы его создания возникали не только у филологов, но и у литераторов, и прежде всего тех, которые постоянно обращались к живому источнику русской народной речи.

Как бы ответом на подобные пожелания стал Словарь Даля – эта «своеобразная энциклопедия народной русской жизни первой половины XIX века» [Виноградов, 1977, 229]. В.И. Даль, как известно, выступал против ненужного заимствования и излишнего употребления иноязычной лексики. Он исходил при этом из глубоко принципиальных патриотических убеждений. И все же В.И. Даль стремился к объективному отражению состояния лексики русского языка и не мог поэтому не включить некоторое количество заимствованных слов в «Толковый словарь живого великорусского языка».

В 1872 году в Москве издается словарь иностранных слов А.Д. Михельсона, который явился самым крупным словарем данного типа в XIX веке. В этом словаре представлена новая лексика из английского языка середины и конца XIX века – в основном философская, политическая и социальная терминология.

Особый интерес для изучения эволюции заимствованных слов, в особенности семантического развития их на русской почве, представляет собой двухтомный «Опыт русской фразеологии. Свое и чужое» М.И. Михельсона, где собраны многочисленные образцы употребления иностранных слов в русском языке, их стилистического и метафорического использования.

Освоение новых заимствований продолжается и в начале XX века. В это время процесс приобретает качественно иные черты по сравнению с предыдущим. Менее значительным становится заимствование собственно лексических единиц, но увеличивается количество иноязычных морфем, развивающих на русской почве большую словообразовательную активность;

растет число семантических и словообразовательных калек. Особую значимость приобретает вопрос об иноязычных словах, все более прочно укрепляющихся в сфере политической терминологии. Не всегда достаточными для их понимания оказываются данные уже ставших популярными упомянутых словарей иностранных слов, постоянно переиздаваемых с дополнениями, и некоторых вновь изданных (например, «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Ф.Н. Берга и А.А. Петрова, М., 1901; «Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» М. Попова, М., 1904; «Словарь иностранных слов и научных терминов» А. Яновского, СПб., 1905 и др.). Поэтому выходят в свет многочисленные лексикографические пособия сугубо практической направленности с характерными названиями: «Словарь политических, социально-экономических и некоторых других слов. Пособие при чтении газет, журналов и книг по общественным вопросам» Ачадова (М., 1906); «Толкователь политических слов и терминов» А. Волгина и С. Ашина (М., 1906); «Толкователь газет и журналов с прибавлением Словаря иностранных слов» И.К. Гана (Вильна, 1900); «Краткий народный словарь. Пособие при чтении газет и популярных политико-экономических брошюр» Н. Смирнова (СПб., 1906); «Теперь мне понятны многие незнакомые слова, которые я встречал в разговорах и газетах!» А.Н.Л. (Рига. 1907) и т.п.

Октябрьская (1917 г.) революция и последовавшие за ней крупные общественно-политические изменения, естественно, отразились и в лексике, в том числе – в употреблении слов иноязычного происхождения. Необходимость разъяснения таких слов обуславливалась не только задачами собственно культурного строительства, но и – не в последнюю очередь – заботой о доступности и действенности пропагандистских текстов. К словарям первых революционных и послереволюционных лет добавлялись новые, зачастую содержавшие не только толкования иноязычных слов, но также и справки энциклопедического характера, идеологически окрашенные

должным образом, и даже биографические сведения о наиболее выдающихся политических деятелях («Политический словарь». СПб., 1917; «Словарь по рабочему вопросу. Краткая энциклопедия по вопросу о положении рабочего класса в России и за границей», 1917; «Словарь (политические и иностранные слова)» Гомартели и Маркова. М., 1917; «Толковый словарь (пособие при чтении газет)» С.С. Кондурушкина., П., 1917; «Словарь иностранных слов» В.А. Зеленского (М., 1918); «Краткий словарь иностранных слов» Г. Вейнбаума. Красноярск, 1918; «Популярный политический словарь». М., 1922 и др.).

Словарь иностранных слов К.С. Кузьминского под ред. Т.М. Капельзона с приложением «Грамматики иностранных слов» Н.В. Юшманова (1933 г.) ставил задачей лексикографирование новых слов, вошедших в обиход русской письменной речи за последние шестнадцать лет революционной эпохи и строительства социализма.

Марксистско-ленинская лексика находит свое отражение в СИС, выпущенном в 1937 г. коллективом государственного института «Советская энциклопедия» под ред. Ф.Н. Петрова. Приложением к нему служит список нетранслитерированных слов и выражений, встречающихся в литературе и «Грамматике иностранных слов» Н.В. Юшманова. В предисловии отмечается, что «при подборе слов редакция обратила большое внимание на общественно-экономическую и политическую терминологию и включила в словарь иностранные слова, встречающиеся в работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина».

В 1939 г. вышел новый «Словарь иностранных слов» под редакцией Ф.Н. Петрова (главный редактор), И.В. Лехина, С.М. Локшиной и Л.С. Шаумяна. Он получил широкое распространение, неоднократно переиздавался. В 1951 году выходит «Краткий словарь иностранных слов» под редакцией И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. Каждое последующее издание этого словаря существенно дополнялось и перерабатывалось.

В 1966 году опубликован «Словарь иноязычных выражений и слов» А.М. Бабкина и В.В. Шендецова, являющийся обширным сводом иноязычных проникновений в русский язык. Объяснения слов иллюстрируются цитатами из художественной и публицистической литературы. В 1981 году выходит 2-е издание этого словаря, переработанное и дополненное (А - Л), а в 1987 году (К - Z). В 1994 г. этими же авторами издан «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода».

«Бывают эпохи..., когда слова появляются и исчезают с калейдоскопической быстротой... Совершенно очевидно, что каждый культурный народ должен следить за изменениями в словаре своего языка», - писал Л.В. Щерба [Щерба, 1966, 74]. В 60-е годы развитие науки и техники, крепнувшие экономические и политические, культурные связи советского государства со многими странами мира, интернационализация искусства, широкое распространение в быту радио, телевидения приводило к постоянному пополнению словаря русского языка неологизмами, в том числе иноязычного происхождения. Многие из них не нашли своего отражения в словарях. Пробел в этой области до некоторой степени восполнил словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов «Новые слова и значения» под редакцией Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. Впервые в советской лексикографии он регистрирует новейшие слова и их значения, появившиеся в русском языке буквально на памяти современников и отражающие новые явления жизни.

Позднее были выпущены «Новые слова ... 70-х гг.» под редакцией Н.З. Котеловой; «Новые слова... 80-х гг.» под редакцией Е.А. Левашова; «Словарь новых слов и значений русского языка (середина 50-х – середина 80-х гг.)» под редакцией Н.З. Котеловой. Кроме этих словарей, отражающих новую лексику и фразеологию одного или нескольких десятилетий, был налажен выпуск ежегодников по новой лексике: «Новое в русской лексике. Словарные материалы - 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84» / под редакцией Н.З. Котеловой; 85 /

под редакцией Н.З. Котеловой, Ю.Ф. Денисенко; 86 / под редакцией Н.З. Котеловой, С.И. Алаторцевой, Т.Н. Буцевой; 87 / под редакцией Н.З. Котеловой, Ю.Ф. Денисенко; 88 / под редакцией Е.А. Левашова («Словарные материалы - 89» / под редакцией Н.В. Соловьева; 90 / под редакцией Т.Н. Буцевой; 91 / под редакцией Ю.Ф. Денисенко находятся в печати).

Но здесь следует отметить, что автор идеи создания таких ежегодных выпусков Н.З. Котелова считала, что представленные в них «сами подлежащие описанию явления еще не стали отчетливыми в течение наблюдаемого периода, не определился статус слова (значения, выражения) в языке и речи, его стилистические и иногда даже грамматические свойства» [Котелова, 1995, 5]. Поэтому не случайно, что эти ежегодные выпуски словарных материалов не учитывались при определении лексикографической фиксации слова во втором издании Словаря современного русского литературного языка в 20-ти томах, а также в Сводном словаре русского языка.

В 1994 году выходит «Современный словарь иностранных слов: около 20 000 слов». В работе над словарем принимали участие Н.М. Ланда, Д.В. Смыслов, Р.Г. Апресян и многие другие. По сравнению с последним изданием «Словаря иностранных слов», словник данного словаря возрос более чем на 1000 слов, значений и терминологических сочетаний.

В 1995 году выходит «Большой толковый словарь иностранных слов» в трех томах (составители М.А. Надель-Червинская, Г.П. Червинский); в 1997 – «Словарь иностранных слов» (составители Т.С. Кудрявцева, Л.С. Пухаева, Р.А. Арзуманова); в 1998 году – «Словарь иностранных слов: с грамматическими формами, синонимами, примерами употребления» (под редакцией И.К. Сазоновой).

В этом же году выходит широко известный «Толковый словарь иноязычных слов» Л.П. Крысина. В основу словаря положен словник «Современного словаря иностранных слов» (М., 1992), а также в словник

были отобраны иноязычные слова, в том числе специальные термины, появившиеся в русском языке в последние два-три десятилетия: *виндсерфинг, йогурт, кейс, кикбоксинг, сериал, скотч* и мн. др.

Значительное количество новых заимствований из английского языка, закрепившихся в разговорной и письменной речи в последние 10-15 лет, отражено в «Словаре иностранных слов» Е.А. Зенович (2000 г.).

В «Словаре иностранных слов» Н.Г. Комлева (2000 г.) включены заимствования, которые либо уже довольно широко распространены в русской речи, либо употребляются пока только в профессиональном языке, либо вообще встречены составителем словаря в русском варианте лишь несколько раз.

Динамические языковые процессы двенадцати лет (1985-1997 гг.) представлены в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г.Н. Складневской, насчитывающем около 5,5 тысяч слов и выражений, отражающих практически все сферы современной жизни. В статье «От редактора» говорится: «В Словаре сделана попытка описать не статичное состояние лексической системы (или ее фрагмента), а ее динамику, те сложные перекрещивающиеся и противоречивые процессы, которые происходят в настоящий момент» [ТС-XX, 1998, 10].

Для показа динамики в лексическом составе современного русского языка в Словаре разработана система содержательных графических знаков, которыми отмечают: новое слово (значение); первая словарная фиксация; относительно новое слово (значение); возвращение слова из пассивного запаса; уход слова в пассивный запас.

В 2001 году Институт лингвистических исследований РАН выпускает «Толковый словарь русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» также под редакцией Г.Н. Складневской. Теперь Словарь включает уже более 7000 слов и устойчивых словосочетаний, отражающих языковые динамические процессы нашего времени, порожденные политическими,

экономическими, социальными, культурными и другими переменами в обществе.

Для нашей работы особый интерес представляют первые два разряда лексики из четырех, выделяемых составителями.

В *первый* разряд входит новая лексика – представленная в словарях последнего десятилетия или до настоящего времени не получившая словарной фиксации. Наиболее важный (если не основной, то во всяком случае наиболее очевидный) источник новой лексики – заимствования (преимущественно из американского варианта английского языка).

Второй разряд составляет лексика так называемого основного фонда – обычные, привычные «старые» слова, подвергнувшиеся актуализации, т.е. претерпевшие в описываемый период семантические, стилистические, сочетаемостные, оценочные и другие изменения.

Помимо собственно лексикографической информации (толкование, пометы, иллюстрации и т.д.), Словарь дает разнообразные сведения о самом предмете или явлении, выраженном словом (энциклопедические данные, указание на его особенности в наше время и в прошлом, на меняющиеся у нас на глазах смысловые, оценочные и другие характеристики).

Очевидно, издание и словарей неологизмов, и словарей иностранных слов как особого жанра, будет продолжаться, так как динамические процессы живого языка, в том числе заимствование, продолжают непрерывно, особенно в эпоху интенсивного и радикального реформирования всех сторон жизни социума.

§ 2. Толковый словарь как неотъемлемый компонент идеологического обеспечения социума

Характеристика слова в различных словарях с учетом времени их создания, прагматические установки на адресата неразрывно связаны с идеологией словаря, проявляется и в составе словника, и в специфике дефиниций, и в стилистических и иных пометах, и в иллюстративном материале. Словарь не просто описывает лексику, но обязательно отражает философию эпохи, совокупность этических представлений народа [Козырев, Черняк, 1989, 17], отсюда – высокая культурно-историческая ответственность лексикографов. Поскольку же «слово понимается каждым согласно с его образом мыслей» [Буслаев, 1848, 66], то не праздным оказывается вопрос о степени объективности создателей словарей. Хотя и И.И. Срезневский считал, что «составитель словаря не должен создавать, навязывать, предписывать, а только собирать, указывать и объяснять» [Срезневский, 1986, 65], и Х. Касарес в своем фундаментальном труде советует составителю современного словаря на научной основе «быть постоянно начеку и следить за своим пером, пресекая всевозможные проявления своей личности, начиная с индивидуальной манеры выражения т.е. со стиля, и кончая обнаружением своих симпатий и антипатий, политических взглядов, философских и религиозных убеждений и т.п... Только при этом условии это произведение будет принято всеми читателями как плод честного, серьезного и *беспристрастного* исследования» [Касарес, 1958, 159 и далее]; но, например, Л.В. Щерба и С.И. Ожегов были уверены, что «словарь должен отражать советскую идеологию» [См.: Щерба, 1974в, 277; Ожегов, 1974, 160].

В последние годы многие работы отечественных лексикографов-русистов советской эпохи подвергаются критике именно с позиций идеологических (как и все советское), а не собственно лингвистических [Купина, 1993, 1995; Хан-Пира, 1994]. Современные лексикографические издания демонстративно стремятся избавиться от какой-либо идеологизированности. Например, в предисловии к 4-му изданию ТСОШ-97 Н.Ю. Шведова отмечает, что «существенным моментом является то, что этот

словарь полностью освобожден от тех навязывавшихся извне идеологических и политических характеристик и оценок ..., которые в той или иной степени присутствовали в предыдущих изданиях» [предисловие СОШ-97, 4].
Позволим себе усомниться в возможности редукции идеологического компонента в профессионально-лексикографическом толковании слов.

Согласно МАС-2, *идеология* – ‘система идей, представлений, понятий, выраженная в разных формах общественного сознания – философии, политике, праве, морали, искусстве, религии, и отражающая коренные интересы классов, социальных групп’. «Марксистско-ленинская идеология», «буржуазная идеология»; *идеология* – ‘система взглядов, идей, которые характеризуют то или иное общество, тот или иной класс или политическую партию’. «Марксистско-ленинская, марксистская, коммунистическая, социалистическая, пролетарская, революционная, передовая, прогрессивная, буржуазная, либеральная, реакционная, господствующая, научная, новая, чуждая кому-чему-л., враждебная кому-чему-л. идеология. *Идеология кого-чего* ~ коммунистов, социалистов, какой-л. социальной группы, какого-л. класса, какой-л. партии, пролетариата, крестьянства, буржуазии...; *идеология чего*: (о том, какая идеология) ~ коммунизма, социализма, расизма...» [Сл. сочет.] или : “идеология – система политических взглядов, которая разъясняет силам, действующим в политике, общую картину мира, ценности, которые лежат в основе действий, указывает средства, обеспечивающие реализацию этих ценностей, а также дает общие директивы действий” [Ветров, 2000, 196].

Как элемент общественного сознания идеология существует прежде всего в языке. Именно благодаря языку идеология внедряется в общественное сознание и функционирует. Влияние официальной идеологии осуществляется через языковую политику [Купина 1995, 7], а толковые словари, как известно, являясь источниками не только собственно лингвистической, но и культурологической, в том числе и идеологической информации, становятся проводниками государственной (языковой в частности) политики.

Совершенно закономерно, по мнению А.Д. Васильева, что отказ от коммунистической идеологии в качестве “единственно верного и всепобеждающего учения” был незамедлительно представлен как деидеологизация вообще - как отказ от якобы любой идеологии, этого анахронизма, абсолютно неприемлемого для полноценного “цивилизованного государства” [Васильев, 2003, 273-274]. Такой подход стал законодательно закрепленным: ч. 2 ст. 13 гл. 1 Конституции РФ гласит: “Никакая идеология не устанавливается в качестве государственной или обязательной”. Однако следует отдать должное некоторым современным лексикографам, точно уловившим тонкую дифференциацию понятий и определяющих деидеологизацию как “устранение из различных сфер общественной жизни влияния идеологии (обычно коммунистической)” [ТС-XX (2001)].

И.Т. Вепрева сравнила словарные дефиниции лексемы *капитализм* по словарям разных эпох: советского времени – СУ и постсоветского – ТС-XX и СОШ-99. Наличие негативной оценки у идеологемы в советский период (ср.: ‘... *производство ведется ради извлечения прибыли посредством эксплуатации рабочей силы и сама рабочая сила является товаром*’) сменяется на положительную оценку в постсоветское время (ср. : ‘*общественный строй с высоким уровнем производства, гражданским обществом, развитым рынком ...*’). Словарь Ожегова-Шведовой, пытаясь снять оценочный ореол с термина и придать ему нулевую оценочность, тем не менее, включил в дефиницию признаки «частная собственность» и «класс капиталистов», таким образом оставляя за толкованием имплицитный оценочный смысл. Перегруппировка оценочного пласта в семантике слова приводит к информативным потерям денотативного характера, оставляя неизменным один безоценочный компонент – «определенный общественный строй». Остальные предметные признаки, раскрывающие специфику капиталистического строя, неотделимы от оценочных компонентов

«хороший» – «плохой», выражающих противоположное отношение говорящего к явлению [Вепрева, 2002, 282-284].

Многие лингвисты продолжают бороться за “деидеологизацию” общества (из последних тезисов такого рода, например, см.: “Освобождение слов от идеологической зависимости...”; “деидеологизация стала фактором, в значительной мере определяющим внутрикультурную и межкультурную толерантность...” и проч. [Купина, Михайлова, 2002, 25]), как будто не замечая “замены одних коннотаций на другие, одновременно и более адекватные новой системе аксиологических координат, и формирующие ее” [Васильев, 2003, 275].

Следует согласиться с тем, что “идеологические фантомы неистребимы, как неистребимо желание и (или) необходимость воздействовать на общественное сознание, манипулировать им. Вряд ли можно говорить о переходе от идеологов к культурам многих языковых составляющих современного политического (публицистического) лексикона” [Синельникова, 2002, 189]; ведь в номинациях общественно-политического характера “можно увидеть все признаки идеологов: “размытую”, диффузную семантику, способность манипулировать смыслом сказанного и, следовательно, сознанием слушающего” [там же].

Исходя из этого, можно уверенно заключить, что идет процесс не *деидеологизации*, а *реидеологизации*.

Таким образом, все-таки оказывается, что лексикография – «это не бесстрастная регистрация бытующих в языке слов и их значений, а такая же идеологическая наука, как и всякая другая» [Сухотин А.М.; цит. по: Хан-Пира, 1994, 17-18].

Итак, словари, сосредоточивая в относительно компактной форме лексическое богатство языка, аккумулируют историческую память народа и выступают, таким образом, и в качестве барьера, препятствующего

разрушению культурно-исторического времени, утрате духовности и превращению нации в популяцию.

Среди лингвистических словарей ведущее место по праву отводится словарям толковым. Впрочем, стремление к максимально адекватному отражению картины мира обуславливает заметную в последнее время тенденцию к сближению, взаимопроникновению и взаимодополнению словарей толковых, с одной стороны, и энциклопедических – с другой .

Являющийся частной разновидностью толкового, словарь иностранных слов в русской лексикографической традиции – один из давних жанров, претерпевший долгие исторические эволюции до своего оформления в современном виде. Несомненно, издание словарей иностранных слов будет продолжаться, так как динамические процессы живого языка, в частности заимствование, продолжают непрерывно, особенно в эпоху интенсивного и радикального реформирования всех сторон жизни общества, причем при осязаемом чужекультурном воздействии.

И в составе словника, и в формулировках дефиниций, и в системе стилистических и других помет, и в подборе иллюстративного материала проявляется идеологический аспект любого полноценного толкового словаря. Несмотря на демонстративные попытки некоторых современных российских лексикографов элиминировать из своих изданий идеологическую составляющую, в результате всё же оказывается, как правило, что деидеологизация на практике оборачивается реидеологизацией. Поэтому и современные толковые словари объективно продолжают, как и в предыдущую эпоху, оставаться неотъемлемым компонентом идеологического обеспечения данного социума.

Глава 3. Экспериментальное исследование семантики некоторых заимствований экзотического характера в обыденном сознании носителей русского языка в сопоставлении с данными русской лексикографии

§ 1. Об актуальности изучения обыденного языкового сознания

Все знания в самом общем виде принято делить на научные и ненаучные (обыденные, житейские). Отсюда идет дифференциация понятий «научная картина мира» и «наивная картина мира» [Корнилов, 1999; Кобозева, 2000, 125-131]. По признаку содержания выделяют знания энциклопедические и языковые. Так, к внеязыковым знаниям относятся знания о мире – событиях, состояниях, действиях и процессах, а языковые знания включают знание грамматики, лексической семантики, знания об употреблении языка и принципов речевого общения [см.: Герасимов, Петров, 1988, 7]. Расчлененность знаний по предметным областям позволяет выделить в языковом мышлении особое понимание языка как объекта изучения и осмысления. Вся «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их функциональных особенностях, о нормах произношения, словоупотребления и т.д.» [Блинова, 1989, 122] (часто определяемая в рамках термина «языковое сознание» [Белобородов, 1987], или «чутье языка народом» (И.А. Бодуэн де Куртенэ), или «лингвистический инстинкт, языковое чутье» (Л.В. Щерба), «обыкновенный здравый смысл» (Г. Гегель), «народное сознание» (Ф. Энгельс)), представленная в виде явных высказываний, в виде показаний языкового сознания, реализующего интерпретационную функцию, понимается как *метаязыковое сознание* [Ведрева, 2002, 52]. В широком плане метаязыковое сознание включает и «бессознательное, и сознательное знание о языке и глубинных процессах речевой деятельности» [Сорокин, Узилевский, 1988, 166].

Метаязыковое сознание как форма общественного сознания существует на двух уровнях: уровне теоретически систематизированного сознания, представленного системой научных понятий, теоретических суждений и концепций, входящих в область лингвистической науки, – и уровне обыденного сознания в форме массовых эмпирических знаний и представлений, полученных в результате практически-духовного освоения

действительности. Научное и обыденное метаязыковое сознание, отражая одну и ту же языковую действительность, делают это по-разному и функционируют в разных сферах деятельности. Научные знания – это результат профессиональной познавательной деятельности, а обыденные знания представляют собой донаучный взгляд на язык.

Обыденное метаязыковое сознание, включающее в себя знания (представления) о языко-речевой действительности, является частью наивной языковой картины мира, и в этом статусе оно активно действует как на сам язык, так и на мировоззрение вообще и входит в парадигму, образуемую другими сферами обыденного сознания, такими, например, как наивное литературоведение, наивное право, наивная история, наивная политология, наивная медицина и т.д. [Голев, 2003, 178-179].

В современной науке обыденное сознание становится предметом внимания гуманитарных наук, так как они непосредственно изучают человеческое мировоззрение. Процесс осмысления обыденного сознания в научных исследованиях носит неоднозначный характер. С одной стороны, ученые отмечают несистематичность, неполноценность обыденного сознания в силу неглубокого проникновения в существо отражаемых процессов, некритичности в отношении собственных продуктов, эмоциональности и пристрастности, мешающих объективной оценке происходящего [см.: Кузьмина, 1978, 192]. По этим причинам обыденное сознание является постоянным объектом критики ученых, которые чаще всего не удостоивают любительские работы серьезного внимания, лишь изредка используя их как повод для постановки каких-то других проблем, в том числе и такой, как дилетантство и профанация в науке [Зализняк, 2001]. Но, с другой стороны, по мере развития науки обыденное сознание наделяется достоинством некоторой беспредельности и широты, так как находится в живом контакте с миром, на стороне непосредственного переживания усматриваются подлинность и

достоверность. Поэтому обыденное сознание становится объектом специального научного анализа [Вепрева, 2002, 54].

Г.Д. Гачев, например, попытался в своей работе утвердить право неспециалиста размышлять о специальных предметах. Он приводит массу причин в пользу этого права: свежий взгляд, образное, целостное видение предмета - «дух изголодался по простодушно-наивному воззрению на мир - в целостности и гармонии элементов» [Гачев, 1991, 5], переживание научного знания его потребителем. Поддерживая принцип гносеологической толерантности вслед за многими исследователями [Асмолов, 2000; Борисова, 2001; Глебкин, 2000; Дзялошинский, 2002; Купина, 2001; Лебедева, 2001; Михайлова, 2001; Перцев, 2001; Стернин, 2001а, 2001б; Телия, 2001; Толстая, 2001; Уолцер, 2000; Хомяков, 2000 и др.], позволим себе разделить мнение Н.Д. Голева о том, что «не исключены, наверное, и прозрения непрофессионалов, которые при определенном внимании к ним ученых могут составить достояние «серьезной» науки» [Голев, 2003, 180].

«Наивная наука» представляет собой важный и довольно сложный предмет для изучения и в общей теории познания, и в специальных «метанауках», в том числе в лингвистике.

В отечественной лингвистике обыденные представления о языке – это прежде всего предмет диалектологических изысканий [Блинова, 1973, 1984, 1989; Ростова 2000; Лютикова, 1999; Лукьянова, 1986; Никитина, 1989, 1993 и др.], которые посвящены изучению речи «людей устной культуры с необученным языковым сознанием, малограмотных носителей традиционного слоя диалекта» [Ростова, 2000, 48]. Параллельно с исследованием диалектного материала лингвисты обращаются к обыденному сознанию «так называемых средних носителей русского языка» [Кестер-Тома, 1998, 8], обычного человека – «наивного лингвиста» [Норман, 1994, 5], «природного лингвиста» [Виноградов, 1995, 34], носителей живой современной речи [Костомаров, Шварцкопф, 1966; Шварцкопф, 1970, 1971, 1988, 1996; Булыгина, Шмелев,

1998; Шмелева, 1999; Вепрева, 1997, 1997, 2000в, 2002; Шаймиев, 1999; Кормилицына, 1998], к обыденному сознанию нелингвистов, представителей разных нефилологических специальностей – юристов [Лебедева, 2000; Голев 2000; Осипов, 2000], журналистов [Васильев, 2000; Вепрева, 2000а, 2000б, 2002], политиков [Шейгал, 2000].

Все носители русского языка неизбежно рефлектируют по поводу значений тех или иных слов и тем самым выступают в позиции толкователя (подробнее об этом см.: [Березович, 2000; Блинова, 1984; Голев, 1973, 1999а; Ростова, 1983, 2000; Сахарный, 1970]): “именно обращение к языку повседневности, “речевому миноритету” позволяет моделировать языковую способность среднего носителя языка, выявив актуальные для него семантические пространства” [Лукашевич, 2002, 90]; таким образом, возникает возможность постановки вопроса о *русской наивной семасиологии и лексикографии как проявлении обыденного металингвистического сознания* [Голев, 2003, 180]. Учет таких рефлексий в лексикографии принципиально значим, так как обычные толковые словари являются словарями нормативного (предписательного) типа: они дают значения, которые *должны* быть у данного слова. Однако реальные значения слов, существующие в сознании рядовых носителей языка, могут существенно отличаться от “предписываемых” дефиниций, и их описание – важная задача обыденной лексической семасиологии и лексикографии русского языка [Голев, 1973, 1999а; Ростова, 2000].

По-видимому, следует допустить, что собственные (“наивные”) представления о понятийных наполнениях лексических единиц, присутствующие в обыденном языковом сознании, образуют в своей гипотетической совокупности некую сумму, существующую (по В.И. Вернадскому) в ноосфере; они при этом способны транслироваться от одних речедеятелей к другим, кристаллизуясь в актах вербальной коммуникации. Таким образом, вероятно, имеют место аналогии с теми феноменами, которые

наблюдаются, например, в целостной метафорической системе современного русского политического языка: ее “огромное зеркало ... состоит из множества маленьких зеркал - конкретных метафорических словоупотреблений,” причем “каждое из этих маленьких зеркал отражает мировосприятие одного человека, нередко метафорическое словоупотребление показывает только сиюминутное его настроение. Но если метафора подхватывается другими людьми – образ становится уже социально значимым флагом” [Чудинов, 2003, 208].

Так как “внутренний лексикон” каждого носителя языка представляет собой действующую систему (добавим: сугубо индивидуальную, но одновременно изначально и постоянно связанную как со сложной объективно существующей системой языка, так и со столь же сложной и объективно данной – а также формирующейся и в значительной мере формируемой – речевой реальностью этносоциума), в которой “каждая единица обладает оперативными возможностями по всем мыслимым линиям ее употребления – прагматического, чисто формального, семантического” [Вепова, 2002, 200] (что, опять же дополним, определяется и интеллектуальными, и эмоциональными, и культурно-речевыми потенциями конкретного речедеателя), то вербальное отражение действительности в “массово-непрофессиональном толковании” (в нашем случае – на примерах дефиниций лексических значений, предлагаемых информантами) представляет несомненный научно-лингвистический интерес.

§ 2. Методика проведения эксперимента

В нашей работе мы предполагаем при помощи *экспериментального приема*, в частности, выяснить, *как* некоторые экзотизмы отражаются в обыденном сознании людей (под *экспериментальным* понимается прием, связанный с обращением к информантам, а также прием, связанный со статистической обработкой количественных данных о статусе и

функционировании языковых единиц, то есть то, что включается в понятие «статистический эксперимент» [Левицкий, Стернин, 1989, 4]). С этой целью нами был проведен эксперимент, участникам которого предлагалось ответить на следующие вопросы:

- как часто Вы встречаете и
- употребляете слово а) в письменном и б) в устном общении и
- предложите синоним или определите значение слова.

Среди 22 слов, предлагаемых в анкете, есть группа так называемых *идеологических экзотизмов*, слов, характер употребления которых в советскую эпоху обуславливался ситуацией политико-идеологического противостояния. По мнению Л.П. Крысина, подобные слова (например, *комикс, конгрессмен* и др.) стали отличаться от своих английских прототипов семантическими и стилистическими особенностями: «у каждого из подобных слов имеется своеобразный эмоциональный ореол – как правило, «отрицательный»; это слова-сигналы определенной темы – темы современных Англии и Америки...., американского образа жизни, вообще буржуазного мира и его «прелестей»» [Крысин, 1968, 145].

Тематический круг подобных экзотизмов очень широк: в него входят, например, англо-американизмы, обозначающие политические круги, представителей этих кругов, общественные движения, названия молодежных субкультур, военно-политическая лексика, слова из области массовой культуры.

К этой группе лексики в нашей анкете относятся слова: *бойскаут, босс, бум, гангстер, киднеппер, лобби, рэкетир*.

К идеологически немаркированной лексике мы относим слово *ланч* (*ленч*), семантика которого не подвергалась ни сдвигу, ни наслоению коннотации.

Следующая группа слов относится к новейшим англо-американизмам, впервые зафиксированным в ТС-XX. К ней относятся специальная лексика:

бренд, риэлтер; экономическая лексика: *лот*; термин информатики: *провайдер*; а также такие употребительные в разных областях слова, как *дилер, копир, постер, роллер, секстренинг, слаксы, хот-дог, чарт, шокер, шоп*.

В ходе анкетирования был опрошен 331 человек (217 женщин (66%) и соответственно 114 мужчин (34%)) разных возрастных групп: до 21 года – 62 чел. (19%); 21-35 – 177 чел. (53%); 36-50 – 72 чел. (22%); после 50 – 20 чел. (6%); разнообразных профессий: студенты (63 чел. – 19%) вузов Красноярска, среди них Красноярский государственный университет, Красноярский государственный педагогический университет, Красноярская государственная медицинская академия, Красноярский государственный политехнический университет, Сибирский государственный технологический университет, Красноярская государственная академия музыки и театра, Красноярский государственный торгово-экономический институт, Восточно-Сибирский институт туризма, Государственная академия цветных металлов и золота, Красноярский государственный аграрный университет, Сибирский юридический институт МВД РФ, Красноярская государственная академия строительства и архитектуры. В анкетировании приняли участие люди разных профессий: юристы, экономисты, бухгалтеры, слесари, переводчики, продавцы, налоговые инспекторы, предприниматели, инженеры, финансисты, менеджеры, маркетологи, водители, повара, официанты, домохозяйки, муниципальные служащие, музыканты, преподаватели вузов, учителя, секретари, сотрудники милиции, программисты, охранники, врачи, медсестры, учащиеся школ и аспиранты, а также логопед, электрик, тренер, библиотекарь, конструктор женской одежды, теплотехник, флорист, физик, риэлтер, монтажник, массажист и художник.

96 человек (29%) изучали английский язык в вузе не по специальности, среди них 10 человек (3%) сдавали экзамен кандидатского минимума по иностранному (английскому) языку; 27 человек (8%) оканчивали факультет

иностранных языков, где первой специальностью был английский язык, и 8 человек (2%) – по второй специальности. 124 человека (38%) ограничили изучение английского языка школьной программой, 10 человек (3%) самостоятельно изучают, посещали или посещают курсы, учатся в специализированных школах или берут частные уроки по английскому языку; 56 опрошенных (17%) никогда его не изучали.

Закономерно, что наш выбор информантов пал в основном на студентов вузов и молодых людей с высшим образованием. В основе такого выбора лежали два соображения. Во-первых, о вузовском образовании как завершающей стадии регулируемого формирования языковой компетентности индивидуума, а во-вторых, о прогнозировании развития языкового сознания тех сограждан, которые в ближайшие 30-40 лет будут определять духовную и материальную жизнь нашего общества, его культурно-речевой ландшафт.

Приемы и методика экспериментального выявления значений слов, будучи ориентированными по своей сути на решение узких задач с чрезвычайно ограниченным кругом лиц, едва ли могут быть признаны вполне объективными для изучения каких-то явлений в масштабе всего языка (хотя, по мнению большинства исследователей и согласно общепринятой практике, минимально достаточным числом информантов, участвующих в эксперименте, считается цифра 30; более достоверные данные получаются начиная с 60 информантов [Левицкий, Стернин, 1989, 10]). В ходе эксперимента констатируется субъективное содержание слова с точки зрения того или иного носителя языка по тому, насколько он в состоянии его объективировать [Тарланов, 1995, 69]. Уровень владения родным языком сугубо индивидуален и зависит от множества факторов, в том числе и от чувствительности к языку, степени начитанности, опыта социальной среды, в которой вырос и живет носитель языка, образования, в нашем случае – знания английского языка, возраста и т.д. Хотя и существует точка зрения, что экспериментальные приемы изучают не объективное значение, а

субъективное содержание знакового образа или те или иные операции над ним [Леонтьев, 1976, 62-63], В.В. Левицкий и И.А. Стернин, соглашаясь с тем, что исследуется некий субъективный образ, при этом указывают на то, что этот образ представляет в эксперименте реальное, объективное значение, хотя и в форме его индивидуального значения [Левицкий, Стернин, 1989, 96-97]. По их мнению, форма представленности значения в эксперименте (индивидуальная семантическая компетенция) не противоречит объективности значения, так как общее (системное) значение существует в виде индивидуальных языковых компетенций, и только они могут стать предметом экспериментального исследования [там же].

Методика лингвистического интервьюирования предполагает ряд последовательных этапов:

- предъявление информантам вопросника, получение письменных ответов;
- выявление одинаковых ответов, их суммирование;
- обобщение различных по форме, но близких по содержанию ответов и сведение их в один;
- формулирование семантических признаков на основе полученных ответов [Левицкий, Стернин, 1989, 95].

В результате анкетирования нами было получено и проанализировано 7282 ответа. Конечно, экстраполировать выводы, полученные на основании анализа и интерпретации ответов нескольких сотен информантов, на все языковое сознание соответствующего периода едва ли возможно и корректно. Тем не менее, мы попытались сопоставить научные знания, представленные лексикографическими источниками, с ненаучными (наивными), полученными от информантов в ходе анкетирования и прийти к выводам о том

- является или не является предложенное слово экзотизмом по данным лексикографических изданий;

- воспринимается ли оно как *чужеземное* в языковом сознании рядового носителя русского языка и
- есть ли в семантике представленных слов уже очевидные сдвиги, присутствующие в повседневной коммуникативной практике, но пока еще не отмеченные словарями.

§ 3. Анализ процесса и результатов деэкзотизации некоторых англицизмов

3.1 Группа “идеологических” экзотизмов

3.1.1 Бойскаут

Первое слово, предложенное в нашей анкете, – *бойскаут*.

Краткое – но при этом весьма характерное для той эпохи – определение находим в БАС-1: ‘В буржуазных странах – член детской или юношеской организации военно-политического характера’. Дефиниция СИС-51 практически не отличается от предыдущей: *бойскаут* [англ. *boyscout* < *boy* мальчик + *scout* разведчик] – ‘член детской буржуазной организации военно-политического характера в капиталистических странах’.

В МАС-2 дается более краткое определение: ‘Член детской (юношеской) буржуазной организации’. Более полные определения находим в СИС-89: *бойскаут* [англ. *boyscout* < *boy* мальчик + *scout* разведчик] – ‘член скаутской организации’. А *скаутизм* – [англ. *scout* букв. разведчик] – ‘одна из распространенных систем буржуазного внешкольного воспитания, являющаяся основой деятельности детских и юношеских скаутских организаций; возник в начале XX века; цель скаутизма – воспитание молодого поколения в духе верности идеалам буржуазного общества; скаутские

организации для мальчиков – бойскаутов и для девочек – герлскаутов существуют отдельно’. Дополнительные сведения энциклопедического характера обнаруживаем в СЭС-90: *Скаутизм* – [от англ. scout – разведчик] – ‘распространенная буржуазная система внешкольного воспитания, сложилась в начале XX века в Великобритании. Основатель – полковник Р. Баден-Поуэлл (1857-1941). Скаутские организации объединяют молодежь 7-21 года и делятся на бойскаутские (мальчики) и герлскаутские (девочки). Контакты между бойскаутскими организациями разных стран осуществляет Международный комитет (Женева)’. Очевидно, что дефиниции данного слова кардинально не различаются, более того, составленные в одном негативно-осуждающем ключе, они только дополняют друг друга.

Итак, объединяя все вышеприведенные определения, можно сказать, что *бойскаут* – это мальчик, член организации (военно-политического характера) в возрасте от 7 до 21 года, воспитанный в духе верности идеалам буржуазного общества и капиталистического государства.

В последних по времени издания словарях иностранных слов мы уже не находим указаний ни на *буржуазное воспитание*, ни на его *военно-политический характер*, ни на *капиталистические страны* (что позволяет нам сделать вывод об освоении некогда чуждой культурной реалии негативно оценивавшейся):

СИС-98 (Крысин): *бойскаут*, а, м., одуш. [англ. boy scout < boy мальчик + scout разведчик]. ‘Мальчик или подросток – член скаутской (см. скаут) организации’.

Скаут, а, м., одуш. [англ. scout букв. разведчик]. ‘Член детской или юношеской организации, возникшей в Англии в конце XIX - начале XX веков в качестве основной формы внешкольного воспитания детей и подростков’.

Из этого определения не вполне ясно, кто же такие *скауты* сегодня. ТС-XX (2001) предлагает более удачное, на наш взгляд, толкование: *скауты*, ов, мн. (ед. скаут, а, м). ‘Общественное движение, занимающееся внешкольным

воспитанием детей и подростков через познание природы, ремесло и игру; представители этого движения'. Здесь же авторы предлагают энциклопедическую справку:

‘– Движение скаутов возникло в Англии в начале XX века. В советское время насаждалось отрицательное отношение к скаутам как идеологическим противникам коммунистической детской организации – пионерской’.

Таким образом, от предыдущих определений практически ничего не осталось: член (в возрасте от 7 до 21 года, или в другой формулировке – ребенок либо подросток) общественного (но не «буржуазного» и не «военно-политического») движения, занимающегося политически нейтральным внешкольным воспитанием через познание природы, ремесло и игру (но не «в духе верности идеалам буржуазного общества»).

Отрицательный образ капиталистического подростка, воспитанного в военно-политическом лагере идеологического и классового противника, сменился на несомненно позитивный образ прилежного ребенка, любящего природу, проводящего свободное время, мастера что-либо, играя со сверстниками, приобретая навыки и знания, полезные и необходимые во взрослой жизни.

В результате обработки анкет выяснилось, что 13% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 43% – иногда, 34% – редко, 10% – никогда; 1% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 15% – иногда, 37% – редко и 47% – никогда. В письменном тексте 6% информантов встречает слово регулярно, 35% – иногда, 40% – редко и 19% – никогда; никто из опрошенных не употребляет слово в письменной речи регулярно, 5% – иногда, 15% – редко и 79% – никогда.

Всего 16% опрошенных затрудняется определить значение данного слова; по крайней мере, по отсутствию каких-либо ответов не представляется возможным установить, насколько семантика слова является понятной.

12% респондентов довольно четко соотносит реалию с западной действительностью, при этом зачастую используя в качестве опоры своих суждений знание отечественных реалий: «пионер (западный)», «пионер-исследователь, подросток в Америке», «американский аналог советского пионера», «пионер по-западному», «их пионер», «представитель детского движения в Англии», «типа наших пионеров», «вроде пионера в СССР», «буржуйский пионер», «американский пионер», «пионер, только в Америке», «член молодежной организации за рубежом», «лучший, первый американский пионер», «пионер по-американски», «пионеры молодежной организации за рубежом», «американское детское движение», «член детской организации в Америке», «английский пионер», «пионер за рубежом, входящий в организацию», «пионер в иностранном варианте».

Среди перечисленных дефиниций обращает на себя внимание «*буржуйский пионер*». Если все остальные дефиниции не несут на себе какой-либо оценочной окрашенности, то «*буржуйский пионер*» вызывает, на первый взгляд, только негативизированные представления. Не будем забывать при этом, что *пионер* – ‘член детской коммунистической организации’ [СО-72]. Обратимся к толкованию слова *буржуйский* в СОШ-97:

буржуйский, -ая, -ое. ‘прил. от *буржуй*. *Буржуйские замашки* (как у буржуя)’.

Буржуй, -я, м. (разг. презр.) ‘То же, что *буржуа*’.

Буржуа, нескл., м. ‘Человек, принадлежащий к буржуазии’.

Буржуазия, -и, ж. ‘В капиталистическом обществе: класс собственников средств производства, существующий за счет прибавочной стоимости, получаемой в результате применения наемного труда’.

Согласно Словарю сочетаемости слов русского языка (1983), ‘буржуазия эксплуатирует, угнетает, подавляет, обманывает, предает кого-что-л., стремится к ч-л’. Комментарии в данном случае излишни, так как почти

каждое слово здесь демонстрирует отрицательную оценку «класса собственников».

Показательны результаты опроса, опубликованные РАС. Ассоциации, вызванные словом *буржуазный*, зафиксированы в первой книге словаря, материалы которой собирались с 1986 года. Любопытен тот факт, что, наряду с негативными образами чужой культурной реалии, уже в те годы возникают вполне положительные представления о ней (как чужой, но привлекательной, так и нашей – новой): «плохой, чуждый 4; не наш 3; капиталист, провокатор, США, чужой 2; агрессор, Америка, английская буржуазия, благообразный, блеск, богатство, богач, ваш, вражеский, Европа, жалкий, Запад, западный, иностранец, интеллигент, интересно, империализм, крутой, мракобес, неплохой, неправильный, национальный, наш, новый, подонок, политик, помещик, правильный, предприниматель, прекрасный, процветающий, прошлый, умный, шпион, экономист, яркое 1» и др.

ТС-XX (2001), представляя современные дефиниции слов с *бурж-*, сравнивает их с предыдущими:

Буржуйский, (с пометой *актуализация слова*). Разг. обычно *Ирон.* Прил. к буржуй.

Буржуй, (с пометой *актуализация слова*). Разг. обычно *Ирон.* Буржуа.

– В советск. время – по отношению к доревол. России и зарубежным странам.

Буржуа, нескл. (с пометой *актуализация слова*). Представитель буржуазии (о предпринимателях, финансовых олигархах и т.п.).

– Ср. БАС-2: Представитель класса буржуазии.

Буржуазия, (с пометой *актуализация слова*). Слои состоятельных людей (о предпринимателях, финансовых олигархах и т.п.).

– Ср. БАС-2: Господствующий класс капиталистического общества, владеющий средствами производства и эксплуатирующий наемный труд.

Таким образом, анализ современных дефиниций слов *буржуа*, *буржуазия*, *буржуазный*, *буржуй* и *буржуйский* позволяет нам сделать, по меньшей мере, три вывода. Во-первых, эти слова перестали ассоциироваться с чужой, т.е. западной (американской или английской) действительностью, а значит, потеряли статус экзотизмов. В связи с этим у них исчезла негативная оценочность, так как они (*буржуи* и все, что с ними связано) более не являются – если всецело доверять словарным дефинициям – «господствующим классом» и не «эксплуатируют наемный труд». В-третьих, прилагательное *буржуйский* утратило презрительную и приобрело ироническую окраску. Показателен пример употребления прилагательного *буржуйский* в вышеназванном словаре: *Буржуйская жена тоже с высшим образованием, экономист по профессии*. Очевидно отсутствие отрицательной характеристики персонажа; даже наоборот: наличие высшего образования и высококвалифицированной профессии повышает ее статус в глазах читателей.

Еще 46% опрошенных считает, что *бойскаут* – это «юный разведчик, участник скаутского движения», «мальчик в военизированном летнем лагере», «пионер», «патриот», «молодой пионер-турист», «юноша, разведчик», «член молодежной организации», «член юношеской организации», «организация подростков», «детская спортивная организация», «член молодежной военно-спортивной организации».

26% дает следующие определения: «крутой парень в смысле умеющий делать многие вещи», «спец по выживанию на природе», «вожатый», «первопроходец», «тимуровец», «боец», «защитник природы», «пионерский лагерь (оздоровительный)», «продвинутый парень», «путешественник», «человек, обладающий высокими физическими особенностями», «идуший первым», «молодые туристы-путешественники», «курсант школы выживания», «юные натуралисты», «член организации защиты природы», «подросток в походе», «молодежь», «мальчик», «подросток», «наемник», «супермен», «лидер какого-либо движения», «выживание в лесу», «поход в

горы», «спортсмен», «труженик», «спартански воспитанный», «посыльный», «экспедист», «свободный мальчик», «лихие парни», «бродяга», «молодой бездельник», «человек, обладающий сверхвозможностями», «лесник», «друг» (по-видимому, информанту знакомо английское слово *boyfriend*), «крутой», «мальчик (девочка) из кружка любителей природы», «будущий мужчина», «военный парень», «следопыт», «молодой человек специфического образа жизни».

Проанализировав полученные дефиниции, несложно заметить, что практически в каждой отражена сема (или набор сем), входящая в состав значения слова *бойскаут*. Например, можно следующим образом расклассифицировать данные определения, выделив такие дифференциальные признаки, как

- *связь с природой*: «юные натуралисты», «член организации защиты природы», «защитник природы», «выживание в лесу», «лесник», «мальчик (девочка) из кружка любителей природы», «экспедист» (по-видимому, информант имел в виду «участник экспедиции»);

- *молодость*: «крутой парень...», «продвинутый парень», «молодые туристы-путешественники», «курсант...», «юные натуралисты», «подросток в походе», «молодежь», «мальчик», «подросток», «свободный мальчик», «лихие парни», «молодой бездельник», «будущий мужчина», «мальчик (девочка) из кружка любителей природы», «военный парень», «молодой человек...»;

- *членство в организации*: «член организации защиты природы», «лидер какого-либо движения», «организация подростков»;

- *путешествие и туризм*: «первопроходец», «путешественник», «молодые туристы-путешественники»; «подросток в походе», «поход в горы», «бродяга»;

- *лидерство, первенство*: «крутой парень в смысле умеющий делать многие вещи», «продвинутый парень», «лидер какого-либо движения», «первопроходец», «человек, обладающий высокими физическими

способностями», «идуший первым», «супермен», «человек, обладающий сверхвозможностями», «крутой», «лихие парни»;

- *военизированность*: «боец», «наемник», «военный парень» и т.д.

Таким образом, слово *бойскаут* пока еще не перестает восприниматься носителем русского языка как экзотическое, чуждое. Но наш эксперимент показал, что многие информанты уже не соотносят *бойскаута* с зарубежной действительностью, для них «американский пионер» уже является почти родным «тимуровцем» и «юннатом». Иначе говоря, четкость противопоставления «свой» / «чужой» размыта.

3.1.2 Босс

Слово *босс* имеет следующее определение в СИС-51: *босс* [англ. boss] – ‘1) хозяин, руководитель предприятия, учреждения’. Отсутствие ориентирующего экзотического компонента «в капиталистических странах» в первом значении слова *босс* исправляется в формулировке второго, и у пользователя словаря не остается никаких сомнений, что слово *босс* может и должно употребляться только в связи с описанием буржуазной действительности: ‘2) партийный руководитель, заправила какой-либо организации республиканской или демократической партии в США’. Неслучайно авторы словаря употребляют просторечное слово *заправила*, по-видимому, таким образом, демонстрируя свое пренебрежительное (неуважительное) отношение к *боссу* и транслируя его читательской аудитории. (Согласно БАС-1: *заправила*, -ы, м. и ж. (прост.). ‘О человеке, играющем руководящую роль в каком-либо деле; главарь’. Согласно этому же словарю *главарь* – ‘Руководитель, вожак. (Обычно неодобрит.)’). Далее авторы предлагают развернутую информацию о том, какую роль играют *боссы* в жизни Америки: ‘Боссы имеют сильное влияние на экономическую и политическую жизнь отдельных штатов Америки и действуют в интересах

финансового капитала путем запугивания, шантажа, подкупа (особенно при выборах). Основная задача боссов состоит в организации борьбы с прогрессивным движением. Боссы обычно тесно связаны с преступным миром. Они используют гангстеров для бандитских нападений на демократические организации и прогрессивных деятелей, для терроризирования избирателей и т.д.'. Таким образом, составители словаря ставят *боссов* в один ряд с *преступниками, гангстерами, бандитами* (см. определения этих слов в 3.1.4), которые *нападают, терроризируют, действуют* путем *запугивания, шантажа, подкупа* (ТСУ: *запугать* сов. (к *запугивать*), кого-что. 'Угрозами внушать боязнь, испуг, застрашать'; *шантаж* (простореч.) [фр. *chantage*]. 'Неблаговидные действия – угроза разоблачения, разглашения к-н неприятных, позорящих сведений с целью добиться ч-н'; *подкупить* '1. Привлечь, склонить на свою сторону деньгами, подарками. *Буржуи сейчас же двинули в ход предательство, подкуп и золото. Маяковский*' (*подкуп* – действие по глаголу *подкупить* в 1 значении)), противопоставляя их прогрессивному, а значит, нашему, социалистическому миру. Потенциальному читателю не приходится сомневаться в политической инородности и негативно-отрицательной окрашенности данного слова.

В СИС-89 сохраняется первое значение слова: *босс* [англ. *boss*] – '1) хозяин предприятия, учреждения, предприниматель' (под *предпринимателем*, по-видимому, подразумевается 1. 'Капиталист – владелец предприятия. 2. Предприимчивый и практичный человек' [СО-89]. Но слова «капиталист», «хозяин» и «владелец» указывают на частную собственность, а таковой к 1989 году еще не было в СССР, поэтому можно прочесть между строк, что *босс* – это пока что знак чужой культуры). Второе же значение сигнализирует о четкой прикреплённости к буржуазному, чуждому для СССР миру: 2) 'распространенное название лиц, возглавляющих аппарат буржуазной политической партии США в городах и штатах, а также руководителей профсоюзов'. Наши предположения подтверждает определение слова в БАС-

2: ‘в капиталистических странах – хозяин, руководитель предприятия, учреждения’.

В СОШ-97 реалия напрямую не соотносится с чужой культурой, но остается негативно оценочный компонент: *босс*, -а, м. ‘Хозяин, владелец, а также вообще делец’. У слова *делец* явная отрицательная коннотация. Согласно этому же словарю, ‘*делец*, м. Человек, который успешно (иногда не стесняясь в средствах) ведет дела. *Биржевые дельцы. Темные дельцы*’. Ведь и определение ТСУ (1935), кажущееся сегодня вполне нейтральным, имело в координатах советской системы ценностей явно отрицательную идеологическую окраску: ‘предприимчивый человек, преследующий только практические цели (преимущественно коммерческие)’.

В СИС-98 (Крысин) остается второе значение, но исчезает элемент *в США* или *капиталистических странах*: *босс* [англ. boss]. ‘1. Владелец предприятия, учреждения. 2. Распространенное неофициальное название политических, профсоюзных и т.п. лидеров’.

Интересен тот факт, что в СИС-2000 (Зенович) это слово продолжает подаваться как экзотизм во втором его значении: *босс* [англ. boss] – ‘1) хозяин, предприниматель; 2) В США – название лиц, возглавляющих аппарат Республиканской и Демократической партий в штатах и городах, а также профсоюзный аппарат’.

В настоящее время у слова *босс* в ТС-XX (2001) отмечается только одно значение: *босс* (с пометой *актуализация слова (значения)*). Разг. ‘О главе предприятия, учреждения; о руководителе, начальнике’.

Таким образом, согласно лексикографическим дефинициям, слово *босс* начало терять свою экзотичность – перестав употребляться в связи с описанием чужой культуры – и негативную оценочность.

В результате обработки анкет выяснилось, что 62% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 30% – иногда, 7% – редко, 1% – никогда; 25% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 40% –

иногда, 25% – редко и 10% – никогда. В письменном тексте 36% информантов встречается слово регулярно, 34% – иногда, 24% – редко и 6% – никогда; только 8% опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 25% – иногда, 28% – редко и 39% – никогда.

Всего 5% опрошенных затрудняется определить значение данного слова. 93% респондентов дает следующие определения: «шеф», «начальник», «большой начальник», «руководитель», «хозяин», «глава», «директор», «главный». 2% опрошенных считает, что *босс* – это «патрон», «богатый», «бугор», «командир», «главарь», «управляющий».

Очевидно, что во всех полученных ответах присутствует полное понимание ядерной семы этого слова; что касается периферийных, то они варьируются: от нейтральных (безоценочных) (например, *глава, директор, управляющий*) до явно коннотативных (*большой начальник, главарь, бугор, патрон*).

3.1.3 Бум

В СИС-51: *бум* [англ. boom] – ‘шумиха, сенсация; спекулятивный подъем, вызываемый крупными капиталистами для получения барышей’. Данная дефиниция несет в себе не просто толкование слова, а негативную оценочность реалии, чуждой для социалистического мира. Достижению этой цели способствует специальный подбор слов, имеющих явную отрицательную идеологическую коннотацию: *спекулятивный* (прилагательное к *спекуляция*; ТСУ (1940): [латин. *speculatio* – наблюдение, разведывание]. ‘1. Скупка и перепродажа ценностей (ценных бумаг, товаров, к-н имущества и т.п.) с колеблющимся, неодинаковым курсом с целью легкого и быстрого получения барыша в виде курсовой разницы, разницы в ценах. // Такая деятельность, *специально* (курсив – наш) направленная на недозволенное законом или общественным мнением повышение цен на ч-н., в частности – путем

нарушения твердых цен (неодобрит.)'), *капиталистами* (ТСУ (1935): *капиталист* '1. Представитель господствующего класса в буржуазном обществе, владеющий капиталом и извлекающий прибавочную стоимость путем эксплуатации наемного труда. *Капиталисты эксплуатируют рабочих. Класс капиталистов – класс угнетателей.*'), *барышей* (ТСУ (1935): *барыш*, м. [тат. *barbs* – мир, согласие] (разг.) 'Чистая прибыль в торговле // Выгода, польза (простореч.)').

Все последующие словари выделяют в семантической структуре два значения, по существу, представляющие собой расчленение приведенного выше:

СИС-89: *бум* [англ. *boom*] – '1) в капиталистических странах – ускоренный рост производства, цен и ряда других экономических показателей в ходе развития капиталистического цикла; напр.: бум инвестиций – циклический рост капиталовложений, бум биржевой – повышение курса акций, ценных бумаг; 2) оживление вокруг какого-либо мероприятия, события, деятеля и т.п.; шумиха, сенсация'.

СЭС-90: *бум* [англ. *boom*] – '1) кратковременный рост капиталистической промышленности и торговли, характеризующийся повышением цен на товары и курса ценных бумаг, резким подъемом биржевых спекуляций. 2) (Перен.) шумиха, искусственное оживление вокруг чего-нибудь'.

В современных словарях исчезает ссылка на капиталистические страны:

СИС-98 (Крысин): *бум*, а, м. [англ. *boom* букв. шум, шумиха]. '1. Кратковременный подъем, резкое оживление в промышленности, торговле и других сферах хозяйства. *Нефтяной бум. Книжный бум. Биржевой бум* (повышение курса акций, ценных бумаг). 2. перен. Шумиха, искусственное оживление вокруг какого-нибудь события. *Газетный бум по поводу интервью премьера*'.

СИС-2000 (Зенович): *бум* [англ. boom] – ‘1) внезапный, кратковременный рост промышленного производства и торговли, характеризующийся повышением цен на товары и курса ценных бумаг; 2) шумиха, оживление вокруг чего-либо’.

Таким образом, семантика слова *бум*, согласно лексикографическим источникам, совершенно не изменилась, если не считать того факта, что из разряда *чуждой* для нас реалии слово перешло в разряд *своей* и потеряло негативную оценочность.

В результате обработки анкет выяснилось, что 29% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 37% – иногда, 24% – редко, 10% – никогда; 8% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 30% – иногда, 35% – редко и 28% – никогда. В письменном тексте 16% информантов встречает слово регулярно, 31% – иногда, 35% – редко и 18% – никогда; только 3% опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 11% – иногда, 28% – редко и 58% – никогда.

22% опрошенных затрудняется определить значение данного слова.

52% респондентов дает следующие определения, демонстрируя полное понимание первого или второго значения слова:

- ‘кратковременный подъем...’: «успех чего-либо», «всплеск чего-либо», «резкий подъем», «верхняя точка в развитии чего-либо», «пик подъема», «рост, увеличение», «грандиозный переворот», «пик»;

- ‘шумиха...’: «ажиотаж», «шум по поводу чего-либо», «повышенный интерес», «сенсация, происшествие», «чрезмерное внимание к чему-либо», «шумиха», «событие», «всплеск (моды), пик массовой приверженности к чему-либо», «популярность чего-либо», «повальное увлечение, переполох», «повышенное проявление интереса к чему-либо», «новинка», «новшество», «новое течение, увлеченность чем-либо», «всплеск спроса», «аврал», «мода», «яркое, громкое событие», «всплеск каких-либо модных явлений; скачок, резкий подъем в лучшую сторону» (информант продемонстрировал полное

понимание значения слова), «фурор, переполох», «шумный анонс», «разгар чего-либо, когда народ ломится куда-то и от чего-то», «всеобщее кратковременное явление, помешательство на кумире (книге, йоге и т.д.)», а также «массовый психоз», «эйфория», «чего-то много и сразу» (по нашему мнению, эти респонденты привели лишь лексические ассоциации, поэтому ими слово можно считать частично освоенным).

16% опрошенных считает, что *бум* – это «междометие», «взрыв», «что-то упало», «гром», «шум», «грохот», «бах», «удар», «ударить», «стукнуть», «стук», «ба-бах», «громкий звук», «сопутствует взрыву звук», «имитация звука падения», «звук, когда ударяются обо что-то», «хлопок». По-видимому, произошла омонимическая интерпретация, т.е. подмена значения иностранного слова значением слова-омонима *бум* (СОШ-97: *бум, межд., звукоподр.* ‘О глухом и сильном звуке, например, об ударе колокола, выстреле из орудия’. То же самое произошло с определениями «коктейль» и «будем». В первом случае, по-видимому, респондент имел в виду название коктейля *текила-бум* (калька с англ. *tequila slam*), а во втором – усеченную форму глагола *будем*, экспрессивно имитируя нечленораздельную речь при оглашении тоста.

10% респондентов подразумевает под *бумом* «наплыв», «нашествие», «восстание», «суета», «беспорядок», «обвал», «крах», «потребность», «незаконное внимание», «конец», «катастрофа», «прорыв», «возбуждение, волнение», «толпа, базар (речь)», «бунт», «переворот», «мятеж», «чрезвычайное положение, паника», «праздник, веселье», «тусовка», «шоу, показ чего-либо с множеством участников». Но следует отметить, что практически в каждом ответе можно обнаружить рациональное зерно; например, можно выделить такие семы, как:

- нечто, из ряда вон выходящее; то, что сверх меры: все равно, позитивное или негативное;
- массовость явления, его влияние на общество;

- кратковременность;
- фонетические ассоциации с междометием (звучность, резонанс).

3.1.4 Гангстер

В СИС-51 слово *гангстер* [англ. gangster] определяется как ‘в США – бандит, участник бандитской шайки’. Авторы предлагают пользователю словаря развернутую справку о том, что представляет собой такой бандит в капиталистической стране, и ставят *гангстера* в один понятийный ряд с *боссами*, *бизнесменами* и в целом – *государством США*: ‘Гангстеры развивают хищническую «предпринимательскую деятельность» (нелегальный бизнес), пользуясь любыми средствами: грабежом, убийством, подкупом, запугиванием, шантажом, всякой уголовщиной, при поддержке подкупленных ими должностных лиц. Гангстеры имеют конторы, объединяются в синдикаты. Используются крупными монополистами, а также и боссами при осуществлении всякого рода жульнических, грязных, преступных дел. Гангстеры тесно связаны с коррумпированным государственным аппаратом США; ведут совместную с другими силами империалистической реакции борьбу против прогрессивных и демократических организаций и отдельных лиц’. Специальный подбор слов: *бандит* (ТСУ (1935): *бандит*, а, м. [ит. bandito]. ‘Вооруженный грабитель, разбойник. // перен. Угнетатель, насильник. Империалистические бандиты’), *бандитская шайка* (ТСУ (1940): *шайка* – ‘Группа людей, объединяющаяся для разбоя, преступной деятельности. // Компания (разг.)’), *хищнический*, *нелегальный* (т.е. незаконный), *грабеж* (ТСУ (1935): ‘*грабеж* 1. Кража, сопровождающаяся насилием. 2. перен. Вопиющая по несправедливости сделка, явное вымогательство, вовлечение в убыток (разг.)’), *убийство*, *подкуп*, *запугивание*, *шантаж* (см. 3.1.2), *уголовщина* (известно, что суффикс -щин – негативно-оценочный), *монополисты* (слово-символ чужой культуры), *жульнический*,

грязный, преступный (от сущ. *преступник* (ТСУ (1939)): ‘лицо, совершающее или совершившее преступление’, а *преступление* – это ‘2. Общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее существующий правопорядок и подлежащее уголовной ответственности (право). 3. Перен. Неправильное, вредное поведение’), *коррупцированный* (согласно ТСУ (1935): *коррупция* [corruptio – порча] публиц. ‘Подкуп, соблазнение, развращение взятками (должностных лиц)’.), а также такого оценочного приема, как кавычки (см.: Шварцкопф, 1967 и Суджато Рао, 1996. Автор последней статьи приходит к выводу о том, что «основное направление кавычек – отрицательно-оценочное: они выделяют элемент чужого и чуждого в тексте» [Суджато Рао, 1996, 52]). Составители словаря сравнивают «предпринимательскую деятельность» гангстеров с нелегальным бизнесом, тем самым усиливая отрицательно-оценочный эффект. Как и в дефиниции слова *босс*, здесь авторы противопоставляют два лагеря: один их, чужой – капиталистический, *коррупцированный* и наш – социалистический, законопослушный.

Все последующие словари повторяют данное определение, не оставляя сомнения у читателя, что слово *гангстер* – экзотизм и употребляется лишь для описания действительности капиталистических стран:

Ср. МАС-2: ‘Бандит, член бандитских шак в США и в некоторых других странах’.

ССИС-93: ‘Участник организованной группы преступников, бандит (в США и других капиталистических странах)’.

СИС-89 : *гангстер* [англ. gangster < gang шайка, банда] – ‘участник организованной группы преступников, бандит (в США и других капиталистических странах)’.

ЭЭС-90: *гангстер* [англ. gangster, от gang – шайка], ‘участник бандитской шайки, занимающейся преступным вымогательством, шантажом, убийствами, похищением людей и т.д. В капиталистических государствах

(особенно в США) гангстеры используются для давления на избирателей, травли прогрессивных деятелей'. Согласно ТСУ (1935): вымогательство, а, ср. (книжн.). 'Действие или образ действий, рассчитанные на незаконное получение чего-нибудь путем угроз, насилия, принуждения'. Таким образом, явный плеоназм словосочетания «преступное вымогательство» может расцениваться и как нагнетание дополнительной негативной оценочности.

Интересно отметить, что *гангстер* продолжает оставаться экзотизмом в Толковом словаре иноязычных слов Л.П. Крысина: *гангстер*, а, м., одуш. [англ. gangster < gang шайка, банда]. 'Участник организованной группы преступников, бандит (употребляется преимущественно по отношению к США и некоторым другим странам)'. Во всех же последующих словарях исчезает уточнение *в капиталистических странах* или *в США*, а толкование семантики слова остается прежней:

СИС-2000 (Зенович): *гангстер* [англ. gangster < gang шайка] – 'участник незаконного вооруженного формирования (организации), занимающийся преступным вымогательством, шантажом, убийствами, похищением людей и т.д.'

ТС-XX (2001): *гангстер* (с пометой *актуализация слова (значения)*), а, м. *Криминал*. 'Представитель организованной преступности; тот, кто совершает тяжкие, жестокие преступления. 2) *Перен.* О том, кто применяет незаконные способы ведения дел в различных сферах деятельности (производственной, финансовой, политической и т.п.)'.

В результате обработки анкет выяснилось, что 35% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 40% – иногда, 21% – редко, 5% – никогда; 9% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 28% – иногда, 38% – редко и 25% – никогда. В письменном тексте 30% информантов встречает слово регулярно, 31% – иногда, 30% – редко и 9% – никогда; только 3% опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 13% – иногда, 27% – редко и 56% – никогда.

Всего 7% опрошенных затрудняется определить значение данного слова. 89% респондентов дает следующие определения: «бандит», «вооруженный грабитель», «бандит с оружием», «разбойник», «вор», «преступник», «налетчик», «вымогатель», «разбойник-грабитель», «человек, способный грабить», «убийца», «рэкетир», «мафиозный элемент», «мафиозник», «мафиози», «человек в связи с мафией» (для справки СОШ-97: *мафия*, -и, ж. '1. Тайная разветвленная террористическая организация крупных уголовных преступников. 2. *перен.* Организованная группа людей, тайно и преступно действующих в своих интересах'. *Мафиози* и *мафиозо*, нескл., м. 'Член мафии (в 1 знач.)' (подробнее о данных словах см.: [Зеленин, Михайлова, 1993, 110-112]), «жулик», «вор, человек вне закона», «нарушитель», «участник криминальной группировки», «интеллигентный финансовый бандит» (по-видимому, дано второе значение слова *гангстер*, т.к. производственная, финансовая и политическая сфера подразумевают вовлечение людей умственного труда, обладающих образованием и специальными знаниями в различных областях науки и т.п., т.е. интеллигенции), «террорист», «мошенник», «наемный убийца», «криминал», «криминальный авторитет (глава)», «бандюга», «головорез» «плохой человек», «хулиган», «монстр», «убийца в книгах», «городской бандит».

1% опрошенных считает, что *гангстер* – это «лидер» (по СОШ-97, *лидер* '1. Глава, руководитель политической партии, общественно-политической организации или вообще какой-нибудь группы людей; человек, пользующийся авторитетом и влиянием в каком-нибудь коллективе'. Если предположить, что *гангстер* – это пользующийся в определенных кругах авторитетом преступник, то данный ответ можно причислить к разряду частичного понимания), еще столько же – «крутой» (согласно ТС-XX (2001), *крутой* имеет два значения с пометой *актуализация слова (значения)*: 1. 'О человеке, отличающемся особой физической силой, властью, жестокостью и т.п.'. 2. 'О человеке, превосходящем других в какой-л. сфере деятельности,

благополучия и т.п.’ Позволим себе предположить, что респондент все-таки имел в виду первое значение слова, поэтому, выделив такие компоненты значения, как *наделенный силой, властью, жестокостью*, можно сделать вывод о том, что значение слова *гангстер* не окончательно сформировалось в сознании информанта и можно говорить лишь о частичном понимании значения данного слова (подробнее о слове *крутой* см.: [Васильев, 1993, 44-47] и лишь 2% – «итальянский бандит», «бандит в Америке»).

Очевидным из полученных ответов становится тот факт, что слово *гангстер* из иноязычной лексики перешло в разряд заимствованной и в обыденном сознании носителя русского языка перестало ассоциироваться с действительностью чуждого прежде западного мира.

3.1.5 Рэкетир

Экспрессивность, негативно-оценочную коннотацию слова *рэкетир* отмечает СИС-51: *рэкетир* [англ. racketeer] – ‘в США – крупный шантажист, вымогатель, гангстер’. Толкование значения через экзотизм *гангстер* (см. 3.1.4 *гангстер*), а также уточнение *в США* подчеркивают принадлежность реалии к чужой культуре.

Дефиниция СИС-89 немногим отличается от предыдущей: *рэкетир* [англ. racketeer] – ‘преступник, занимающийся рэкетом, вымогатель, шантажист, гангстер’.

СОШ-97 уже исключает локально уточняющий элемент *в США*, тем самым лишая слово былой экзотичности: *рэкетир*, -а и *рекетёр*, -а, м. ‘Человек, который занимается рэкетом’. Согласно этому же словарю, *рэкет*, -а и *рекет*, -а, м. – ‘преступное (путем угроз, шантажа) вымогательство чужих доходов’. Авторы словаря, как и их коллеги – составители СЭС-90 (в дефиниции слова *гангстер* (см. 3.1.4)), используют словосочетание *преступное вымогательство*, чтобы, по-видимому, лишний раз подчеркнуть

отрицательную оценочность данного явления. Что касается графического оформления слова, то, согласно «Правилам русской орфографии и пунктуации» 1956 г., «после согласных пишется *е*, кроме слов *пэр, мэр, сэр*, а также некоторых собственных имен...». Н.А. Еськова считает, что «правило должно быть изменено и следует увеличить количество исключений – написаний с *э* после согласных, а также разрешить писать таким образом новые заимствования... В число исключений следует включить *пленэр* и *рэкет*...» [Еськова, 1991, 65-67].

Годом позже изданный СИС-98 (Крысин) подчеркивает, на его взгляд, неправильность графико-фонетического оформления второго варианта слова: *рэкетир* [не: *рэкетёр*], а, м., одуш. [англ. racketeer]. ‘Преступник, занимающийся *рэкетом*’, а *рэкет*, а, мн. нет, м. [англ. racket < диал. англ. rattick обдирать] – ‘преступное вымогательство чужих доходов путем угроз и насилия’.

ТС-XX: *рэкетир* – ‘преступник, занимающийся *рэкетом*’. *Рэкет* – ‘вымогательство (направленное преимущественно на предпринимателей) с применением угроз и насилия’.

СИС-2000 (Зенович): *рэкетир* [англ. racketeer] – ‘преступник, занимающийся *рэкетом*, вымогатель’. *Рэкет* [англ. racket] – ‘шантаж, вымогательство, осуществляемые путем угроз и насилия’.

Таким образом, согласно словарным дефинициям последних лет, слово перестало являться знаком чужой культуры, потеряло свою экзотичность и начало употребляться для обозначения реалии уже не чужой, а нашей действительности.

В результате обработки анкет выяснилось, что 46% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 37% – иногда, 14% – редко, 4% – никогда; 12% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 35% – иногда, 38% – редко и 16% – никогда. В письменном тексте 35% информантов встречает слово регулярно, 31% – иногда, 24% – редко и 11% – никогда;

только 3% опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 17% – иногда, 27% – редко и 53% – никогда.

Всего 8% опрошенных затрудняется определить значение данного слова. 92% респондентов дает следующие определения: «вымогатель», «финансовый вымогатель», «вымогатель денег у продавцов», «сборщик денег», «тот, кто требует выкуп», «бандит», «бандюга», «разбойник», «гангстер», «нелегально собирающий деньги ни за что», «собирающий деньги с людей и фирм», «жулик», «деньги требует», «силой и угрозой отбирает материальные ценности», «налетчик», «взиматель незаконных налогов», «участвующий в разбойных нападениях», «требователь», «человек, вымогающий деньги, физически угрожает», «сборщик дани с предпринимателей», «человек, занимающийся вымогательством, шантажом», «незаконный инкассатор», «налоговая», «а ну-ка, отними», «шантажист», «вор», «открытый вор», «мафия», «кидала».

Очевидно, что большое число субъективных дефиниций отражает адекватный набор сем; многие привели в качестве определения значения стилистически нейтральный гипероним – «бандит» и коннотативно окрашенные гиперонимы: «жулик», «бандюга», «гангстер», «разбойник», «мафия», «вымогатель», «налетчик»; часть информантов выделяет разные оттенки значения:

- *вымогатель*: «требователь» (авторский неологизм), «деньги требует», «тот, кто требует выкуп» (схожее определение с *киднеппером*), «финансовый вымогатель», «вымогатель денег у продавцов», «силой и угрозой отбирает материальные ценности», «человек, вымогающий деньги, физически угрожает», «человек, занимающийся вымогательством, шантажом», «шантажист»;

- *сборщик денег*: «нелегально собирающий деньги ни за что», «собирающий деньги с людей и фирм», «взиматель незаконных налогов», «сборщик дани с предпринимателей», «незаконный инкассатор».

Некоторые респонденты продемонстрировали понимание слова в иронично-юмористической форме: «взиматель незаконных налогов», «сборщик дани с предпринимателей», «незаконный инкассатор», «налоговая», «а ну-ка, отними».

Таким образом, анкетирование показало высокий уровень понимания данного слова. Ни один информант не связал реалию с западной действительностью, что дает нам право говорить о совершившемся переходе инокультурной реалии в нашу действительность.

3.1.6 Лобби

Существительное *лобби*, а также производные от него *лоббизм*, *лоббировать*, *лоббист*, ранее обозначали явления, действия и лиц, которые, с точки зрения советской политической системы, оценивались безусловно негативно. Например, мы находим следующую эмоциональную, в высокой степени негативно-оценочную дефиницию слов-экзотизмов в СИС-51: *лобби*, *лоббисты* [*< англ. lobby кулуары*] – ‘в США – высокооплачиваемые закулисные дельцы, агенты крупных банков и монополий, оказывающие большое влияние в кулуарах конгресса (парламента) на конгрессменов (членов конгресса) и направляющие их действия по указаниям монополистов путем подкупа и взяток при проведении законов, размещении правительственных заказов, назначении «своих людей» на выгодные посты и т.п. в интересах монополистического капитала. Тем самым обеспечивается Уолл-стриту фактическое управление страной’. Специальный подбор слов: *закулисные дельцы* (ТСУ (1935): *закулисный* 2 перен. ‘Тайный, интимный, скрытый от посторонних (книжн., неодобрит.) Закулисные переговоры’); *делец* (см. 3.1.2)), действующие путем *подкупа* (см. 3.1.2) и *взятки* (ТСУ (1935): *взятка*, и, ж. ‘1. Плата или подарок должностному лицу за совершение каких-н. незаконных действий по должности в интересах дающего’),

использование кавычек (см. 3.1.4) и, наконец, использование уточнения «в США», в котором был закодирован смысл «не наш, чужой».

Слово не теряет своего экзотического статуса долгое время. СИС-89 дает определение, очень похожее на вышеприведенное: *лобби, лоббизм* [<англ. lobby кулуары] – ‘система контор и агентств крупных монополий при законодательных органах США, оказывающих в интересах этих монополий воздействие (вплоть до подкупа) на законодателей и государственных чиновников в пользу того или иного решения при принятии законов, размещении правительственных заказов и т.п.; лобби называются также агенты этих контор и агентств (иначе *лоббисты*)’. Более краткое, но тем не менее схожее определение дает СЭС-90: ‘*лобби (лоббизм)* (от англ. lobby – кулуары), система контор и агентов монополий при законодательных органах США, оказывающих давление на законодателей и чиновников’.

Но немного позднее, в условиях новой российской политической реальности такую деятельность стали считать не только допустимой в нашей стране, но и закономерной и желательной [Васильев, 2000, 89]. Существительное лишается отрицательной коннотации идеологического характера, становится «нашим» и теряет самый важный семантический компонент, определяющий соответствующее явление как отрицательное: ТС-XX: *лобби* (с пометой *возвращение в актив*), нескл., ср. ‘Представители тех или иных экономически сильных структур в парламенте, влияющие на принятие законодателями или правительством решений в пользу таких структур’. Авторы также предлагают энциклопедическую справку об этом слове:

‘– Первоначально термин *лобби* применялся для обозначения вестибюля и двух коридоров в здании палаты общин британского парламента, куда депутаты уходили голосовать и где могли встретиться с другими лицами, которые не допускались на пленарные заседания’.

Лоббизм (с пометой *возвращение в актив*), а, м. ‘Существование и деятельность лобби; давление лобби в парламенте’.

Лоббирование (с пометой *возвращение в актив*), я, ср. ‘Сущ. к лоббировать’.

– Ср. НСЗ-70: Воздействие лобби на решение вопросов в законодательных органах США в пользу крупных монополий’.

Лоббировать (с пометой *относительно новое слово*), рую, руешь, св. и нсв; кого, что, кому; прич. страд. наст. *лоббируемый*, ая, ое. ‘Оказывать влияние на властные структуры в интересах той или иной экономически и политически мощной группировки.’

Лоббировать интересы кого-либо ‘(отстаивать интересы кого-либо во властных структурах)’.

Лоббист (с пометой *возвращение в актив*), а, м. ‘Тот, кто принадлежит к тому или иному лобби во властных структурах.’

– Ср. СНС: лицо, находящееся на службе какой-либо крупной монополии, с помощью которого осуществляется давление на законодателей и государственных чиновников в интересах этой компании’.

Лоббистский (с пометой *возвращение в актив*), ая, ое. Прилаг. к *лобби*, *лоббизм*, *лоббист*.

Таким образом, авторы словаря помогают его пользователям проследить изменение семантики и утрату экзотичности словом *лобби* и его производных, многочисленность которых также свидетельствует о «принятии» слова словообразовательной системой русского языка и вхождении слова (и однокоренных ему) в словарный состав русского языка.

Все последующие нейтральные, безоценочные дефиниции являются дополнительным доказательством наших выводов:

СИС-2000 (Зенович): *лобби*, *лоббизм* [< англ. lobby кулуары (1), где депутаты парламента могли общаться с посторонними] – ‘специфический институт политической системы, представляющий собой механизм

воздействия частных и общественных организаций (т. наз. групп давления) на процесс принятия решений парламентом’.

Лоббировать [< лобби] – ‘1) оказывать давление на государственную власть в чьих-либо интересах; 2) *оказывать давление на административный орган какой-либо организации’ (здесь знак * указывает на переносное значение слова).

СИС-98 (Крысин): *лобби*, нескл., с. [англ. lobby букв. Кулуары]. ‘Группа представителей экономически сильных структур, оказывающих влияние на государственную политику’.

Лоббист – ‘человек, принадлежащий к лобби’.

Лоббизм – ‘политика давления на государственную власть с помощью лобби’.

Лоббировать, рую, рует, несов. и сов. что [< лобби + суфф. -ировать]. ‘Оказывать (оказать) давление на государственную власть в интересах какого-нибудь лобби. *Лоббировать* дополнительные капиталовложения в аграрный сектор экономики’.

Лоббирование – ‘действие по глаголу *лоббировать*’.

В результате обработки анкет выяснилось, что 14% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 18% – иногда, 26% – редко, 42% – никогда; 1% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 9% – иногда, 14% – редко и 76% – никогда. В письменном тексте 16% информантов встречает слово регулярно, 18% – иногда, 25% – редко и 42% – никогда; никто из опрошенных не употребляет слово регулярно в письменной речи, 4% – употребляет иногда, 8% – редко и 89% – никогда.

По-видимому, из-за того, что большинство информантов редко, иногда или никогда не встречает слово и не употребляет его, 60% затрудняется определить его значение.

2% респондентов, видимо, по созвучию спутав *лобби* с *лобио* (от грузинского *lobio* фасоль – национальное грузинское блюдо – тушеная фасоль

с острыми приправами), дали следующие определения: «еда», «блюдо», «фасоль», «блюдо из фасоли».

Еще около 1% опрошенных спутали *лобби* с *хобби*, определяя это слово как «увлечение» и, вероятно, один респондент спутал по созвучию слова *лобби* и англ. *labour* – труд, объяснив *лобби* через слово «рабочий».

1% информантов понимает *лобби* как «вестибюль», «прихожая», «вестибюль, фойе», «холл в офисе». Можно ли считать такое понимание верным, сказать сложно, т.к. анализируемые нами отечественные словари фиксируют только одно значение, пришедшее из английского языка. Если обратиться к Оксфордскому словарю, то можно найти следующую дефиницию: '*lobby* n 1 [C] porch, entrance-hall or ante-room: *the lobby of the hotel, theatre, etc*'. Таким образом, информанты, по существу, дали перевод основного, а не метафорического значения слова английского языка, которое, собственно, и было заимствовано русским.

Около 4% продемонстрировали ложное понимание значения слова, написав следующие определения: «представление», «протест», «установление отношений», «спор», «оппозиция», «препятствие», «передвигающийся, разъездной, например, лобби-бар», «партия», «люди, поддерживающие определенную политическую партию», «большинство», «администратор в отелях», «встречный ответ», а также «бараны» (здесь сложно предположить, что имелось в виду: животные, глупые люди или представители чьих-то интересов, которые упорно и настойчиво добиваются своей цели? Такой зооморфной характеристикой автор, видимо, выразил свое неодобрительное, пренебрежительное отношение к данному явлению), «высокооплачиваемый» (по-видимому, у информанта при слове *лобби* возникают вполне объяснимые ассоциативные связи с большими деньгами), «устроитель» (такой вариант ответа может обозначать лицо, устраивающее дела в своих интересах, хотя это только наши предположения).

Все остальные определения можно считать свидетельствами полной или частичной освоенности слова, т.к. из них видно, что информанты хорошо улавливают ядерные семы: «отстаивать, пробивать чьи-нибудь интересы», «продвижение интересов», «лоббировать законопроект, т.е. «проталкивать» его», «политический представитель чьих-либо интересов», «продвижение, поддержка чьих-либо интересов», ««продвиженец» идеи, проекта», «продвижение», «представитель интересов, двигатель», «тот, кто представляет чьи-либо интересы, либо тот, чьи интересы представляют», «человек, представляющий в парламенте чьи-либо экономические интересы», «отстаивать мнение», «люди, отстаивающие интересы в правительстве», «лоббируют правительство», «лицо, отстаивающее интересы отдельных кругов корпораций в правительственных кругах», «использование политических сил в интересах какой-либо узкой группы», «представление, защита чьих-то интересов», «представляющий интересы ... политик», «продвижение определенной цели, задачи и т.д.», «группа людей, отстаивающая интересы определенных ФПГ во властных органах», «продвижение законов в чьих-либо интересах», «продвижение чьих-то интересов», «выбивание», «человек, представляющий чьи-либо интересы», «интерес чей-то в парламенте», «проводить чьи-то интересы в парламенте», «в политике «лоббировать» – проталкивать», «продвижение идеи», «давление на власть с целью достижения интересов», «протягивание, проталкивание каких-либо интересов», «продвигатель идей», «продвигать свою идею», «лица, пробивающие интересы, заинтересованные группы», «интерес по отношению к», «лоббирование, выдвигание и отстаивание точки зрения», «представление интересов», «интересы», «объединение для защиты интересов», «человек, поддерживающий активно кого-либо, что-либо», «просящий за кого-то», «защита интересов», «люди, которые продвигают свои интересы», «отстаивать финансовые интересы», «лоббировать – отстаивать интерес», «добивающийся претворения определенных интересов», ««двигающий» чьи-

либо интересы», «защита и продвижение определенных интересов», «поддержка (интересов)», «продвигать», ««навязывание» определенных интересов», «двигать, продвигать (в парламенте)», «давить», «толкать».

Такой частеречный разнобой при толковании слова *лобби*, характерный для обыденного метаязыкового сознания, вероятно, обнаруживается потому, что оно в русском языке является несклоняемым, и, таким образом, лексико-грамматическая квалификация может быть затруднительна и разнобой свидетельствует об определенной смысловой диффузности, неразличении слов *лобби* – *лоббист* – *лоббировать* – *лоббирование*:

- *лобби (лоббист)*: «политический представитель чьих-либо интересов», ««продвиженец» идеи, проекта», «представитель интересов, двигатель», «тот, кто представляет чьи-либо интересы, либо тот, чьи интересы представляют», «человек, представляющий в парламенте чьи-либо экономические интересы», «люди, отстаивающие интересы в правительстве», «лоббируют правительство», «лицо, отстаивающее интересы отдельных кругов корпораций в правительственных кругах», «представляющий интересы ... политик», «группа людей, отстаивающая интересы определенных ФПГ во властных органах», «человек, представляющий чьи-либо интересы», «интерес чей-то в парламенте», «группа людей, отстаивающая интересы определенных ФПГ во властных органах», «человек, представляющий чьи-либо интересы», «продвигатель идей», «лица, пробивающие интересы, заинтересованные группы», «объединение для защиты интересов», «человек, поддерживающий активно кого-либо, что-либо», «просящий за кого-то», «люди, которые продвигают свои интересы», «добивающийся претворения определенных интересов», ««двигающий» чьи-либо интересы»,

- *лоббирование*: «продвижение интересов», «продвижение, поддержка чьих-либо интересов», «продвижение», «использование политических сил в интересах какой-либо узкой группы», «представление, защита чьих-то интересов», «продвижение определенной цели, задачи и т.д.», «продвижение

законов в чьих-либо интересах», «продвижение чьих-то интересов», «выбивание», «интерес чей-то в парламенте», «продвижение идеи», «давление на власть с целью достижения интересов», «протягивание, проталкивание каких-либо интересов», «интерес по отношению к», «лоббирование, выдвигание и отстаивание точки зрения», «представление интересов», «интересы», «защита интересов», «защита и продвижение определенных интересов», «поддержка (интересов)», ««навязывание» определенных интересов»,

- *лоббировать*: «отстаивать, пробивать чьи-нибудь интересы», «лоббировать законопроект, т.е. «проталкивать» его», «отстаивать мнение», «проводить чьи-то интересы в парламенте», «в политике «лоббировать» – проталкивать», «продвигать свою идею», «отстаивать финансовые интересы», «лоббировать – отстаивать интерес», «продвигать», «двигать, продвигать (в парламенте)», «давить», «толкать».

Из анализа вышеприведенных дефиниций можно найти подтверждение мысли А.Д. Васильева о том, что «слова этой группы начали употребляться довольно широко, причем стали служить для называния явлений вне собственно политической деятельности» [Васильев, 2000, 90]. Налицо «пятый парадокс словарной статьи», который заключается в том, что «она показывает развивающееся, движущееся явление как стабильное, т.е. описывает движение в условно остановленный момент развития» [Шведова, 1988, 10].

3.1.7 Киднеппер

Единственная словарная фиксация нового слова *киднеппер* встретилась в ТС-XX: *киднеппер* (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*), а, м. ‘Тот, кто занимается киднеппингом; похититель людей, преимущественно детей’. Но в ТС-XX (2001) этого слова уже нет, остается только *киднеппинг* (с пометой *актуализация слова*), а, м. [англ. kidnapping] *Криминал*. ‘Похищение

людей, преимущественно детей, с целью получения выкупа'. Можно предположить, что авторы словаря исключили слово *киднеппер* из-за того, что оно редко встречается и употребляется и ему еще пока нет места в толковом словаре русского языка.

А слово *киднеппинг* лексикографически впервые фиксируется СНС-70: *киднеппинг* [англ. kidnapping] – ‘в капиталистических странах – похищение людей, чаще детей, с целью шантажа, получения выкупа’.

В СИС-81 появляется однокоренное слово *киднап* с тем же значением: ‘похищение людей, главным образом, детей, с целью вымогательства выкупа’.

В СИС-89 исчезает уточнение *в капиталистических странах* и повторяется дефиниция: *киднап* [англ. kidnap] – ‘похищение людей, главным образом детей, с целью вымогательства выкупа’.

В СИС-98 (Крысин) предлагается два словообразовательных варианта одного и того же слова, дефиниция которого также не соотносит реалию с чуждой действительностью: *киднап*, а, мн. нет, м. [англ. kidnap < kid ребенок + to нар устар. украсть]. ‘То же, что *киднеппинг*’. *Киднеппинг* [нэ], а, мн. нет, м. [англ. kidnapping]. ‘Похищение людей, главным образом детей, с целью вымогательства выкупа; то же, что *киднап*’.

СИС-2000 (Зенович) продолжает демонстрировать разнообразие вариантов правописания слова, которое в течение более двадцати лет так и не приобрело единой графической формы в русском языке: ‘*киднап, киднаппинг, киднеппинг, киднэппинг* [англ. kidnap, kidnapping < kid ребенок + to нар украсть] – похищение детей с целью получения выкупа’ [подробнее о правилах правописания и произношения заимствованных слов см.: Еськова, 1991, 65-67; 1999, 124-126; Лаптева, 1998 (1), 29-35; 1998 (2), 58-64; Кузнецова, 1987, 157-158; Крысин, 1998, 61-63].

В результате обработки анкет выяснилось, что 2% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 14% – иногда, 22% – редко, 62% – никогда; 4% иногда употребляет это слово, 11% – редко и 85% – никогда. В

письменном тексте только 1% информантов встречает слово регулярно, 12% – иногда, 23% – редко и 64% – никогда; 1% – иногда употребляет в письменном тексте, 6% – редко и 94% – никогда.

67% опрошенных затрудняется определить значение данного слова. Сюда же можно отнести 3% ответов респондентов, считающих, что *киднеппер* – это «няня», «воспитатель», «(няня, наверное) что-то с ребенком», «нянька (за ребенком)» (мы считаем такое понимание ложным, т.к. здесь имеет место попытка осмысления морфологического состава слова и мотивировки его значения на основе узнавания первой части слова *kid* – *ребенок* и домысливания второй). В эту же группу отнесем определение «кидала» (можно предположить, что слово имеет схожий звуковой облик), а также «рекламный агент», «компьютерщик» и «отверженный».

30% информантов продемонстрировали полное понимание семантики слова: «похищает детей», «тот, кто крадет детей», «похититель детей», «похититель людей», «вор детей», «похититель детей (людей)», «тот, кто похищает детей», «вор детей на выкуп», «человек, крадущий детей с целью шантажа», «крадущий детей», «похититель, возможно террорист, похищающий людей с целью получения выкупа», а также «ворюга» (в СОШ-97 даны пометы *прост. презрит.*), «похититель» (в данном случае информанты распознали только архисемы, поэтому можно считать, что данное слово понимается частично) и «урод», употребленное, по-видимому, в значении ‘человек с какими-нибудь дурными, отрицательными свойствами’ [СОШ-97]. Сюда же мы относим определения словам *киднап* – «красть детей с целью получить выкуп», и *киднеппингу* – «воровство детей», «похищение, взятие в заложники людей», «похищение детей», «кража детей».

Таким образом, слово *киднеппинг* и его производные, согласно лексикографическим источникам, потеряло свою гетерогенность и гетеролокальность, т.е. экзотичность, и стало реалией нашей страны. Хотя и большая часть информантов ($\approx 70\%$) не знает значения слова, из 33% давших

определение семантики *киднеппер* – 30% продемонстрировали полное либо частичное понимание. Ни один из отвечавших не соотнес реалию с западной действительностью, что дает нам право предположить, что *киднеппинг* и его производные перестали ассоциироваться в обыденном сознании со знаками чужой культуры.

3.2 Идеологически немаркированная лексика

3.2.1 Ланч

Слово *ланч* (или *ленч*) очень хорошо знакомо подавляющему большинству информантов. Только 7% затруднились определить значение. В то же время результаты сравнения лексикографических дефиниций и ответов респондентов в отношении степени экзотичности реалии оказались противоречащими друг другу. Так, БАС-1 определяет это слово так: *ленч*, а, м. ‘Второй завтрак после полудня или легкая закуска в другие часы дня (в Англии и США)’. СИС-89 предлагает более усеченное определение : *ленч* [англ. lunch] – ‘в Великобритании и некоторых других странах – второй, более поздний завтрак’. То, что слово подается здесь как знак иной культуры, несомненно, но в таком случае не совсем ясно, почему авторы не приводят полного значения слова, как оно представлено в языке-источнике, например Oxford Advanced Learner's Dictionary (1989): *lunch* 1) ‘meal taken in the middle of the day 2) (US) light meal taken at any time’ или Longman Dictionary of English Language & Culture: : *lunch* also *luncheon* – ‘a usually light meal eaten in the middle of the day’.

Единственный словарь русского языка, в котором слово лишено ореола экзотичности, – ТС-XX: *ланч*, а, м. (*новое слово; первая словарная фиксация*) [англ. lunch]. ‘Обед – время деловых или дружеских встреч’. Заметим, что слово не просто перестало подаваться как экзотизм, но обрело новый

компонент значения: *ланч* уже не просто прием пищи в середине дня, это еще и в первую очередь *деловая* и потом – *дружеская встреча*. Обсудить дела за *ланчем* или поболтать за *ланчем* стало очень модным, и очевидно, что эта традиция пришла к нам с Запада, таким образом, произошло культурное заимствование. Но интересно, что только авторский коллектив ТС-XX заметил данное пополнение в семантике, например, в СИС-98 (Крысин) и в более позднем словаре Е.С. Зенович мы этого не находим: *ленч*, *ланч*, а, м. [англ. lunch < luncheon < диалектное lunch букв. гора еды]. ‘В Великобритании, США и некоторых других странах: второй, более поздний завтрак’; СИС-2000 (Зенович): *ланч* – см. *ленч*. *Ленч* [англ. lunch – ланч] – ‘второй, более поздний завтрак, обед (главным образом в англоязычных странах)’.

В результате обработки анкет выяснилось, что 31% респондентов регулярно встречается это слово в устной речи, 42% – иногда, 22% – редко, 5% – никогда; 8% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 28% – иногда, 37% – редко и 28% – никогда. В письменном тексте 23% информантов встречается слово регулярно, 41% – иногда, 28% – редко и 9% – никогда; только 2% опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 9% – иногда, 24% – редко и 65% – никогда.

Как уже было сказано, 7% опрошенных затрудняется определить значение данного слова.

Только три человека из опрошенных связывают реалию с чужой культурой, определяя *ланч* как «второй завтрак, поздний завтрак, часто употребляется в США, на Западе», «второй завтрак или обед в англоязычных странах» и «второй завтрак, наш «обед»».

Четверо информантов имеют размытое представление о *ланче*: «вечеринка», «пикник», «перекур», «фуршет» (впрочем, все эти дефиниции, за исключением «перекур», содержат сему «*прием пищи*» и ассоциируются с *перерывом*, т.е. интервалом в повседневной трудовой деятельности).

Все остальные респонденты так или иначе выделяют ядерную сему «прием пищи»: «второй завтрак», «перекус», «обед», «полдник, чаепитие», «между завтраком и обедом», «завтрак», «прием пищи перед ужином», «прием пищи между завтраком и обедом», «ужин», «время употребления еды», «второй завтрак или обед», «завтрак-обед», «пища», «завтрак (деловой)», «завтрак в 11 часов», «второй завтрак (поздний завтрак)», «завтрак, обед, ужин», «промежуток между обедом и ужином», «легкий перекус утром», «легкий обед», «время приема пищи», «трапеза», «легкий ужин», «небольшой обед», «званный обед», «время перекусить», «жрачка», «еда вне расписания», «употребление пищи», «я говорю ленч, как раньше – прием пищи с 12 до 13 часов», «перекусить», «званный обед в кафе», «перерыв с едой», «легкий завтрак».

Полученные ответы можно, например, классифицировать по предполагаемому времени приема пищи:

- *утро*: «завтрак», «завтрак (деловой)», «завтрак в 11 часов», «второй завтрак (поздний завтрак)», «легкий перекус утром», «легкий завтрак»;

- *полдень (день)*: «обед», «полдник, чаепитие», «между завтраком и обедом», «второй завтрак или обед», «завтрак-обед», «промежуток между обедом и ужином», «легкий обед», «небольшой обед», «званный обед», «званный обед в кафе», «я говорю ленч как раньше, прием пищи с 12 до 13 часов»;

- *вечер*: «прием пищи перед ужином», «ужин», «легкий ужин»;

- *неопределенное время*: «перекус», «время употребления еды», «пища», «время приема пищи», «трапеза», «время перекусить», «жрачка», «еда вне расписания», «употребление пищи», «перерыв с едой».

Некоторые респонденты выделяют компоненты значения по обилию пищи:

- *легкий (прием пищи)*: «перекус», «полдник, чаепитие», «легкий перекус утром», «легкий ужин», «легкий обед», «небольшой обед», «перекусить», «легкий завтрак»;

- *обильный (прием пищи)*: «званный обед», «званный обед в кафе».

Обращают на себя внимание три дефиниции: с одной стороны – «жрачка», оценочно сниженное определение данного вида приема пищи (или любой пищи), а с другой – «званный обед» и «званный обед в кафе», где слово *ланч* окружено инокультурным ореолом, подтверждающим некоторую торжественность и исключительность события, в общем вполне заурядного.

Можно предположить, что именно поэтому многочисленные владельцы кафе, баров и ресторанов используют иноязычное слово *ланч* в рекламных целях для привлечения клиентов. Более того: распространенное в последнее время (в основном – в текстах рекламных объявлений и вывесок) слово *бизнес-ланч* способствует укоренению существительного *ланч* в обыденном языковом сознании; при этом указанное сложное слово также явно не вполне семантически прояснено для носителей русского языка и не отмечено лексикографическими изданиями. По-видимому, и в данном случае имеет место действие магически притягательного ореола иноязычного слова (хотя, как уже было сказано, обозначающего известную реалию).

3.3 Группа новейших англицизмов

3.3.1 Специальная лексика

3.3.1.1 Брэнд

Существительное *брэнд*, по всей вероятности, впервые было зафиксировано ТС-XX (2001), т.к. ни в ТС-XX, ни в СИС-98 (Крысин) и СИС-2000 (Зенович) мы слова не обнаружили. Итак, *брэнд* (с пометой

актуализация слова (значения)), а, м. Спец. 'Торговая марка'. Таким образом, согласно лексикографическому источнику, слово *бренд* не является экзотизмом.

В результате обработки анкет выяснилось, что 16% респондентов регулярно встречается это слово в устной речи, 23% – иногда, 24% – редко, 38% – никогда; 3% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 11% – иногда, 19% – редко и 66% – никогда. В письменном тексте 14% информантов встречается слово регулярно, 17% – иногда, 23% – редко и 44% – никогда; только 2% опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 7% – иногда, 13% – редко и 79% – никогда.

54% опрошенных затрудняется определить значение данного слова.

2% информантов, видимо, по созвучию спутав *бренд* с *брэнди*, дали следующие определения: «алкогольный напиток», «напиток», «от спиртного «брэнди»». Сюда же мы относим ответы респондентов, которые также спутали слова «brand» и «friend» по созвучию: «друг, товарищ», «друг».

≈ 20% информантов продемонстрировали полное понимание значения слова: «торговая марка», «марка», «имя», «марка (товара)», «название торговой марки», «известная марка», «фирменная марка», «марка фирмы», «раскрученная марка», «широко известная торговая марка», «известная торговая марка», «название иностранной компании» (единственный зарегистрированный нами ответ, связывающий слово *бренд* с иностранной действительностью), «название фирмы», «фамилия», «зарегистрированная марка», «марка продукции», «узнаваемая марка (логотип) продукта (в рекламе)», «устоявшаяся торговая марка», «фирма», «название», «марка товара определенной фирмы». Небезынтересно было отметить, что многие информанты в качестве периферийной выделили сему «известный»: «раскрученная», «широко известная», «узнаваемая», «устоявшаяся».

Высокий процент ответов (≈ 20%) продемонстрировал подмену понятий *бренд* и *логотип*. Согласно ТС-XX (2001), *логотип* (с пометой *актуализация*

слова (значения)), а, м. Спец. ‘Специально разработанное, оригинальное начертание полного или сокращенного наименования фирмы или группы товаров данной фирмы’. Сюда мы причислили такие ответы, как «маркировка», «клеймо», «логотип», «символика фирмы», «этикетка», «фирменный знак», «товарный знак», «торговый знак», «отличительный знак фирмы», «марка (эмблема) фирмы», «идея, фирменный стиль», «определенная идея, продвигающая фирму», «лейбл», «торговый знак». Вероятно, это происходит потому, что у каждой торговой марки есть логотип, и респонденты, представляя в своем воображении любую известную торговую марку, «видели» ее воплощение в символике фирменного знака.

Еще около 4% респондентов считает, что *бренд* – это «крупный рекламный заказ, область», «реклама», «рекламная линия», «рекламный элемент», «рекламный бренд», «рекламный проект», «рекламная кампания», «проект, рекламная линия», а также «эксклюзив», «витрина», «имеет свое имя», «заставка», «официальный знак качества», «главный», «конкурс», «представитель фирменного знака», «самобытный», «тусовка», «новшество», «новинка», «сорт», «богатый, известный человек». Нетрудно заметить, что большинство респондентов выделяют сему *«реклама, рекламный»*. Возможно такие ответы построены на яркой ассоциативной связи *бренда с рекламой*, что вполне справедливо. Но тем не менее, мы не можем считать такое понимание даже частичным.

Таким образом, наверное, нельзя говорить о том, что существительное *бренд* оказалось сегодня полностью собственно освоенным. С другой стороны, высокая частотность употребления этого слова – например, в СМИ – (и, конечно, понимание его многими их опрошенных нами носителей языка) позволяет предполагать, что процесс освоения происходит весьма активно.

3.3.1.2 Риэлтер

Впервые слово *риэлтер* и производное *риэлтерский* появились в ТС-XX: *риэлтер* (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*), а, м. [<англ. realtor] ‘Тот, кто профессионально занимается продажей и покупкой недвижимости.’ Также под символом *особенности употребления слова* отмечается, что слово может употребляться, когда речь идет о *фирме, организации..* СИС-2000 (Зенович) отмечает эту же особенность: *риэлтер* [<англ. real estate недвижимость] – ‘частное лицо или организация, осуществляющие коммерческую деятельность на рынке недвижимости’. ТС-XX (2001) предлагает два варианта написания слова и его производных: *риэлтер, риэлтор* (с пометой *актуализация слова (значения)*); *риэлтерский, риэлторский* (с пометой *актуализация слова (значения)*); *риэлторство*, а, ср. (с пометой *актуализация слова (значения)*) Спец. ‘Профессиональная продажа и покупка недвижимости’.

В начале 90-х слово *риэлтор* обратило на себя внимание лингвистов. Была опубликована статья С.В. Подчасовой о новейших заимствованиях, в том числе и о *риэлторе*: «В Америке realtor – агент по продаже недвижимости [Англо-Русский словарь по экономике и финансам. С. 406]. Аналогичное толкование можно прочесть в выпуске «Московского комсомольца» от 3 июля 1992 г.: «Риэлтеры – предприниматели, занимающиеся операциями с недвижимостью» [Подчасова, 1994, 53]. Автор также отмечает, что неологизм *риэлтер* еще не достаточно освоен русским языком и довольно редко появляется в печати и сочетается с узким кругом слов.

В результате обработки анкет выяснилось, что 43% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 32% – иногда, 13% – редко, 13% – никогда; 7% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 21% – иногда, 29% – редко и 42% – никогда. В письменном тексте 36% информантов встречает слово регулярно, 28% – иногда, 21% – редко и 15% – никогда; только 3% опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 10% – иногда, 20% – редко и 67% – никогда.

33% опрошенных затрудняется определить значение данного слова. Еще 10% предполагает, что *риэлтер* – это «посредник», «рекламный агент», «бизнесмен», «представитель», «продавец», «услуги», «оценщик», «оказание услуг», «сотрудник в торгово-финансовых кругах», «менеджер», «служащий», «представитель фирмы», «квартирный кидала», «клерк, представитель фирмы», «перечень», «посредник в оказании организованных услуг», «агент рекламы», «реализатор», а также: «продажа собственности», «операции с жильем», «продажа», «недвижимость».

Среди вышперечисленных ответов можно выделить несколько дефиниций, которые содержат в себе некоторые семы значения: «посредник», «бизнесмен», «представитель», «продавец», «представитель фирмы», «клерк, представитель фирмы», «посредник в оказании организованных услуг», а также некоторым информантам, возможно, неизвестно слово, но известна сфера его употребления: «продажа собственности», «операции с жильем», «продажа», «недвижимость». Обращает на себя внимание дефиниция «квартирный кидала». Согласно ТС-XX (2001), *кидала*, жарг. ‘Мошенник, жулик, наживающийся на обмане’. Таким образом, информант своим объяснением слова выразил резко негативную оценку деятельности риэлтеров, возможно, основанную на собственном печальном опыте. Остальные 57% респондентов правильно понимает значение слова: «продавец недвижимости», «торговец недвижимостью», «занимающийся недвижимостью», «агент по недвижимости», «работающие с недвижимостью», «агент по продажам недвижимости», «продавец квартир», «специалист риэлторской компании», «работник агентства недвижимости», «посредник при покупке жилья», «человек→недвижимость», «продает недвижимость», «человек по продаже квартир», «продавец на рынке недвижимости», «специалист по работе с недвижимостью», «продавец (агент по продаже) имущества», «посредник в продажах недвижимости», «агент по купле-продаже недвижимости», «связано с недвижимостью», «участник

рынка недвижимости», «профессионал по продажам квартир», «специалист по операциям с недвижимостью», «операции с жильем», «жилищный бизнесмен», «торгует недвижимостью», «продавец жилплощади», «работник фирмы, торгующей недвижимостью», «торговец недвижимостью, сотрудник риэлторской фирмы», «тот, кто занимается работой в агентстве по продаже недвижимости», «занимается куплей, продажей, арендой, обменом квартир», «фирма, занимающаяся куплей/продажей/арендой жилья», «человек, занимающийся продажей недвижимости», «агент недвижимости, фирма по недвижимости», «занимающийся операциями с недвижимостью».

В.Н. Шапошников считает, что слово *риэлтер* изменило свое «английское» содержание и «у нас это слово обозначило квартирному маклера-обменщика». Но вышеприведенные ответы респондентов уже позволяют нам не согласиться с выводами автора статьи «Иностранные слова в современной русской жизни» [Шапошников, 1997, 40 - 41].

Таким образом, заимствование англоязычного экзотизма *риэлтер* неслучайно и, с одной стороны, вполне оправданно. С принятием закона о приватизации жилья и другой недвижимости у граждан появилась возможность продать ее или купить, поэтому возникла необходимость создания жилищных центров и специалистов, занимающихся этими проблемами. Параллельное существование *риэлтера* и *агента по торговле недвижимостью, центра недвижимости и риэлтерской конторы* означает мощное навязывание иноязычного слова и его производных при существовании привычных для носителя русского языка слов и выражений, означающих те же самые явления. Трудно прогнозировать, что победит, но помета к слову *риэлтер* и его производным *актуализация слова (значения)* в ТС-XX (2001) говорит сама за себя. Вероятно, процесс вытеснения исконно русской номинации заимствованием объясняется в данном случае одновременно несколькими факторами, по крайней мере, двумя: стремлением к экономии речевых усилий за счет замены словосочетания однословным

обозначением; представлением о «престижности» иноязычного слова, очевидно существующим как среди торговцев недвижимостью, так и потребителей их услуг, что является следствием и непроницаемости внутренней формы заимствования, и тем обстоятельством, что для многих англоязычных стран («цивилизованных государств»), избранных в качестве образца для России, эта форма предпринимательской деятельности традиционна и привычна на протяжении длительного времени.

3.3.2 Экономическая лексика

3.3.2.1 Лот

Существительное *лот* в русском словоупотреблении появилось в новом значении не так давно, и впервые его зафиксировал ТС-XX: *лот*, м. (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*) [англ. lot] *Экон.* 1. 'Партия, серия (товаров) при сделках; стандартная по количеству и качеству партия товаров; любая группа товаров, предлагаемая на продажу как одно целое. 2. Единица измерения (товара) при аукционной продаже, сделке и т.п.'

Но у этого существительного есть два омонима, которые давно функционируют в русском языке. СИС-2000 (Зенович) фиксирует все три существительных: '*лот*' [англ. lot] – 1) в аукционной торговле – партия товара, предлагаемая к продаже; обычно обозначается номером, под которым товар перед аукционом был выставлен для осмотра его покупателем; 2) стандартный размер сделки, контракта'; '*лот*² [гол. lood] – прибор для измерения глубины'; '*лот*³ [нем. lot] – старинная единица массы русской системы мер, равная примерно 13 г'.

Очевидно, что в упомянутых дефинициях отсутствуют какие-либо признаки экзотичности слова, указывающие на принадлежность его к чужой

культуре. Подтверждающий этот статус слова результат мы получили после анализа определений, полученных нами от информантов.

В результате обработки анкет выяснилось, что 21% респондентов регулярно встречается это слово в устной речи, 39% – иногда, 26% – редко, 15% – никогда; 2% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 9% – иногда, 34% – редко и 54% – никогда. В письменном тексте 15% информантов встречается слово регулярно, 34% – иногда, 31% – редко и 21% – никогда; только 1% опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 3% – иногда, 17% – редко и 79% – никогда.

29% опрошенных затрудняется определить значение данного слова. Сюда же можно отнести следующие ответы: «ячейка, графа», «билет», «щель для опускания денег» (респондент привел перевод английского слова *slot*, имеющего очевидную фонетическую схожесть), «игра», «жеребьевка», «раздел», «жеребий», «тур», «библейский урод» (по-видимому, имеется в виду Лот, в библейской мифологии племянник Авраама), «часть общего какой-либо группы людей», «период, тайм», «место», «кон», «из телеигры», «сектор, часть», «убежище». Три человека дали определения омонимам: «мера веса» и «устройство для измерения глубины водного столба».

Следующие ~ 6% ответов можно отнести к разряду частичного понимания слова: «товар», «товар на продажу», «аукцион», «аукцион (термин)», «талон на аукционе», «торги», «на бирже», «единица измерения», «неделимая часть», «наименование», «сделка», «выигрышный номер», «вещь», «предложение», «сделка», «в лотерее», «лотерея», «игровой лот», «экземпляр», «денежный фонд (в лотерее)», «почти номер», «ставка», «образец», «позиция», «лот драгоценных камней», «количество».

Остальные информанты (~ 65%) продемонстрировали полное понимание значения слова: «предмет торга», «номер», «партия, часть, пакет», «предмет торгов на аукционе; мера веса», «номер товара», «номер товара на торгах», «нумерация товара», «партия», «товар на аукционе», «товар,

выставленный на продажу», «распродажа на аукционе», «порядковый номер», «экземпляр на торгах», «партия (на аукционе, бирже)», «партия товара», «предмет на продажу», «предмет на аукционе», «обозначение вещи, выставляемой на аукционе», «сумма чего-то, выставляемая на торги, аукцион; комплект чего-то», «единица в биржевой торговле», «выставленный для заключения сделок объем», «пакет, совокупность», «название предмета на аукционе», «номер предмета или предмет на кону», «объект продажи на аукционе», «экспонат, представляемый на аукционе», «название номерной карточки на бирже, аукционе, лотереях», «единица товара», «предложение на аукционе», «номер товара, подлежащий продаже на аукционе», «номер товара, подлежащий продаже на бирже», «вещь на торгах», «какой-либо представляемый товар», «нумерация товара», «партия для продажи», «единица измерения в торговле», «единица товара в лотерее», «определенное количество товара, выставленное на продажу», «группа товара», «выдвинутый на аукцион», «объект торгов», «набор (комплект) объектов», «группа товаров на продажу», «единица чего-либо», «часть», «разыгрываемый/продаваемый (в т.ч. на аукционе) объект», «обозначение товара на торгах», «аукцион, выставление чего-либо на конкурс», «предмет розыгрыша лотерей», «торги (образец)», «то, что выставлено на продажу», «одна из вещей на аукционе».

Таким образом, сегодня мы наблюдаем стопроцентную «приживаемость» большинства экономических терминов, пришедших с Запада, и, в частности, слова *лот*. Такая языковая толерантность объясняется, как минимум, двумя причинами: стремлением к экономии речевых средств и привлекательностью иностранного слова, пришедшего из страны (или стран) с высоким уровнем экономического развития.

3.3.3 Термины информатики

3.3.3.1 Провайдер

В связи с появлением в России всемирной информационной компьютерной сети Интернет возникла необходимость услуги, подключающей компьютер к глобальной сети. Известно, что принципы построения проекта связи компьютеров в одном из подразделений Министерства обороны США (1969 г.) легли в основу создания Интернета (из энциклопедической справки к слову *Интернет* (ТС-XX (2001))). Таким образом, США, являясь родиной Интернета, стали проводниками своей культуры и вместе с тем – языка во всем мире. Сегодня все термины в области информатики – заимствования из английского языка. Существительное *провайдер* не является исключением.

Согласно СИС-2000 (Зенович): *провайдер* [\leftarrow англ. to provide обеспечивать, предоставлять] – ‘1) организация, предоставляющая услуги по пользованию глобальными информационными сетями и системами; 2) снабжающая организация’. Более емкое и точное определение, на наш взгляд, предлагает ТС-XX (2001): *провайдер*, а, м. (с пометой *актуализация слова*) [англ. provider] *Информ.* ‘Поставщик услуг Интернета, подключающий пользователей к сети через свои компьютеры’.

В результате обработки анкет выяснилось, что 34% респондентов регулярно встречается это слово в устной речи, 31% – иногда, 20% – редко, 16% – никогда; 5% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 18% – иногда, 21% – редко и 55% – никогда. В письменном тексте 26% информантов встречается слово регулярно, 28% – иногда, 24% – редко и 22% – никогда; только 2% опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 9% – иногда, 15% – редко и 75% – никогда.

47% опрошенных затрудняется определить значение данного слова. Сюда же можно отнести еще 13% ответов респондентов, которые считают, что *провайдер* – это: «продвигающий на рынок товар или услугу» (здесь, по-видимому, произошла фонетическая ассоциация с другим англицизмом –

промоутором), «рекламный агент», «реклама», «агент по рекламе», «рекламист», «рекламный агент, продвигающий товар» (вероятно, что постоянное рекламирование услуг фирм-провайдеров позволило респондентам провести прямую связь между этими явлениями), «молодежь» (явная фонетическая ассоциация с англицизмом *тинэйджер*), «человек, осуществляющий сделки», «тот, кто занимается развитием чего-либо, распространением», «распространитель», «торговый представитель (распространитель товаров)», «экскурсовод», «специалист по работе с недвижимостью», «студент-искусствовед», «продвигающий», «сервер», «компьютер» (ответы *сервер* и *компьютер* нельзя считать точными или даже хотя бы частично правильными, но они демонстрируют, что респонденты ориентируются, что слово *провайдер* относится к области информатики), «курьер», «продвигающий, представляющий», «человек, занимающийся в Интернет», «агент», «мастер», «представитель фирмы», «поставщик товаров». Большинство информантов ошибочно считает, что *провайдер* – это человек, по аналогии с другими заимствованиями с суффиксами -ор, -ер: *доктор, риэлтер, гангстер, мастер* и др.

Около 22% информантов продемонстрировали частичное понимание слова, выделяя следующие семы: «поставщик услуг (товаров)», «Интернет», «связь, коммуникации», «обеспечитель» (авторский окказионализм), «продающий» и т.д.: «проводник», «основной поставщик услуг», «снабженец», «осуществляющий связь между кем-то», «обеспечитель», «фирма, предоставляющая права», «представитель каких-либо услуг», «предоставляет услуги», «обеспечивает связь», «оператор», «компьютерный термин, проводник чего-либо», «сторона, уполномоченная проводить или оказывать услуги от имени фирмы», «лицо, осуществляющее коммуникационные услуги», «мастер к подключению к Интернет», «организация, предоставляющая услуги в сфере коммуникации», «поставщик», «торговый представитель», «организация, обеспечивающая

доступ к чему-либо», «Интернет», «фирма, предоставляющая услуги (например, связи)», «человек, который предоставляет услуги, связанные с компьютером», «в Интернет-услугах», «человек, предлагающий услуги», «посредники между двумя лицами (поставщиком и потребителем)», «представитель компании, предоставляющей какие-либо услуги», «снабженец», «распространитель услуг», «проводник какой-то связи», «обеспечитель», «представитель фирмы», «человек или нечто, обеспечивающее кого-либо чем-либо», «представитель, компания с некоторыми правами», «продавец», «посредник услуг связи», «поставщик услуг», «человек, продвигающий товар на рынке услуг», «посредник по связи», «человек, подключающий Интернет», «деталь для приема, передач сети Интернет», «представитель компании на данном рынке сбыта», «обслуживатель» (окказионализм, образованный аналогично *обеспечителю*), «оператор сети», «компания или лицо, предоставляющие услуги», «человек/юридическое лицо, предоставляющее какие-либо услуги», «типа оператора, предоставляющего услуги», «тот, кто оказывает услуги связи», «продавец услуг», «предоставляющий услуги», «оператор услуг», «тот, кто обеспечивает связь», «продающий что-либо».

Только 18% информантов показали точное знание слова: «продавец Интернет», «фирма, предоставляющая услуги Интернет», «представитель Интернет-услуг», «организация, обеспечивающая доступ (e-net провайдер)», «предоставляет Интернет-услуги», «обеспечивает связь в Интернет», «предоставляющий услуги в Интернет», «продавец информационных технологий», «продавец коммуникаций (например, Интернет)», «компания, предоставляющая услуги связи в Интернет», «представитель услуг Интернет», «фирма, предоставляющая услуги Интернет», «тот, кто помогает подключиться к Интернет», «продавец услуг по Интернет», «тот, кто оказывает услугу по обеспечению Интернет», «продавец Интернет», «делает Интернет», «предоставляет Интернет», «посредник для соединения в

Интернет», «представитель Интернет-услуг», «предоставляет услуги по доступу в Интернет», «лицо (юридическое), предоставляющее связь с Интернет», «проводник в мир Интернет», «представитель в сети Интернет», «распорядитель сети Интернет», «фирма, оказывающая услуги Интернет», «продавец услуг компьютерной сети», «поставщик услуг Интернет», «фирма, дающая доступ в Интернет», «фирма, дающая право на пользование сетью Интернет, в частности», «фирма, продающая услуги сети», «соединяет с Интернет», «проводник в компьютерной сети», «соединитель с Интернет», «представитель Интернет», «человек, допускающий к Интернет», «посредник, устанавливающий Интернет-связь».

По сведениям газеты «Капитал» [Вострякова; 1996], «с появлением на отечественном рынке в середине 80-х годов персональных компьютеров и выходом в 1988 году поначалу на 100% переводного журнала «PC World», ставшего очень популярным, произошел «обвал»: англоязычные термины и аббревиатуры, зачастую в английском же написании, заполнили страницы журналов...». Компьютер, бесспорно, проникает во все сферы деятельности человека, а с ним и Интернет. В русском языке даже появились слова *компьютеризация* и *интернетизация*. Без знания собственно английского языка или хотя бы компьютерного жаргона [см., например, Лихолитов, 1997, 43], построенного на базе английского языка, работа в Интернете может быть сильно ограничена. Не так давно стали появляться русскоязычные *сайты*, но те люди, которые когда-либо работали в Интернете, без сомнения, заходили для поиска нужной информации на сайты зарубежные, такие, как Yandex или Rambler.

Необходимо отметить, что, несмотря на невысокий процент полного или частичного понимания слова *провайдер*, ни один из информантов не соотнес слово с чуждой для него культурой. Таким образом, Интернет стал мощным и при этом весьма привлекательным проводником англо-американской культуры и английского языка в частности.

3.3.4 Группа употребительных в разных областях англицизмов

3.3.4.1 Дилер

Существительное *дилер* не так давно было заимствовано русским языком. Согласно ССИС-93 *дилер* [англ. dealer] – ‘член фондовой биржи и банк, занимающийся куплей-продажей ценных бумаг, валют, драгоценных металлов; действует от своего имени и за собственный счет’. ТС-XX фиксирует его как *относительно новое слово: дилер*, а, м. [англ. dealer]. ‘Лицо или фирма, выступающие биржевыми или торговыми посредниками между продавцом и покупателем при купле или продаже товаров, ценных бумаг и т.п.’. СИС-2000 (Зенович) предлагает более развернутую дефиницию: *дилер* [англ. dealer] – 1) ‘отдельное лицо или фирма, занимающиеся куплей-продажей чего-либо, выступающие на рынке с использованием торговой марки фирм – производителей продукции и действующие от своего имени и за свой счет; 2) то же, что крупье’.

Заметим, что ранее С.В. Подчасова, проанализировав дефиниции разных лексикографических источников и примеры употребления данных слов в различных СМИ, пришла к выводу о том, что «семантическая определенность слов *дилер* и *брокер*, а также активный процесс смыслового дробления этих понятий – все это служит доказательством достаточной степени усвоения их нашим языком...» [Подчасова, 1994 (1), 53].

В результате обработки анкет выяснилось, что 48% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 39% – иногда, 11% – редко, 3% – никогда; 18% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 29% – иногда, 25% – редко и 28% – никогда. В письменном тексте 43% информантов встречает слово регулярно, 31% – иногда, 19% – редко и 7% – никогда; 8%

опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 18% – иногда, 29% – редко и 45% – никогда.

19% опрошенных затрудняется определить значение данного слова. Сюда же можно отнести еще 10% ответов респондентов, которые считают, что *дилер* – это «ведущий», «дочернее отделение», «производитель», «снабженец», «служащий банка».

Остальные 71% ответов можно отнести к частичному пониманию слова: «работник рекламы», «рекламный агент», «представляет интересы», «партнер», «поставщик», «служащий», «самостоятельный продавец ценных бумаг», «работник на бирже», «продавец», «деловой», «представитель», «маклер», «посредник», «агент по договорам и продажам», «посредник при заключении сделок», «торговец», «представитель продвижения товара», «деловой человек», «работник биржи», «купи-продай», «представитель какой-либо фирмы», «торговый агент», «коммерсант», «работник с ценными бумагами», «представитель дилерской компании», «распространитель», «деловой предприниматель», «сделочник», «региональный представитель», «деловой партнер», «тот, кто торгует на бирже», «торгаш», «член фондовой биржи», «частное лицо», «второй продавец», «агент», «участник сделки», «связующее звено», «агент по продаже», «делец», «участник финансовых сделок», «финансовый деятель», «торговый представитель», «посредник при продаже», «человек, продвигающий товар на рынке», «аналог дистрибьютору», «биржевой сотрудник», «продавец-консультант», «участник рынка ценных бумаг», «экономический термин», «работник биржи», «биржевик», «человек, играющий на ценных бумагах», «уполномоченный продавец», «бизнесмен», «представитель фирмы на торгах», «связано с бизнесом», «биржевой, банковский специалист, осуществляющий торговлю валютой, ценными бумагами и проч. активами», «специалист, уполномоченный на заключение сделок», «человек, занимающийся какими-либо сделками».

Все вышеперечисленные варианты ответов содержат сему или набор сем, входящих в состав значения слова *дилер*. Можно следующим образом расклассифицировать полученные ответы, выделив такие семы, как

- *продавец*: «самостоятельный продавец ценных бумаг», «продавец», «торговец», «тот, кто торгует на бирже», «торгаш», «второй продавец», «торговый представитель», «посредник при продаже», «человек, продвигающий товар на рынке», «аналог дистрибьютору», «продавец-консультант», «уполномоченный продавец», «биржевой, банковский специалист, осуществляющий торговлю валютой, ценными бумагами и проч. активами», «купи-продай»;

- *деловой человек*: «деловой предприниматель», «коммерсант», «деловой партнер», «агент», «делец», «бизнесмен», «человек, занимающийся какими-либо сделками», «финансовый деятель», «связано с бизнесом» и др.;

- *посредник*: «посредник при заключении сделок», «второй продавец», «связующее звено», «посредник при продаже»;

- *представитель*: «представитель продвижения товара», «представитель какой-либо фирмы», «представитель дилерской компании», «региональный представитель», «торговый представитель», «представитель фирмы на торгах»;

- *агент*: «агент по договорам и продажам», «агент по продаже», «торговый агент»;

- *участник биржи*: «работник на бирже», «тот, кто торгует на бирже», «член фондовой биржи», «биржевой, банковский специалист...»;

- *совершающий сделки*: «посредник при заключении сделок», «сделочник», «участник сделки», «участник финансовых сделок», «специалист, уполномоченный на заключение сделок», «человек, занимающийся какими-либо сделками» и др.

Все же хочется заметить, что мы получили только три негативно окрашенных ответа: *купи-продай*, *торгаш* (СОШ-97: *торгаш* 1. 'То же, что

торговец (в 1 зн.) (устар. неодобр.). 2. перен. Человек, который выше всего ставит свою выгоду, корысть, личный интерес (презр.)') и *делец* (подробнее см. 3.1.2). Результаты анкетирования позволяют нам не согласиться с мнением В.Н. Шапошникова о том, что «в массовом сознании *дилер* – это просто мелкий торговец, перепродавец» [Шапошников, 1997, 40-41].

Таким образом, произошла очевидная активизация понимания и употребления заимствования *дилер* (что и отмечается ТС-XX (2001)). Как в массовом, так и в научном сознании слово *дилер* не ассоциируется с чуждой действительностью и практически потеряло негативную окраску, связанную с деятельностью, относящейся к сфере коммерции.

3.3.4.2 Копир

Слово *копир* впервые было зафиксировано ТС-XX: *копир*, а, м. (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*). 'Копировальный аппарат, обычно использующий принцип ксерографии, не имеющий торговой марки фирмы Херох. *Копиры фирмы Toshiba*'. Из этого же словаря узнаем, что такое *ксерокс*: *ксерокс*, а, м. (с пометой *относительно новое слово*) [англ. Херох – торговый знак копирующего устройства]. 1. 'Разновидность множительного аппарата, использующего метод ксерографии. 2. чего = *Ксерокопия*', а *ксерокопия* - это 'отпечаток, полученный на ксероксе'.

Ранее для обозначения *копиров* и *ксероксов* употреблялось достаточно понятное словосочетание *копировальный аппарат*, например, СЭС-90 предоставляет нам информацию не только собственно лексикографического, но и энциклопедического характера: *копировальный аппарат* – 'устройство для копирования и размножения небольшими тиражами текстов, чертежей, рисунков и т.п. штриховых и полутоновых прозрачных и непрозрачных оригиналов. *Копирование* в машиностроении, получение на станках заданного, например шаблоном или чертежом, профиля (формы) детали с

помощью механического копировального устройства или следящей системы. *Копирование документов*, процесс изготовления копий документов (оригиналов). Наиболее распространены светокопирование, фотокопирование, электро-фотогр. и электронное копирование документов'. *Ксерография* (ксерографическое копирование) (от греч. *xeros* сухой и *графия*), 'наиболее распространенный способ оперативного копирования документов в черно-белом или цветном изображении методами электрофотографии. Изобретен Ч. Карлсоном (США) в 1938'.

Но нельзя не упомянуть, что в русском языке существует омоним существительного *копир*, например, в СИС-89 : *копир* [< нем. *Kopierschablone*] – 'деталь копировального станка, передающая движение инструменту, воспроизводящему на заготовке заданный профиль поверхности, соответствующий профилю копира' (хотя СИС-2000 (Зенович) не считает, что это слово – омоним (см. ниже)).

В СИС-98 (Крысин) мы не находим слова *копир*, но обнаруживаем существительное *ксерокс*: *ксерокс*, а, м. [англ. *xerox* < гр. *xeros* сухой]. 1. мн. нет. 'То же, что *ксерография*. 2. разг. Аппарат, с помощью которого получается такое воспроизведение'. Заметим, что автор словаря не ограничивает употребление слова только обозначением копировального аппарата фирмы Хегох. То же самое можно наблюдать в СИС-2000 (Зенович): *копир* [англ. *copier* < лат. *copia* множество] 1) 'копировальное устройство вообще, независимо от принципа его работы; аппарат для размножения документов (ср. *ксерокс*); 2) деталь копировального станка, передающая движение инструменту, воспроизводящему на заготовке заданный профиль поверхности'.

Ксерокс [< соб. англ. *Xerox* < гр. *xeros* сухой] – 1) 'торговая марка фирмы, разработавшей серию копировальных устройств; бытовое название копировальных аппаратов любой марки (ср. *копир*); 2) разг. то же, что *ксерокопия*'.

Ксерокопия [см. *ксеро...* + *копия*] – ‘копия изображения, полученная с помощью *ксерографии*’.

Таким образом, мы еще очень явно можем наблюдать разнотолкований существительного *копир*. По всей видимости, конкурирующие между собой слова *копир* и *ксерокс* сегодня являются гиперонимами для обозначения копировальных аппаратов всех марок.

В результате обработки анкет выяснилось, что 25% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 18% – иногда, 16% – редко, 40% – никогда; 13% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 12% – иногда, 18% – редко и 57% – никогда. В письменном тексте 13% информантов встречает слово регулярно, 17% – иногда, 18% – редко и 51% – никогда; 4% опрошенных употребляет слово в письменной речи регулярно, 5% – иногда, 14% – редко и 77% – никогда.

41% опрошенных затрудняется определить значение данного слова. Сюда же можно причислить еще два ответа: «бумага-промокашка» и «принтер».

Следующие определения, на наш взгляд, демонстрируют полное понимание значения слова *копир* (35%): «ксерокс», «повторитель» (авторский неологизм), «копировальный аппарат», «аппарат для изготовления копий», «размножитель или подражатель» (несмотря на то, что информант не совсем уверен в ответе, его первое предположение оказалось верным), «копировальный элемент» (эта дефиниция вполне соответствует второму значению слова СИС-2000 (Зенович)), «хегох, аппарат для снятия копий», «копировальная машина», «предмет для создания копий или копирования чего-либо», «множитель», «множительный аппарат», «аппарат для получения и производства копий», «копировальный аппарат, чаще: ксерокс», «устройство для размножения, получения копий», «множитель, делающий много копий», «устройство для дублирования», «имеется в виду *ксерокс* или что-то другое?», «механизм для копирования текста», «копирование бумаг»

(впрочем, автор данного определения описывает действие, производимые *копиром*), «машина для копирования», «копирующее устройство», «техника для изготовления копий». Следующие ответы мы также относим к «правильным»: «делает копии», «занимающийся копированием бумаг», «делающий точную копию», «дубликатор» (можно предположить, что автор этого неологизма имел в виду именно аппарат для производства копий), «тот, кто делает копию или то, что делает копию». Хотя из некоторых ответов, кроме последнего, не совсем понятно, *что* или *кого* имели в виду респонденты.

Все остальные информанты (24%) дали следующие определения: «копирующий», «копирка», «повтор», «копия», «повторение», «тот, кто делает копии», «дублирование», «ксерокопия», «копировать», «второй экземпляр», «копировщик», «аппарат», «копирование», «подобие, аналог», «дубликат», «повтор». Такие ответы мы причислим к разряду частичного понимания, так как все они правильно выделяют только периферийные семы (за исключением ответа «автомат»).

Таким образом, слово *копир* не является экзотизмом ни в научном, ни в обыденном языковом сознании. Трудно представить сегодня жизнь без копировальной техники - она стала широко известна, популярна и доступна. Разнобой толкований в лексикографических источниках и у информантов, по видимому, объясняется в первом случае – различными точками зрения лексикографов, а во втором – использованием гиперонима *ксерокс* для обозначения копиров разных торговых марок из-за большой распространенности фирмы *Xerox*.

3.3.4.3 Постер

Слово *постер* впервые было зафиксировано ТС-XX: *постер*, а, м. (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*) [англ. poster]. ‘Красочный

плакат, рекламирующий выступления какой-либо музыкальной группы и обычно представляющий собой большую коллективную фотографию всего состава артистов этой группы'. ТС-XX (2001) фиксирует существенное дополнение: 'О рекламном плакате любой тематики'. А СИС-2000 (Зенович) приводит еще два дополнительных значения: *постер* [англ. poster] – 'афиша, плакат, вкладыш в периодическое издание с изображением известных людей; 2) лэй-ин – вкладыш в аудио- или видеокассету, компакт-диск'. Иными словами, *постер* – это красочный плакат любого содержания, в том числе и рекламного, а также вкладыш с изображением известных людей как в печатное издание, так и в любой вид носителя информации, причем последнее имеет и собственное наименование – *лэй-ин* (что в переводе на русский язык – *вкладыш*). Возможно, необходимость и оправданность заимствования слова *постер* дискуссионны. Но фактически *постер* является гиперонимом ко всем вышеперечисленным словам (*афиша, плакат, вкладыш* и др.).

Может быть, в данном случае реализуется вообще распространенный в лексике динамический способ переосмысления слова: его семантика расширяется на основании «приращения смысла», т.е. какой-то из компонентов значения выступает как база для дальнейших семантических преобразований. Поэтому не оказывается необходимости в конструировании новых слов для называния вновь появляющихся реалий (собственно, это та же самая «экономия языка»).

В результате обработки анкет выяснилось, что 31% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 21% – иногда, 21% – редко, 28% – никогда; 7% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 18% – иногда, 20% – редко и 56% – никогда. В письменном тексте 21% информантов встречает слово регулярно, 25% – иногда, 23% – редко и 32% – никогда; только 2% опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 9% – иногда, 13% - редко и 76% – никогда.

44% опрошенных не смогли определить значение данного слова.

Еще около 3% продемонстрировали ложное представление о *постере*, написав следующие определения: «картина», «рисунок», «закладка», «рамка», «календарь», «современный», «какое-то издание», «журнал», «чудо-печка для хлеба» (возможно, информант спутал *постер* с *тостером*), «что-то с живописью», «художественное произведение, пользующееся большой популярностью» (вероятно, респондент имел в виду *бестселлер*), «брошюра». Хотя все эти определения можно сгруппировать по наличию одной из двух сем 1) «печатное издание» – «какое-то издание», «журнал», «брошюра» и 2) «изобразительное искусство» – «картина», «рисунок», «календарь», «что-то с живописью».

Поскольку лексикографы в настоящий момент не могут прийти к единодушию в толковании слова *постер* и дают разные толкования, то мы здесь будем считать правильным любое из его значений, упомянутых в вышеперечисленных лексикографических источниках. В таком случае оказывается, что более половины информантов ($\approx 53\%$) абсолютно верно определяет значение слова: «фото на вклейке журнала», «плакат», «вкладыш», «фотография», «плакат-фото», «афиша», «картинка», «бумага-плакат», «небольшое фото», «плакат со звездой», «фотография или компьютерная фотография в рамке», «печатная продукция (плакат и т.п.)», «фотоснимок, обложка журнала», «рекламная брошюра», «стиль изобразительного искусства», «плакат с изображением популярного человека», «реклама», «плакатик», «цветной плакат», «копия», «копия картины с оригинала», «плакат с фотографией», «открытка», «рекламный плакат», «наклейка», «яркая наклейка», «журнальная фотография известных», «рисунок на развороте», «изображение, чаще в СМИ, содержащее информацию о продукте или производителе», «фотопортрет», «картинка», «типографская картинка», «красочный плакат», «фоторепродукция», «большой лист бумаги с какой-нибудь звездой, вешается на стены», «рекламная фотография», «типа плакат», «плакат с кумиром».

В результате анализа полученных дефиниций, несложно заметить, что в каждой из них выделены ядерные семы: «плакат», «афиша», «вкладыш», «фотография», «копия» или «открытка», являющиеся базовыми для семантизации существительного *постер*. Такой стремительный процесс заимствования существительного *постер* объясняется, по-видимому, мощной пропагандой и развитием музыкальной индустрии, в основе которой лежат западные образцы.

3.3.4.4 Роллер

Существительное *роллер* впервые отмечено в ТС-XX: *роллеры*, -ов, мн. (ед. *роллер*, а, м.) (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*). ‘Любители виртуозного катания и передвижения по городу на роликовых коньках, часто объединяющиеся в неформальные молодежные группировки’. Произошло явное культурное заимствование, и составители словаря наглядно проиллюстрировали его примером из “Экспресс-газеты” (1997, № 21): *Увлечение роликами пришло к нам из Америки. Ролики - гонки, фигурное катание, катание по специальному желобу. А нынче просто индивидуальный транспорт. Сегодня в России около пятидесяти тысяч роллеров, а в Москве около тридцати....* В ТС-XX (2001) появляется производное слово: *роллердром*, а, м. ‘Специальная площадка для виртуозного катания на роликовых коньках’. Но нельзя забывать, что существует слово-омоним, которое можно найти, например, в СИС-89: *роллер* [англ. roller < roll вертеть, скручивать] – ‘машина для скручивания чайного листа’. СИС-98 (Крысин) приводит именно это слово: *роллер*, а, м. [англ. roller < to roll вертеть, скручивать]. ‘Машина для скручивания чайного листа’. А СИС-2000 (Зенович) фиксирует оба слова: *роллер*¹ [англ. roller < roll вертеть, скручивать] – *тех.* ‘Машина для скручивания чайного листа’ и *роллер*² [англ. roller < roller-skates роликовые коньки] – ‘любитель катания на роликовых коньках’.

В результате обработки анкет выяснилось, что 15% респондентов регулярно встречается это слово в устной речи, 25% – иногда, 29% – редко, 30% – никогда; 4% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 12% – иногда, 26% – редко и 58% – никогда. В письменном тексте 6% информантов встречается слово регулярно, 17% – иногда, 36% – редко и 40% – никогда; только 1% опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 4% – иногда, 13% – редко и 82% – никогда.

49% не смогли определить значение слова. Еще 6% опрошенных дает следующие дефиниции: «современный человек» (умение кататься на роликах – признак современности?), «представитель прогрессивно-агрессивной культуры», «молодежное движение», «тинэйджер» (возможно, у информанта образ *тинэйджера* неразрывно связан с роликовыми коньками), «мотоциклист» и «гонщик-мотоциклист» (предположительно, респонденты спутали *роллера с байкером*), «шариковая ручка», «ручка», «фломастер» (вероятно, респонденты дали такие ответы по причине фонетической ассоциации с другими экзотизмами – *PARKER* (знаменитая английская торговая марка; занимается производством ручек (шариковых и перьевых), карандашей), *маркер* (ТС-XX (2001): [англ. marker]. 'Цветной фломастер, применяемый для выделения части текста')). Следующие определения – «транспортёр», «механизм с колесом», «ролик», «мотор», «крутящее устройство», «колесо», «деталь в конструкции, для жалюзей используется» построены, по-видимому, на основе знания первых двух значений слова *ролик*. Согласно СИС-89: ролик [< нем. Rolle каток] – 1) 'вращающаяся деталь в виде небольшой катушки, колеса или барабана; 2) часть подшипника (роликового) в виде стального цилиндра или усеченного конуса'. Дефиниция «деталь в конструкции, для жалюзей используется», по нашему мнению, также основана на фонетической ассоциации в последнее время широко рекламируемых разновидностей жалюзи *ролло-шторах* и *роль-ставней*.

Небезынтересно отметить, что слова *ролло-шторы* и *роль-ставни* еще не зафиксированы ни одним лексикографическим изданием.

45% продемонстрировали частичное или полное понимание слова:

- «катающийся на скейте», «катающийся на роликовой доске», «роликовые коньки», «катание на роликах», «связанное с роликами», «спортсмен», «связанный с роликами»;

- «катается на роликовых коньках», «человек, катающийся на роликах», «конькобежец», «катающийся на роликах», «человек на роликах», «любитель роликовых коньков», «на роликах кто катается», «тот, кто хорошо катается на роликах», «любитель роликов», «мальчик, катающийся на роликах», «ездит на роликах», «кто катается на роликовых коньках», «увлекающийся ездой на роликовых коньках», «катальщик на роликах», «человек на скейте или роликах», «спортсмен, катающийся на роликах», «мастер езды на роликах», «роликовый конькобежец», «человек на доске или роликах», «конькобежец на асфальте», «молодежь на роликовых коньках», «профессионал, катающийся на роликах», «роликовый бегун», «чувак, катающийся на роликах», «любитель катания на роликовых коньках», «обладатель роликов», «представитель агрессивно-прогрессивной молодежи, катающийся на роликах».

Таким образом, при заимствовании слова-символа иной культуры происходит некоторая трансформация элементов массового сознания носителей русского языка. По крайней мере, сегодня у людей, которые не знают точного значения слова *роллер*, оно прочно ассоциируется с молодежью, символом современности и поэтому привлекательности.

3.3.4.5 Секстренинг

Существительное *секстренинг* впервые было зафиксировано ТС-XX: *секстренинг* (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*), а, м. 'Обучение правильному сексуальному поведению по особой системе'. Слово

вновь появляется в ТС-XX (2001): *секстренинг* (с пометой *актуализация слова (значения)*). Ни в каких других словарях слово нами не было обнаружено.

При объяснении значения этого существительного наши информанты, очевидно, исходили из понимания значений частей данного сложного слова: *секс...* и *тренинг*. Согласно ТС-XX (2001): *секс...* (с пометой *актуализация слова (значения)*). 'Первая часть сложных слов, вносящая значение слова *сексуальный*, например, *сексвидеофильм, секстренинг*'. Согласно СИС-89: *тренинг* [англ. training] – спец. 'тренировочный режим, тренировка'. Позднее слово покидает разряд специальной лексики, и в ТС-XX (2001): *тренинг* (с пометой *актуализация слова (значения)*). 'Система тренировок для совершенствования в какой-либо сфере деятельности, для снятия отрицательных воздействий и т.п.'.

В результате обработки анкет выяснилось, что 2% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 6% – иногда, 18% – редко, 74% – никогда; 2% – иногда употребляет его в устной речи, 6% – редко и 91% – никогда. В письменном тексте 1% информантов встречает слово регулярно, 3% – иногда, 14% – редко и 82% – никогда; только 1% опрошенных иногда употребляет слово в письменной речи, 2% – редко и 97% – никогда.

73% опрошенных затрудняется определить значение данного слова. Сюда же можно отнести ответ «бывает и такое?».

27% дает следующие определения: «навыки», «обучение технике секса», «занятие, пособие, учение по сексу», «занятие сексом», «аутотренинг, умение любить себя», «учебное занятие в области секса», «тренинг», «опрос», «активное занятие любовью», «тренажер», «учение о сексе», «какие-то обучающие занятия по сексу», «чтение Камасутры, практика», «сексуальная тренировка», «секс-внушение», «установка на интимную близость», «работа с психологом», «регулярные упражнения в области эротики», «психологические занятия в группе по теме *секс*», «онанизм», «половое воспитание», «внушение

под гипнозом страдающих расстройствами», «обучение в особой форме на тему *секс*», «странное обучение», «тренинг определенной направленности», «упражнения», «любовь», «проблемы в «любви»», «секс-тренировка», «психологический тренаж по сексу», «половое воспитание», «обсуждение секса», «юмористическое в занятиях сексом», «занятие сексом», «секс-курсы», «тренировка по сексу», «тренировка в сексе», «тренировка организма», «курс по изучению техники секса», «сексуальные игры», «трах», «что-то связанное с сексом», «все вручную», «тренировка в смысле секса», «ха-ха-ха», «здоровое занятие», «упражнения для улучшения половой сферы», «краткое обучение азам интимной близости», «интимные отношения», «зарядка», «интим», «интенсивный интим», «психотерапия», «занятие сексом по науке», «порно?», «регулярная жизнь», «сексуальные упражнения», «межполовые упражнения», «упражнения меж полов», «закалка», «психотренинг, позволяющий решить сексуальные проблемы», «выполнение определенных действий под присмотром инструктора с целью выработать навыки и умения наиболее плодотворно использовать половые органы».

Очевидно, что все информанты, попытавшиеся объяснить значение слова *секстренинг*, имеют о нем очень приблизительное представление. Выделение сем *секс* (как вариант: любовь, сексуальное самоудовлетворение, интимная близость) и *тренинг* (упражнения, занятия, обучение, тренировка, установка), как мы уже отмечали выше, объясняется попыткой описания значения через использование или перевод составляющих данного заимствования.

Таким образом, как фонетическая оболочка слова, так и его размытое значение (что есть «*правильное сексуальное поведение*» и «*особая система*»?) остаются загадкой для носителя русского языка.

3.3.4.6 Слаксы

Существительное *слаксы* впервые было зафиксировано ТС-XX: *слаксы* (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*), ов, мн. [англ. slacks]. 'Брюки свободного покроя из плотной хлопчатобумажной ткани'. Подобные же дефиниции находим в СИС-98 (Крысин): *слаксы*, ов, мн. [англ. slacks < slack свободный]. 'Брюки свободного покроя' и СИС-2000 (Зенович): *слаксы* [англ. slacks < slack свободный] – 'летние брюки свободного покроя'.

С учетом словарных дефиниций нет оснований причислять данное слово к разряду экзотизмов, т.к. мы не находим в лексикографических определениях ничего, что указывало бы на культурную реалию, принадлежащую другой стране.

Однако в результате обработки анкет выяснилось, что только 4% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 14% – иногда, 28% – редко, 53% – никогда; 1% регулярно употребляет это слово, 7% – иногда; 17% – редко и 76% – никогда. В письменном тексте только 2% информантов встречает слово регулярно, 8% – иногда, 22% – редко и 68% – никогда; 2% – иногда употребляет в письменном тексте, 5% – редко и 93% – никогда.

67% опрошенных затрудняется определить значение данного слова. Сюда же можно отнести еще 8% ответов респондентов, считающих, что *слаксы* – это «тапочки пляжные», «обувь», «туфли», «ботинки», «шлепанцы», «сандалии», «обувь легкая летняя», «тапочки» (по-видимому, произошла подмена: *сланцы* и *слаксы*), «ласты», «хлебцы» (возможно, у информанта возникла фонетическая ассоциация со словом *тостер*), «рисунки» (возможно, в данном случае информант спутал *сланцы* с *эскизом*), «скользящие».

Около 2% ответили очень неопределенно: «вид одежды», «обувь или брюки», «какой-то вид одежды/обуви», «одежда».

Еще 5% правильно выделили архисему «брюки», но ошибочно определили дифференциальные семы: «облегающие брюки (женские)», «обтягивающие брюки», «брюки типа велосипедок», «обтягивающие

тренировочные брюки», «брюки (мужские спортивные)», «мужские брюки «за два бакса»», «дешевые штаны», «женские брюки». Сюда же можно отнести следующие ответы: «джинсы», «лосины», «шорты, бриджи», «трико», «гетры» и, возможно, «чулки».

И только 18% опрошенных оказались правы в своих определениях: «вид брюк», «брюки», «штаны», «летние брюки», «брюки определенного фасона», «летние широкие штаны», «широкие брюки», «прямые легкие летние штаны», «свободные брюки», «некогда модные брюки», «фасон брюк», «вид штанов», «модель брюк», «брюки, их разновидность», «брюки нестрогие», «брюки специального покроя», «легкие летние брюки», «брюки из легкой ткани», «мужские летние штаны определенной модели».

Ни один респондент не соотнес реалию с чужой действительностью. Формально можно констатировать, что данное слово не является экзотизмом. Но фактически, при таком низком проценте понимания, можно предположить, что слово не только не стало «нашим», но и, возможно, уже никогда им не станет, т.к., по верному замечанию одного из информантов, «*слаксы* – это некогда модные брюки». П.В. Лихолитов отметил, что «освоенными в жизни торговцев и не только их, но и вообще молодежи, являются «чоперы» (от англ. chop - рубить) – те же ковбойские сапоги, но с обрубленными, тупыми носами, очень напоминающие отечественные офицерские сапоги; «хайки» (от англ. hike – совершать дальние прогулки) – зимние ботинки на толстой рифленой подошве; «слаксы» (от англ. slacks) – широкие брюки...» [Лихолитов, 1994, 66]. Всплеск употребления слова в период моды на *слаксы*, *чоперы* и *хайки* прошел, и слово *слаксы* стало забываться, т.е. выходить из употребления, оставаясь при этом не освоенным рядовыми носителями русского языка и переходя в пассивный словарный запас.

3.3.4.7 Хот-дог

Экзотично звучащее слово *хот-дог* впервые было зафиксировано ТС-XX: *хот-дог* (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*), а, м. (мн. *хот-доги* и *хот-догз*) [англ. *hot* горячий и *dog* собака]. ‘Жареная горячая сосиска или сарделька, подаваемая обычно в разрезанной булке с соусом и горчицей’. Обращает на себя внимание тот факт, что даже при первой фиксации англоязычного слова в толковом словаре русского языка мы не находим ничего, что указывало бы на экзотичность обозначаемой им реалии. Это подтверждается и дефиницией СИС-2000 (Зенович): *хот-дог* [англ. *hot dog* букв. горячая собака] – ‘популярное во всем мире блюдо из разряда *фаст-фуд* (1) – горячая сосиска в рогалике’. (здесь ‘*фаст-фуд*: [амер. *fast food* быстрая еда] – 1) пищевые продукты быстрого приготовления, полуфабрикаты; 2) американская система ресторанов, закусовых, не рассчитанных на длительное пребывание в них посетителей, распространенная во многих странах’).

Такую же скорость культурного заимствования демонстрируют ответы наших информантов.

В результате обработки анкет выяснилось, что 63% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 26% – иногда, 10% – редко, 1% – никогда; 21% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 32% – иногда, 29% – редко и 18% – никогда. В письменном тексте 37% информантов встречает слово регулярно, 35% – иногда, 21% – редко и 7% – никогда; 6% опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 13% – иногда, 24% – редко и 57% – никогда.

Только 5% опрошенных затрудняется определить значение данного слова.

В отличие от лексикографических источников, небольшой процент респондентов ($\approx 5\%$) считает *хот-дог* все же знаком чужой, американской культуры: «американская еда», «сосиска в тесте USA», «горячий бутерброд

(американская кухня)», «буржуйский бутерброд из булки с сосиской», «американский бутерброд», «продукт фаст-фуда».

1% информантов высказали свое отношение к такой еде: «не еда, а что попало», «собачья радость», «жрачка – вредно», «вкуснятина», «хороший бутерброд».

Остальные респонденты дали вполне исчерпывающие ответы: «сосиска в тесте», «булочка с сосиской», «бутерброд с сосиской», «горячий бутерброд с сосиской», «горячая закуска», «бутерброд с сосиской и другой начинкой», «булка с колбасой», «булка с сосиской, кетчупом, майонезом, горчицей», «еда», «булка, сосиска, кетчуп, лист зеленого салата», «сосиска в булке (с пикантным соусом)», «горячая собака», «горячая котлета», «гамбургер», «горячая закуска, элемент сети быстрого питания», «булочка продолговатой формы с сосиской», «разновидность бутерброда», «пирожок», «сосиска в хлебе», «пицца», «перекус», «хороший бутерброд», «легкое мясное кушанье», «булка с сосиской и специями».

Таким образом, 94% респондентов не просто знает, что такое *хот-дог*, но и не считает его частью чужой культуры. Более того: в *хот-дог* может превратиться любая сосиска в тесте, пирожок или булка с колбасой.

Можно предположить, что существительное *хот-дог* выступает в роли некоего гиперонима по отношению к потенциальным гипонимам, которые могли бы возникнуть на русской (российской) почве (и иногда, как мы знаем, действительно употребляются в сфере общественного питания, вроде: «сосиска в тесте», «котлета в булке», даже, может быть «бутерброд»), однако представляется, что *хот-дог* лидирует в этой «номинации». Наиболее вероятные причины: а) хорошо известная замена заимствованием исконных словосочетаний (согласно принципу языковой экономии); б) определенный ореол притягательности иноязычного слова, сопряженный с привлекательностью неизведанной, чужой и более «высокой» культуры;

отсюда в) рекламный прием предпринимателя, зачастую и не очень грамотного, в т.ч. и в кулинарном, и в культурологическом смыслах.

Может быть, сочетание этих факторов (в тех или иных пропорциях) и приводит к такому результату.

3.3.4.8 Чарт

Впервые слово *чарт* было зафиксировано ТС-XX: *чарт* (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*), а, м. [< англ. chart]. ‘Список наиболее популярных музыкальных групп, исполнителей, составляемый на основе результатов продаж их альбомов, дисков и т.п. и регулярно публикуемый в печати’.

В СИС-2000 (Зенович) нет слова *чарт*, но есть *чарты*:

чарты [< англ. chart схема] – ‘графики и диаграммы, применяемые для учета и прогнозирования цен на рынках’.

Словари русского языка фиксируют только по одному значению слова, однако в их дефинициях представлены разные понятия (хотя в определенной степени близкие). Обратимся к Оксфордскому словарю за справкой:

Oxford Advanced Learner's Dictionary (1989): *chart* **1** [C] (a) ‘detailed map used to help navigation at sea, showing coasts, rocks, the depth of the sea, etc. (b) similar map for navigation by air. **2** [C] map, diagram, graph or table giving clear information, esp about sth that changes over a period of time **3 the charts** [pl] weekly list of the best-selling pop music records’. Таким образом, СИС-2000 (Зенович) фиксирует второе значение слова в несколько ограниченном объеме и только во множественном числе, хотя в английском языке оно употребляется как в единственном, так и во множественном числе, а ТС-XX фиксирует третье значение в единственном числе, хотя в английском языке в этом значении слово употребляется во множественном числе. Таким образом, морфологическая категория числа представлена в данном случае чуть ли не в

зеркальном отражении сравнительно с языком-источником. Все это говорит о том, что либо позиции составителей словарей могут не совпадать; либо язык-реципиент, отбирая заимствование, приводит его хотя бы в частичное соответствие с собственной грамматикой (ср.: *rails, jeans* – слова, уже заимствованные в английской форме множественного числа, в русском языке, тем не менее, образуют множественное число при помощи окончания *-ы*).

В результате обработки анкет выяснилось, что 36% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 31% – иногда, 19% – редко, 14% – никогда; 5% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 20% – иногда, 29% – редко и 46% – никогда. В письменном тексте 24% информантов встречает слово регулярно, 33% – иногда, 21% – редко и 22% – никогда; 2% опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 8% – иногда, 18% – редко и 72% – никогда.

38% опрошенных затрудняется определить значение данного слова.

33% респондентов, очевидно, подразумевает под *чартом* другой англицизм – *чартер*, давая следующие определения: «рейс», «поездка», «договор на перевозки», «договор на транспортные перевозки», «специальный рейс», «поездка без пересадок», «перелет из одной страны в другую без пересадок», «конкретный рейс», «прямой рейс», «рейс за границу и обратно», «авиарейс», «движение и возврат в определенный начальный пункт», «рейсы в турагентстве», «разновидность рейса», «самолет», «договор о перевозке граждан», «аренда самолета, теплохода и т.д.», «чартерный рейс», «прямой рейс самолета», «найм рейса», «рейс в две стороны», «от *чартерного рейса*», «чартерный рейс – рейс с возвратом», «чартерный рейс – рейс в оба конца», «туда-обратно», «аренда с экипажем», «от и до», «разовый рейс», «разновидность авиаперевозок», «поездка без пересадок», «вояж с возвратом», «чарт рейс», «поездки», «путешествие», «краткое сообщение из пункта А в пункт В», «поездка на наемном транспортном средстве»,

«перевозки с определенной целью», «рейс вне расписания», «употребляю прилагательное *чартерный* – перелет туда и обратно».

Очевидно, что не все информанты четко представляют себе, может быть, вследствие частого, но не вполне точного употребления слова в рекламных текстах, которые естественно стремятся к экономии речевых средств, что такое *чартер*. Обратимся за справкой к лексикографическим источникам. СИС-89: *чартер* [англ. charter] – мор. ‘Договор между судовладельцем и фрахтователем (нанимателем) на аренду всего судна или его части на определенный рейс или срок’. Позднее, например, в СИС-98 (Крысин) находим расширение значения: *чартер* [тэ], а, м. [англ. charter]. мор., ав. ‘Договор между судовладельцем и фрахтователем (нанимателем) на аренду всего морского или воздушного судна или его части на определенный рейс или срок’, а также в ТС-XX: *чартер* (с пометой *возвращение слова в актив*), а, м. [англ. charter] ‘Аренда судна или самолета на один или несколько рейсов’. Авторы последнего словаря приводят достаточно распространенное словосочетание «чартерный рейс»:

Чартерный рейс – ‘рейс, совершаемый на арендованном самолете, судне’.

Таким образом, если допустить, что информанты давали определение семантики слова *чартер*, то их ответы можно классифицировать следующим образом:

- полное понимание: «договор на перевозки», «договор на транспортные перевозки», «договор о перевозке граждан», «аренда самолета, теплохода и т.д.», «найм рейса», «аренда с экипажем»;

- частичное понимание: сюда мы отнесем ответы, которые подразумевают под собой определение семантики сочетания *чартерный рейс*: «рейс», «поездка», «специальный рейс», «перелет из одной страны в другую без пересадок», «конкретный рейс», «прямой рейс», «рейс за границу и обратно», «авиарейс», «движение и возврат в определенный начальный

пункт», «рейсы в турагентстве», «разновидность рейса», «чартерный рейс», «прямой рейс самолета», «рейс в две стороны», «от *чартерного рейса*», «чартерный рейс – рейс с возвратом», «чартерный рейс – рейс в оба конца», «туда-обратно», «разовый рейс», «разновидность авиаперевозок», «поездка без пересадок», «вояж с возвратом», «чарт рейс», «краткое сообщение из пункта А в пункт В», «перевозки с определенной целью», «рейс вне расписания», «употребляю прилагательное *чартерный* – перелет туда и обратно».

Только один информант дал точный правильный ответ: ‘поездка на наемном транспортном средстве’. Остальные имеют очень приблизительное представление о *чартерном рейсе*.

8% информантов, видимо, не находят разницы между *чартом* и очередным англицизмом – *чатом*, предоставляя следующие варианты ответов: «общение людей через компьютер», «Интернет», «файл», «электронный адрес», «страничка в Интернет», «термин из Интернет», «общение», «страница в компьютере», «страница в Интернет», «место общения в Интернет», «канал в Интернет», «разговорный чарт в Интернет», «из области информатики», «интерактивный сайт в Интернет», «файл в Интернет», ««болтанка» – переписка on-line в Интернет», «электронный адрес», «раздел в Интернет для разговоров», «в Интернет», «компьютерный жаргон», «собрание компании и беседа по Интернет», «ваш домик в Интернет», «место в Интернет для разговоров», «компьютерный термин (место в Интернет для общения)», «общение посредством компьютерной связи со многими собеседниками».

Из перечисленных выше вариантов ответов видно, что только одна треть близка к словарной дефиниции (см., например, ТС-XX (2001): *чат*, а, м. [англ. chat] *Информ.* ‘Обмен сообщениями между пользователями через информационную сеть в режиме реального времени’).

1% опрошенных дает такие определения, как: «график», «схема», «таблица», «диаграмма», схожие с определением СИС-2000 (Зенович).

5% дает следующие определения: «индивидуальный», «специальный», «частный», «быстрый» (предположительно, информанты таким образом охарактеризовали *чартерный рейс*), «целенаправленная группа», «услуги, оказываемые по гарантии или договоренности» (возможно, имеется в виду созвучное *бартер*), «ступень, страница», «рамка», «прогноз», «реестр», «дискотека», «компания людей». Очевидно, что эта группа респондентов не понимают значения слова *чарт*.

12% респондентов определяет *чарт* как «парад», «хит-парад», «списки лучших», «закономерно составленный список», «список популярности», «рейтинг», «музыкальный чарт», «сводная таблица», «упорядоченная по местам характеристика явления, например, музыкальный чарт», «список лучших музыкальных исполнителей песен и т.п. типа *каунт даун*», «список по очкам», «музыкальный рейтинг», «сводный чарт», «лучшее в какой-либо области», что демонстрирует либо полное, либо частичное понимание слова.

Таким образом, англицизмы *чат–чарт–чартер*, обладая фонетической схожестью и относительно недолгим функционированием в русском языке, представляют трудность для понимания у рядового носителя русского языка. Очевидна семантическая неосвоенность этих слов не только в наивном сознании носителей языка, но и неполная пока семантизация данных единиц в научно-лингвистическом аспекте, представленном лексикографическими источниками.

3.3.4.9 Шокер

Впервые существительное *шокер* было зафиксировано в ТС-XX: *шокер*, а, м. (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*) = ‘электрошоковое устройство’. Этот же словарь впервые фиксирует слово *шок*: *шок*, а, м. (с

пометой *новое слово; первая словарная фиксация*) [англ. shock]. 1. *Перен.* ‘Внезапное потрясение, нарушающее нормальное состояние, правильный ход чего-либо, приводящее в смятение людей’. Авторы также предлагают второе значение слова, иллюстрируемое двумя устойчивыми сочетаниями: ‘*Дефляционный шок*’; ‘*Инфляционный шок*’. Прилагательное *шоковый* фиксируется с такой же пометой: *шоковый*, ая, ое. (*новое слово; первая словарная фиксация*) Прил. к *шок*. ‘Шоковая терапия (шокотерапия)’. Составители словаря предлагают сравнить новое слово *шок* с уже существующим в русском языке омонимом: МАС-2: *Мед.* ‘Угрожающее жизни человека состояние, возникающее в связи с реакцией организма на травму, ожог, операцию и т.д.’ СИС-89 предлагает более детализированное определение семантики слова: *шок* [фр. choc букв. удар, толчок] – ‘своеобразная реакция организма на воздействие чрезвычайных раздражителей (при травме, ожоге, инфаркте миокарда, почечной колике, введении чужеродного белка, несовместимой крови, психической травме и др.), выражающаяся тяжелыми расстройствами кровообращения, дыхания, обмена веществ, обусловленными резким нарушением нервной регуляции жизненных процессов’.

СИС-2000 (Зенович) предлагает два значения *одного* слова: ‘*шок* [фр. choc букв. удар] – 1) угрожающее жизни человека состояние, возникающее в связи с реакцией организма на травму, ожог, операцию и т.д.; 2)* оцепенение вследствие сильного душевного потрясения’ (здесь знак * указывает на переносное значение слова). А также словарь предлагает более подробную дефиницию прилагательного *шоковый*: *Шоковый* [см. *шок*] – ‘имеющий характер *шока* (1, 2); *шоковая терапия* – комплекс быстро проводимых радикальных мер, направленных на оздоровление экономики, в корне изменяющих сложившиеся хозяйственные отношения; обычно сопровождается рядом нежелательных последствий, например инфляцией, повышением уровня безработицы и т.п.’

В результате обработки анкет выяснилось, что 5% респондентов регулярно встречает это слово в устной речи, 13% – иногда, 21% – редко, 61% – никогда; никто из респондентов регулярно не употребляет это слово в устной речи, 3% – иногда, 13% – редко и 84% – никогда. В письменном тексте 3% информантов встречает слово регулярно, 8% - иногда, 18% – редко и 70% – никогда; 5% редко употребляет слово в письменном тексте и 95% – никогда.

71% опрошенных затрудняется определить значение данного слова.

23% респондентов продемонстрировали полное понимание или значения слова *шокер*, или предназначения этого предмета:

- «дубинка с электрошоком», «орудие милиционера», «электрошок» (ТС- ХХ (2001): *электрошок*, а, м. (с пометой *актуализация слова (значения)*) = ‘Электрошоковое устройство’), «электродубинка», «средство самообороны», «устройство для «отключения» человека с помощью электротока», «вид электрооружия», «средство индивидуальной защиты», «предмет для самообороны», «защитное устройство», «шокирующий электрошок», «орудие защиты», «дубинка», «дубинка (электрошок)», «средство обороны», «защитное устройство от хулиганов», «пугающий прибор на электричестве», «электрическое устройство для нейтрализации человека», «прибор, вызывающий шокирующее воздействие», «орудие для защиты при помощи тока», «прибор, вызывающий шок», «устройство для шока (шокирования)», «устройство для доведения до шока», «бьется током прибор», «орудие самозащиты», «электроприбор», «миксер или электрошок» (по-видимому, информант спутал по созвучию слова *шокер* и *шейкер*. Мы не нашли очередного англицизма *шейкер* ни в одном словаре русского языка. Обратимся к Оксфордскому словарю (1989) за справкой: *shaker* n (often in compounds) ‘container in which or from which sth is shaken: a cocktail-shaker’. По нашему мнению, слово *шейкер* пришло в русский язык в значении ‘сосуд для приготовления коктейлей’ вместе с самим прибором, который можно купить в любом российском магазине, торгующим посудой и бытовой

техникой, но к сожалению, это слово не было зафиксировано даже ТС-XX (2001)), «оружие», «устройство для самозащиты», «электроразрядник», «устройство с электрическим разрядом», «защитное электрическое устройство», «устройство защиты», «устройство для атаки, обезвреживания», «электрозащитное оружие», «парализатор», «пугало» (этот ответ можно считать верным, если предположить, что респондент употребил слово *пугало* в третьем значении по СОШ-97: 'То же, что жупел (разг.)'. *Жупел* – 'нечто, внушающее страх, отвращение; то, чем пугают'). Следующие авторские неологизмы-окказионализмы также демонстрируют полное понимание слова *шокер*: «вырубатель, чаще всего электро», «делатель шока», «оглушитель».

К частичному пониманию слова мы отнесли 6% следующих ответов:

- «шок током», «электроаппарат», «шок», «что-то страшное», «стимулятор», «электрошокер», а также авторский неологизм «жоппер».

Следующие определения значения слова совпадают со значениями слова *shocker* в английском языке (Oxford Advanced Learner's Dictionary (1989): *shocker* n 1 'person who shocks 2 (informal) (a) thing that shocks, eg a sensational novel. (b) very bad example of sth.'): «дешевый бульварный роман», «тот, кто шокирует», «тот, кто шокирует, то, что шокирует», «явление, приводящее в состояние шока», «шокирующий человек».

Вызывает интерес тот факт, что русским языком заимствуется только внешняя форма английского слова *shocker* при отсутствии соответствующего значения в языке-источнике. Иноязычный звуковой комплекс насыщен иным, более актуальным для россиян содержанием. Возникает вопрос, насколько необходимо было такое словотворчество, если в русском языке уже было всем хорошо известное и понятное слово (*электро*)*дубинка*. По-видимому, такое могло произойти как минимум по двум причинам: а) либо из-за нежелательных смысловых ассоциаций; б) либо из-за стремления к «красивому» (иноязычному) обозначению; возможно сочетание и того и

другого. Впрочем, ведь собственно *шокер* – это вовсе не обязательно дубинка, устройство может быть выполнено в форме фонарика, зажигалки и т.д.

Таким образом, мы вновь наблюдаем сосуществование нескольких лексических единиц с идентичными значениями: *шокер*, *электрошокер*, *электрошок* и *электродубинка* (как гипоним). Такой низкий процент «узнавания» слова *шокер* дает нам право предположить, что хотя слово не является экзотизмом, оно остается не освоенным рядовым носителем русского языка.

3.3.4.10 Шоп

Впервые слово *шоп* было зафиксировано в ТС-XX: *шоп* (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*), а, м. [< англ. shop]. ‘Магазин (обычно устроенный по западному образцу и торгующий товарами западного производства)’.

Ранее слово можно было найти в НСЗ-80: ‘Магазин (в англоязычных странах)’.

Таким образом, в России появились новые магазины, точно такие же как, например, в США или Великобритании: «Нынче в эти подвалы-магазины, мимо чугунных кружев и облицовочных плит из отшлифованного фельзита, ведут гранитные ступеньки с элегантными деревянными поручнями.. А внутри – ни дать ни взять – нью-йоркский «шоп». Огонек, 1991, № 34. Этот пример, взятый из ТС-XX, достаточно ярко демонстрирует, как можно советский *магазин-подвал* превратить в заграничный *шоп* в России. Если доверять данной словарной дефиниции, то в нашей стране практически не осталось *магазинов*: все они либо были перестроены, либо построены по западному образцу, но и те, и другие торгуют импортной продукцией. Кроме этого, привычные *торговые центры* подменяются *шопинг-центрами*:

ТС-XX: *шопинг-центр* (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*), а, м. [англ. shopping-centre]. ‘Торговый центр (обычно устроенный по западному образцу и торгующий товарами западного производства)’.

Если слово *шоп* и *шопинг-центр* можно найти только в двух словарях (ТС-XX и ТС-XX (2001)), то производные *шопинг* (*шоппинг*), *шопинг-тур* (*шоппинг-тур*), *шоп-тур* можно найти во всех последних словарях иностранных слов:

ТС-XX: *шопинг, шоппинг* (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*), а, м. [англ. shopping]. ‘Посещение магазина с целью покупки чего-либо’; *шопинг-тур* и *шоппинг-тур* (с пометой *новое слово; первая словарная фиксация*), а, м. [англ. shopping tour]. ‘Организуемая для групп туристическими фирмами заграничная поездка за покупками по определенному маршруту, включающему посещение торговых центров, магазинов, дешевых распродаж’.

СИС-98 (Крысин): *шоп-тур*: шоп-тура, м. [< англ. shop магазин + tour путешествие, поездка]. ‘Поездка за границу с целью приобретения вещей, продуктов и т.п.’

СИС-2000 (Зенович): *шопинг, шоппинг* [англ. shopping < shop магазин] – 1) ‘поход по магазинам; 2) туристическая поездка с целью приобретения товаров’.

шоп-тур: [< англ. shop магазин + tour поездка] – ‘поездка, главным образом за границу, с целью приобретения вещей, продуктов и пр.’

В ТС-XX (2001) все вышеперечисленные слова даны с пометой *актуализация слова (значения)*.

Появление данных слов в лексике русского языка обязано развитию такого вида туристического бизнеса, как *шоп-тур* (*шоппинг-тур*). Ни для кого не является секретом тот факт, что большая часть населения России занимается не производством товаров, а торговлей, и точнее – перепродажей. С распадом СССР появилась возможность зарабатывать немалые деньги,

ввозя товар из-за рубежа с последующей его реализацией на местных рынках. Можно предположить два возможных пути появления и распространения этих заимствованных слов в родном языке: 1) сами торговцы, общаясь с зарубежными партнерами на сложной смеси англо-русско-турецко-китайского языка, стали проводниками слов и 2) туристические компании, зарабатывающие огромные деньги на таких турах, развернули широкую рекламную кампанию с привлечением псевдоиностранного слова *шоп-тур* для большей привлекательности в глазах потенциальных клиентов экзотичность именования предлагаемого товара – туристической поездки с коммерческой целью – конечно весьма удачный прием (ср.: *зарубежная поездка за покупками (товаром)*).

В результате обработки анкет выяснилось, что 41% респондентов регулярно встречается это слово в устной речи, 32% – иногда, 20% – редко, 8% – никогда; 8% респондентов регулярно употребляет его в устной речи, 25% – иногда, 31% – редко и 36% – никогда. В письменном тексте 25% информантов встречается слово регулярно, 33% – иногда, 26% – редко и 15% – никогда; 15% опрошенных регулярно употребляет слово в письменной речи, 7% – иногда, 16% – редко и 73% – никогда.

По итогам опроса 72% респондентов дает определение – «магазин». 0,5% полагает, что это «мини магазин», «магазинчик», «небольшой магазин». Еще столько же – «бутик», «салон».

5% подразумевает под этим словом *шоппинг*: «поход за покупками», «покупка», «покупка товаров», «приобретение товаров», «поход по торговым точкам или местам», «поход по магазинам», «посещение магазина», «покупка», «покупки», «делать покупки». 5% не способны различать семантически *шоп* с *шоп-туром*: «тур», «торговый тур», «разновидность тура», «торговое путешествие», «поездка», «коммерческий шоп, скупка, продажа», «автотуризм», «поездка за покупками». И еще 1% респондентов считает, что *шоп* – это «выступление», «молодежное развлечение» (вероятно,

возникла фонетическая ассоциация с другим англицизмом «шоу»), «в туристической фирме». Только один человек ответил, что *шоп* – это «магазин в англоязычных странах». А 15% опрошенных вообще затрудняется определить значение данного слова.

Таким образом, существительное *магазин*, само некогда заимствованное в русский язык из французского *magazin*, от арабского *махазин* – склады, амбары, остается, по-видимому, гиперонимом по отношению к другим названиям торговых заведений (вроде: *лавка, ларек, киоск, павильон* и новых заимствований: *бутик, маркет, супермаркет, гипермаркет, шоп* и др.). Переименование торговых заведений с помощью заимствованного слова – вероятно, рекламный прием для привлечения покупателей. Думается все же, что *шоп* не заменит *магазин* совершенно, хотя бы потому, что слово *шоп* во множественном числе и в любом падеже, кроме именительного, вызывает фонетические ассоциации с вульгаризмом и будет употребляться исключительно для достижения комического эффекта.

Итак, наши наблюдения позволяют сделать ряд выводов относительно характера отражения и квалификации ряда иноязычных слов в современных российских лексикографических изданиях (и прежде всего – в специализированных [по типу] словарях иностранных (иноязычных) слов) – и в обыденном восприятии и сознании носителей русского языка.

Проанализировав дефиниции слов первой группы (*бойскаут, босс, бум, гангстер, киднеппер, лобби, рэкетир*) по лексикографическим источникам, можно прийти к выводу о том, что данные слова утратили статус экзотизмов (кроме слов *гангстер* в СИС-98 (Крысин) и *босс* в СИС-2000 (Зенович)) и негативную оценочность (кроме слов *гангстер, рэкетир* и *киднеппер*). Бывшие идеологические (с точки зрения коммунистической, или социалистической идеологии) экзотизмы перешли в разряд «обычных» заимствований, утратив ссылки на инокультурную принадлежность обозначаемых реалий.

В обыденном языковом сознании слово *бойскаут* пока еще не перестает восприниматься как экзотическое, чуждое. Но многие информанты уже не соотносят *бойскаута* с зарубежной действительностью. Иначе говоря, четкость противопоставления «свой» / «чужой» размыта.

95% информантов демонстрирует полное понимание слова *босс*, при этом не соотнося реалию с инокультурной действительностью, а только варьируя оценочность.

Большая часть опрошенных понимает значение слова *бум* (в большей или меньшей степени), также при этом не соотнося реалию с чужой действительностью, что дает нам основание предположить, что слово утратило статус экзотизма и продолжает осваиваться носителями русского языка.

Лишь 2% респондентов связывает слово *гангстер* с западной действительностью, а 89% демонстрирует полное понимание его семантики.

Анкетирование показало высокий уровень понимания слова *рэкетир* (92%). Ни один информант также не связал реалию с чужой культурой, что дает нам право говорить о совершившемся переходе инокультурной реалии в нашу действительность.

Частеречный разнобой в толковании слова *лобби* (неразличение слов *лобби* – *лоббист* – *лоббировать* – *лоббирование*), характерный для обыденного метаязыкового сознания, свидетельствует об определенной смысловой диффузности, вероятно, потому, что оно не склоняется в русском языке и, таким образом, его лексико-грамматическая квалификация может быть затруднительна. Тем не менее, ни один информант не связал слово с зарубежной действительностью, что дает нам право предположить, что слово *лобби* потеряло статус экзотизма и продолжает осваиваться.

Лишь 30% опрошенных продемонстрировали полное или частичное понимание слова *киднеппер*, но ни один из отвечавших не соотнес реалию с инокультурной действительностью. Вероятно, слово *киднеппинг* и его

производные перестали ассоциироваться в обыденном сознании со знаками чужой культуры, хотя о полном освоении слова говорить пока преждевременно.

К идеологически не маркированной лексике принадлежит слово *ланч* (*ленч*), изменение в семантике и утрату экзотичности которого отметили только авторы ТС-XX. Из всех информантов только трое связали *ланч* с западной действительностью. Остальные респонденты в том или ином объеме демонстрируют понимание слова. Однако ни один из участников эксперимента не отметил, что *ланч* – это не просто ‘обед’, но также ‘время деловых и дружеских встреч’ (ТС-XX). Некоторые информанты отмечают определенную торжественность вполне заурядного события. По-видимому, поэтому владельцы ресторанный бизнеса используют слово *ланч* с его магически притягательным ореолом иноязычности (инокультурности) в рекламе т.н. *бизнес-ланчей*, что также способствует укоренению существительного *ланч* в обыденном языковом сознании.

Следующая рассматриваемая нами группа слов относится к новейшим англо-американизмам, впервые зафиксированным в ТС-XX или ТС-XX (2001). Среди них – специальная лексика: *брэнд* и *риэлтер*.

Существительное *брэнд* зафиксировано только ТС-XX (2001) и с пометой *актуализация слова*. В данном лексикографическом источнике слово не имеет статуса экзотизма. Примечательным является тот факт, что слова, имеющие пометы *новое слово*; *первая словарная фиксация*, согласно толковым словарям русского языка, теряют свою экзотичность настолько быстро, что авторы словарей не успевают фиксировать переход реалии от “чужой” к “своей” действительности. Будучи зарегистрированным словарем в первый раз, иноязычное слово одновременно становится уже и фактом культуры языка-реципиента.

Несмотря на то, что более половины информантов либо не знает значения данного слова, либо демонстрирует его ложное понимание, можно

констатировать, что процесс освоения данного слова идет весьма активно. 20% респондентов абсолютно верно определяет значение слова, при этом во многих случаях выделяя сему “известный”, не отмеченную словарем; остальные информанты либо подменили понятия *логотип* и *бренд*, по-видимому, в силу их предметно-понятийной близости, либо четко выделяют сему “реклама, рекламный”, что вполне справедливо в силу яркой ассоциативной связи *бренда* с *рекламой*.

Такая форма предпринимательской деятельности, как торговля недвижимостью, уже стала привычной в России. Поэтому в обыденном языковом сознании слово *риэлтер* не ассоциируется с инокультурной действительностью, а информанты демонстрируют высокий уровень понимания слова.

Существительное *лот*, относящееся к экономической лексике, демонстрирует быструю приживаемость, как, впрочем, большинство экономических терминов, пришедших из англоязычных стран с высоким экономическим развитием.

США, являясь создателями глобальной сети Интернет, безусловно стали намного эффективнее распространять свою культуру во всем мире: все термины информатики являются заимствованиями из английского языка. Несмотря на невысокий процент понимания слова *провайдер*, ни один информант не соотнес слово с чуждой для него культурой.

Анализ последней группы заимствований, к которой относятся употребительные в разных областях слова, показывает утерю экзотичности как в лексикографических источниках, так и в обыденном языковом сознании. Все слова, за исключением *дилер*, впервые были зафиксированы ТС-XX.

Сопоставив лексикографические толкования ТС-XX, СИС-2000 (Зенович), фиксирующие по одному значению слова *чарт*, при этом в их дефинициях представлены разные понятия (хотя в определенной степени близкие) – и Оксфордского словаря (1989), мы отметили, что, во-первых,

СИС-2000 фиксирует второе значение слова в несколько ограниченном объеме и только во множественном числе, хотя в английском языке оно употребляется в формах как единственного, так и множественного числа, а, во-вторых, ТС-XX фиксирует третье значение в единственном числе, хотя в английском языке в этом значении слово употребляется только в форме множественного. Таким образом, морфологическая категория числа представлена в данном случае чуть ли не в зеркальном отражении сравнительно с языком-источником. Все это говорит о том, что либо позиции составителей словарей могут не совпадать; либо язык-реципиент, отбирая заимствование, приводит его хотя бы в частичное соответствие с собственной грамматикой.

Ответы информантов продемонстрировали неразличение слова *чарт* с двумя другими англицизмами – *чат* и *чартер*. Обладая фонетической схожестью и относительно недолгим функционированием в русском языке, они представляют трудность для понимания рядовым носителем русского языка.

Не имея статуса экзотизма в лексикографических источниках, слово *слаксы* остается неосвоенным в наивном языковом сознании (только 18% опрошенных оказались правы в своих определениях). Можно предположить, что эта лексема перейдет в пассивный запас, так как вещь, ею обозначаемая, вышла из моды – и как следствие – англицизм *слаксы* перестал активно употребляться.

Анализ лексикографических дефиниций демонстрирует разноречивой в толкованиях существительного *копир*, который объясняется, по-видимому, различными точками зрения лексикографов на конкурирующие между собой слова *копир* и *ксерокс*. В обыденном языковом сознании слово также не является экзотизмом и продолжает активно осваиваться.

Сопоставив словарные дефиниции существительного *постер*, мы пришли к выводу о том, что, хотя авторы словарей не единодушны в

толковании слова, прослеживается яркая тенденция расширения семантики на основании “приращения смысла”. Таким образом, существительное *постер* становится гиперонимом ко многим словам автохтонного языка – *афиша*, *плакат*, *вкладыш*, *фотография* и т.д. Та же тенденция наблюдается и в ответах информантов.

Популярность в молодежной среде такого вида спорта, как катание на роликовых коньках, повлекла за собой заимствование существительного *роллер*. Слово знакомо большинству респондентов и не ассоциируется с чужой культурой.

Необыкновенную скорость культурного заимствования существительного *хот-дог* демонстрируют как лексикографические источники, так и ответы информантов. По-видимому, принцип языковой экономии, магия иноязычного слова и реклама данного продукта привели к тому, что существительное *хот-дог* стало выступать в роли своеобразного гиперонима по отношению к *бутерброду*, *сосиске в тесте*, *котлете в булке* и т.п.

Несмотря на то, что ТС-XX фиксирует существительное *шоп* с пометой *новое слово*; *первая словарная фиксация*, слово можно было впервые обнаружить в НСЗ-80, где оно имело статус экзотизма. Современная лексикографическая дефиниция признаёт факт культурного заимствования. К такому же выводу можно прийти, проанализировав ответы респондентов: 72% считает, что *шоп* - это магазин. Еще 5% опрошенных не различает *шоп* с *шоппингом* и столько же – с *шоп-туром*.

Существительное *секстренинг*, впервые зафиксированное ТС-XX и подающееся с пометой *актуализация слова (значения)* ТС-XX (2001), имеет, на наш взгляд, не очень четкое определение. Такое же неясное представление о значении слова продемонстрировали информанты. Но следует отметить, что те, кто решился как-то объяснить значение существительного, попытались это

сделать путем использования хорошо известных им заимствований *секс* и *тренинг* или их синонимов.

По-видимому, притягательность иноязычного фонетического комплекса привела к заимствованию англицизма *шокер*, при этом автохтонный язык наполняет его более актуальным для страны содержанием. В наивном языковом сознании *новое слово русского языка* (согласно ТС-XX) начинает активно осваиваться, как, впрочем, большинство слов из английского языка, включенных в нашу анкету.

Таким образом, можно сказать, что словари иностранных слов достаточно последовательно фиксируют эволюции статуса заимствований из английского языка, что подтверждается результатами нашего анкетирования информантов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с задачами диссертации нами были исследованы некоторые особенности современной российской культурно-речевой ситуации, связанные с обильным присутствием в ней заимствованной англо-американской лексики.

Триумф английского языка в современном мире приводит к экспансии инокультурных ценностей как на языковом уровне, так и в форме внедрения в общественное сознание представлений о превосходстве и “престижности” английского языка сравнительно с автохтонным языком. Кроме этого, вследствие вхождения в почти всеобщее употребление англо-американских лексических элементов меняется и языковая картина российского социума, что несомненно заметно изменяет и русский язык, и культуру, что, в свою очередь, влечет за собой синхронные ломку и перестройку национального менталитета.

За свою многовековую историю русский язык неоднократно переживал влияние иноязычных лексико-семантических систем, которое можно

оценивать по-разному. Однако следует сказать, что современный уровень притока заимствований из английского языка совершенно беспрецедентен и исторически несопоставим с предыдущим опытом по причине наличия мощного воздействия на культурно-речевую ситуацию и языковое сознание через средства массовой информации.

В работе рассмотрены основные параметры отечественной языковой политики – преимущественно в аспекте отношения к иноязычной лексике – в сопоставлении с имеющимся опытом, а также с практикой некоторых зарубежных государств.

Во времена радикальных общественно-политических перемен как никогда остро ощущается потребность в наличии четко выражаемой государством и внятной для народа языковой политики. Одним из явных проявлений таковой мог бы стать полноценный закон о русском языке как государственном языке Российской Федерации, предполагающий и систему защитных мероприятий в связи с иноязычными заимствованиями. Российское общество вплотную подошло к проблеме лингвистической экологии как средства сохранения национально-исторических традиций своей культуры и защиты этнического менталитета, воплощенного в словах и формах родного языка. Целесообразным здесь представляется учет зарубежного опыта (например, Франции).

Изучена проблема вариативности терминологии не ассимилированной автохтонным языком иноязычной лексики в русской и зарубежной лингвистике.

Понятие языкового заимствования толкуется и определяется специалистами с разных позиций и по-разному; различным оказывается и понимание, кажется, всеми лингвистами признаваемого и употребляемого термина *заимствование*. Вариативно до сих пор и терминологическое обозначение неассимилированных иноязычных лексических элементов. В результате анализа и сопоставления мнений лингвистов по этому вопросу считаем, что

заимствование – это элемент чужого языка, вошедший в лексико-семантическую систему языка-реципиента; *иностранное слово* – слово иностранного происхождения, как уже заимствованное (т.е. освоенное), так и только входящее в русский язык; *англицизм* – английское по происхождению слово, независимо от того, принадлежит ли оно британскому или американскому варианту английского языка; *экзотизм* (в рамках нашего исследования) – это англицизм, отражающий национально-культурную специфику страны языка-источника и поэтому обычно воспринимаемый как чуждый и в научном, и в наивном (обыденном) языковом сознании.

Считаем возможным квалифицировать языковые явления, связанные с лексическим заимствованиями, и уже – с динамикой бытования экзотизмов, балансирующих на грани между “своим” и “чужим”, по аналогии с бинарной структурой, именуемой дипластией.

Подробно и многоаспектно охарактеризован словарь иностранных слов как особый лексикографический жанр с учетом собственно лингвистических критериев и лингвосоциокультурных факторов.

Словари, сосредоточивая в относительно компактной форме лексическое богатство языка, аккумулируют историческую память народа и выступают, таким образом, и в качестве барьера, препятствующего разрушению культурно-исторического времени, утрате духовности и превращению нации в популяцию.

Среди лингвистических словарей ведущее место по праву принадлежит словарям толковым. Являющийся частной разновидностью толкового, словарь иностранных слов в русской лексикографической традиции – один из давних жанров, претерпевший долгие исторические эволюции до своего оформления в современном виде. Очевидно, издание словарей иностранных слов будет продолжаться, так как динамические процессы живого языка, в частности заимствование, развиваются непрерывно, особенно в эпоху интенсивного и

радикального реформирования всех сторон жизни общества, причем при осязательном чужеземном воздействии.

И в составе словаря, и в формулировках определений, и в системе стилистических и других помет, и в подборе иллюстративного материала проявляется идеологический аспект любого полноценного толкового словаря. Кроме этого, современные толковые словари объективно продолжают, как и в предыдущую эпоху, оставаться неотъемлемым компонентом идеологического обеспечения данного общества.

Статус группы заимствованных слов англо-американского происхождения в современном русском языке определен на основе лексикографических изданий и результатов анкетирования информантов – носителей русского языка.

Путем сравнения имеющейся лексикографической информации с представлениями о семантике тех же лексем, присутствующими в бытовом языковом сознании, установлена степень гетерогенности ряда слов.

Очевидная деэксотизация большинства рассмотренных лексем и утрата ими ореола ранее идеологически чуждого типа культуры, фиксируемые современными словарями данного жанра, достаточно объективно отражают общие представления носителей языка о семантике и прагматике ряда англицизмов. В то же время довольно часто обнаруживаются фрагментарные, но многочисленные расхождения между семантизацией лексем лексикографами и, с другой стороны, “наивными лингвистами”. Вероятно, такая ситуация естественно объясняется, во-первых, сугубо индивидуальным, хотя нередко и типизированным отношением респондента-непрофессионала к какому-то конкретному слову; во-вторых, известной противопоставленностью статичного описания слова, которое содержит каждый отдельно взятый словарь, динамичному употреблению и непрерывающемуся переосмыслению лексической семантики в персональном и общественном языковом сознании.

Кроме того, результаты анализа проведенного нами анкетирования позволяют сделать выводы о том, что даже частные, но тематически разнообразные примеры неоспоримо свидетельствуют об уже имеющихся следствиях американо-английской лингвокультурной и собственно культурной экспансии, интенсивность которой постоянно нарастает. И в научной лексикографии, и в обыденном языковом сознании наших современников (хотя здесь и не всегда столь четко выражено) присутствуют представления о стирании границ (пока еще – этносоциокультурного характера), столь приветствуемом с позиций глобализации. Бинарная оппозиция “свое” / “чужое” буквально на наших глазах сменяется (а во многих случаях уже сменилась) отношением дипластии “и свое, и чужое”, что в дальнейшем может привести, скорее всего, либо к поглощению, либо к замене прежнего “своего” бывшим “чужим”. Иначе говоря, в итоге происходящих процессов нивелируются естественные этносоциокультурные различия.

Таким образом, результаты проведенного нами лингвокультурологического сопоставительного анализа семантики лексем англо-американского происхождения в научной лексикографии и обыденном языковом сознании носителей русского языка свидетельствуют не только о частых эволюциях его лексико-семантической системы, но и об определенных трансформациях более широкого плана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова Н.С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени (глаголы с заимствованной основой). – М.: Наука, 1967. – 246 с.
2. Аврорин В.А. Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР // Вопросы языкознания. – 1960. – № 4. – С. 3-19.
3. Аврорин В.А. Ленинские принципы языковой политики // Вопросы языкознания. – 1970. – № 2. – С. 6-16.
4. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
5. Агафонова Л.Л., Богатова Г.А., Гарбовский Н.К., Денисов П.Н., Дурновцев В.И., Зотов Ю.Б., Комлев Н.Г., Миронова Т.Л., Смолина К.П., Трубачев О.Н. Языковая политика и закон о защите русского языка // Вестник МГУ. – Сер. 19. – 1998. – № 1. – С. 88-93.
6. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка / Под ред. А.В. Федорова. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1972. – 215 с.

7. Акуленко В.В. Существует ли интернациональная лексика // Вопросы языкознания. – 1961. – № 3. – С. 60-68.
8. Алексеев М.П. Английский язык в России и русский язык в Англии // Учен. зап. ЛГУ. – Сер. филол. науки. – 1944. – № 72. – Вып. 9. – С. 37-74.
9. Алексеев М.П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI-XVII вв. // Учен. записки ЛГУ. – Вып. 15. – Л., 1946. – С. 43-109.
10. Алефиренко Н.Ф. Язык – сознание – культура: проблемы взаимодействия // Язык и культура. Третья международная конференция. Доклады. – Т.1. – Киев, 1994.
11. Амирова Т. Заимствование и его роль в развитии и обогащении синонимии (на материале разносистемных языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1975.
12. Аралов А.М. Некоторые стороны значения слова // Семантика, грамматика и прагматика языковых единиц. – М., 1988.
13. Арапова Н.С. Варваризмы как этап в освоении иноязычного слова // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1989. – № 4. – С. 9-16.
14. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 151 с.
15. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – М., 1973.
16. Асмолов А.Г. Толерантность: от утопии – к реальности // На пути к толерантному сознанию. – М., 2000.
17. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1967.
18. Ахманова О.С. Экстралингвистические и внутрилингвистические факторы в функционировании и развитии языка // Вопросы языкознания. – 1963. – № 4.
19. Бабай Н.Г. Проблема иноязычных заимствований в общественных дискуссиях о языке // Литературная норма в лексике и фразеологии. – М.: Наука, 1983. – С. 88-103.
20. Бажина И.Н. О взаимовлиянии языков // Русская речь. – 1972. – № 6.
21. Базиев А., Исаев М.И. Язык и нация. – М., 1973.

22. Бакеркина В.В. О национально-культурном менталитете и его лексикографической репрезентации // Язык и культура. – Третья международная конференция. Доклады и тезисы докладов. – Киев, 1994.
23. Балль Г.Ю. Влияние русского языка послеоктябрьской эпохи на словарный состав английского языка. – М., 1952.
24. Барандеев А.В. Трайлер или трейлер? // Русская речь. – 1971. – № 5.
25. Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972. – С. 88-98.
26. Бахнян К.В. Измерение языковой политики и статуса языков в многонациональных странах // Языковые проблемы РФ и законы о языках. – М., 1994. – С. 37-42.
27. Белобородов А.А. Языковое сознание: сущность и статус // Современная наука и закономерности ее развития. – Вып. 4. – Томск, 1987. – С. 131-147.
28. Бельчиков Ю.А. Интернациональная терминология в русском языке. – М., 1959.
29. Бельчиков Ю.А. К характеристике русских словарей иностранных слов 50-60-х годов XIX века как источника историко-лексикологических исследований // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – М.: Наука, 1974.
30. Беляева С.А. Английские слова в русском языке XVI-XX вв. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. – 108 с.
31. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. – М., 1979.
32. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург, 2000.
33. Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии (словник). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.
34. Биржакова Е.Э. Из истории термина «толковый словарь» // Современная русская лексикология. – Л., 1966.

35. Биржакова Е.Э. Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1981. – С. 96-129.
36. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. – Л.: Наука, 1972. – 431 с.
37. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. – Томск, 1973.
38. Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. – М., 1989. – С. 122-126.
39. Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
40. Боброва Т.А. Имена существительные на *-инг* в русском языке: (Происхождение и функционирование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982.
41. Боброва Т.А. Об изучении заимствований из языков народов СССР в русском языке // Русский язык в школе. – 1981. – № 3. – С. 79-82.
42. Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. – М., 1984.
43. Бодуэн де Куртенэ И.А. «Блатная музыка» В.Ф. Трахтенберга // Избр. работы по общ. языкознанию. – Т. 2. – М., 1963. – С. 161-163.
44. Бодуэн де Куртенэ И.А. Подробная программа лекций в 1876-1877 гг. // Избранные труды по общему языкознанию. – В 2-х т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
45. Бондаренко А.А. Иноязычные элементы в русском языке как результат межязыковых взаимодействий: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1989. – 25 с.
46. Борисова - Лукашанец Е.Г. О лексике современного молодежного жаргона (англоязычные заимствования в студенческом сленге 60-70-х годов) // Литературная норма в лексике и фразеологии. – М.: Наука, 1983. – С. 104-120.

47. Борисова И.Н. Толерантность в разговорном диалоге // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. междунар. конф. – Екатеринбург, 2001.
48. Бородина М.А. Влияние иноязычных систем на развитие языка // Вопросы современной лингвистики. – Л., 1969.
49. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны. – М.: Русский язык, 1986.
50. Брагина А.А. Чужое – все-таки чужое: о стилистической роли заимствований // Русская речь. – 1981. – № 4. – С. 60-67.
51. Брофман М.В. Принципы классификации заимствованных слов // Программа и тез. докл. XV науч. конф. проф.-преподават. состава, посвящ. 40-летию КазССР. – Алма-Ата, 1958.
52. Брусенская Л.А. Грамматическая природа имен иноязычного происхождения и принципы их лексикографического описания // Дис. ... канд. фил. наук. – Ростов-н/Д, 1982.
53. Бубрих Д.В. Карелы и карельский язык. – М.: Изд-во МГУ, Моск. облисполкома, 1932.
54. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1965. – 492 с.
55. Будагов Р.А. Толковые словари в национальной культуре народов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 151 с.
56. Будагов Р.А. Человек и его язык. – 2-е расшир. изд. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 429 с.
57. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? – М., 1977.
58. Буданова Т.А. Современные тенденции в системе функциональных стилей русского языка // Материалы международной конференции «Социолингвистические проблемы в разных регионах мира». – М., 1996.
59. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Folk linguistics // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. междунар. конф.: III Шмелевские чтения. – М., 1998. – С. 13-15.

60. Бураго С.Б. Человек, язык, культура: становление смысла // Язык и культура. Первая международная конференция. – Киев, 1992. – С. 3-10.
61. Бурукина О.А. Культура русской речевой коммуникации на современном этапе // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательной техники. – Екатеринбург, 2000. – С. 32-34.
62. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию. – М., 1848.
63. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. – Автореф. дис. ... докт. филол. н. – Воронеж, 1999. – 31 с.
64. Вайнрах У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – Вып. VI. – Языковые контакты. – М.: Прогресс, 1972. – С. 25-61.
65. Вайнрах У. Условия языковых контактов. – Киев, 1979.
66. Вайнрах У. Языковые контакты. – Киев, 1978. – 320 с.
67. Василевская И.А. Отражение новых иноязычных заимствований в русской лексикографической практике XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. н. – М., 1969. – 23 с.
68. Василенко И.А. Диалог культур, диалог цивилизаций // Вестник Российской Академии Наук. – 1996. – Т. 66. – № 5.
69. Васильев А.Д. Введение в историческую лексикологию русского языка. – Красноярск: Изд-во РИО КГПУ, 1997. – 104 с.
70. Васильев А.Д. Динамика слова в истории русского языка. – Красноярск: Изд-во РИО КГПИ, 1993. – 146 с.
71. Васильев А.Д. Историко-культурный аспект динамики слова. – Красноярск: Изд-во РИО КГПУ, 1994. – 196 с.
72. Васильев А.Д. Крутой // Русская речь. – № 6. – С. 44-47.
73. Васильев А.Д. Культурологические аспекты коммуникативной практики / Актуальные проблемы изучения языка и литературы / Материалы III Всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию образования

факультета иностранных языков Института филологии. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова, 2003а. – С. 25-28.

74. Васильев А.Д. Несколько слов по поводу проекта федерального закона «О русском языке как государственном языке РФ» // Мир русского слова. – 2001. – № 1. – С. 28-30.

75. Васильев А.Д. Парадоксы и перспективы билингвизма // Язык образования и образование языка. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Великий Новгород, 2003б. – С. 18-19.

76. Васильев А.Д. Переключая каналы, или Новый обмен разумов // Наукові записки національного педагогічного університету. – Вип. 4. – Т. I. – Серія “Філологічн науки” / Луган. нац. пед. ун-т. ім. Т. Шевченка. – Луганськ: “Альмамаатер”, 2003. – С. 270-290.

77. Васильев А.Д. Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. – Красноярск, 2000. – 166 с.

78. Васильев А.Д. Судьбы заимствований в русской лексике. – Красноярск: Изд-во РИО КГПИ, 1993. – 90 с.

79. Васильев А.Д. Фразеологизм-мифоген в диахронии и синхронии // Личность, творчество и современность. – Красноярск, 2002. – Вып. 5.

80. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М., 1990.

81. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.

82. Вепрева И.Т. Метаязыковая ориентация языковой личности в условиях языковой перестройки // Активные языковые процессы конца XX века: IV Шмелевские чтения. – М., 2000а. – С. 26-28.

83. Вепрева И.Т. Рефлексия как аксиологическая основа формирования стилистической нормы // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000в. – С. 42-57.

84. Вепрева И.Т. Судьба слова в метаязыковом отражении // Вестн. Омск. ун-та. – Вып. 2 (16). – Омск, 2000б. – С. 95-98.

85. Вепрева И.Т. Тексты-рефлексивы как источник информации об изменениях в русской языковой картине мира // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. междунар. конф.: III Шмелевские чтения. – М., 1998. – С. 16-18.
86. Вепрева И.Т. Эксплицированное отношение к слову в современной речи // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. – Екатеринбург, 1997. – С. 88-96.
87. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург, изд-во Уральск. ун-та, 2002. – 379 с.
88. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 160 с.
89. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Внешняя форма слова и его национально-культурная семантика // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. – М., 1987. – С. 61-78.
90. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – 247 с.
91. Верещагин Е.М., Костомаров В.З. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980.
92. Веселитский В.В. Словари русского языка советского времени // Русский язык за рубежом. – 1969. – № 1.
93. Ветров С.А. Идеология и ее язык // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале рус. языка) Часть I / Под ред. М.П. Одинцовой. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. – С. 196-201.
94. Виллер М.А. Фонетическое и морфологическое освоение англицизмов в современном языке (ассимиляция английских существительных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1967.

95. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. Избр. труды / Отв. ред. В.Г. Костомаров. – М.: Наука, 1977.
96. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5.
97. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1986.
98. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 5-34.
99. Виноградов В.В. Токовые словари русского языка // Сб.: Язык газеты. – М.-Л., 1941. – С. 353-395.
100. Винокур Г.О. Культура языка. – Изд-ие 2-е. – М., 1929. – 335 с.
101. Волконский С.М. О русском языке // Русская речь. – 1992. – № 2. – С. 46-47.
102. Волохов Ю.К. Словарные заимствования, пополнившие английскую лексику в XX в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1974.
103. Вострякова Л. Язык рынка // Капитал. – 1996. – 16 апреля.
104. Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2001. – 19 с.
105. Гаазе-Рапопорт М.Г. Еще раз к вопросу об управлении процессом формирования научных терминов и терминосистем // Место терминологии в системе современных наук. – М.: Изд-во МГУ, 1970.
106. Габинский М. Проблема лексического заимствования и единый критерий (опыт использования понятия диаглоссы) / Учен. зап. Ин-та яз. и лит. АН МССР, 1961. – Т. 10. – С. 149-160.
107. Гавронов И.Ф. К вопросу о правописании иноязычных слов с удвоенными согласными // Проблемы современного русского правописания. – М., 1964.

108. Газанчян Н.А. Семантико-стилистические сдвиги в заимствованной лексике (советский период): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1972. – 22 с.
109. Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» (к проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1973.
110. Гак В.Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 3-16.
111. Гак В.Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М., 1977. – С. 11-27.
112. Гак В.Г. От толкового словаря к энциклопедии языка. (Из опыта современной французской лексикографии) // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. – 1971. – Т. 30. – Вып. 6. – С. 524-530.
113. Гальди Л. Слова романского происхождения в русском языке. – М.: Изд-во МГУ, 1958.
114. Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления // Вопросы философии. – 1977. – № 4. – С. 95-101.
115. Ганя П.Г. Интернационализмы как фактор сближения лексики неблизкородственных языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1989.
116. Гаранина Н.С. Специальная лексика. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967.
117. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. – М., 1996.
118. Гачев Г.Д. Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке. – М., 1991.
119. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М., 1988.

120. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 5-11.
121. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. – СПб., 1995.
122. Герд А.С. Языковая политика // Возрождение культуры России: язык и этнос. – Вып. 3. – СПб., 1995. – С. 6-19.
123. Гиляревская Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. – М.: Междунар. отношения, 1978.
124. Гинзбург Р.С. Экстралингвистическое значение слова в языке, речи и тексте // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1974.
125. Глебкин В.В. Программа спецкурса «Толерантность и проблема понимания» // На пути к толерантному пониманию. – М., 2000.
126. Гловинская М.А. Написание двойных согласных в заимствованных словах // Проблемы современного русского правописания. – М., 1964.
127. Голакова Е.Н. Поролон // Вопросы культуры речи. – Вып. 8. – 1967.
128. Голев Н.Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. – Новосибирск, 1999а.
129. Голев Н.Д. Об описании значения слов-денотативов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1973.
130. Голев Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание и школьный курс русского языка // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000.
131. Голев Н.Д. Толерантность как вектор антиномического бытия языка // Философские и лингвокультурные проблемы толерантности. Коллективная монография. – Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2003. – С. 174-198.
132. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999б.

133. Головащук С.И. Передача значений слов и фразеологизмов одного языка средствами другого языка как основные проблемы двуязычной лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1970.
134. Головин Б.Н. Введение в языкознание. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 231 с.
135. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1986.
136. Горная П.Г. Изучение заимствованных слов в отечественном языкознании XX века // Учен. зап. Винниц. гос. пед. ин-та, 1962. – Т. 20.
137. Григорьев В.П. Так называемые интернациональные сложные слова в современном русском языке // Вопросы языкознания. – 1959. – № 1.
138. Грот Я.К. Филологические разыскания. – 4-е изд. – СПб., 1899.
139. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях / Под ред. В.А. Звегинцева. – М., 1964.
140. Даль В.И. Напутное слово // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1. – М., 1955. – С. XXIV.
141. Дементьев А.А. Фонетические и орфографические признаки нерусских по происхождению слов // Русский язык в школе. – 1968. – № 3.
142. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М., 1980.
143. Денисов П.Н. О понятии синхронного среза и синхронного состояния языка в лексике и лексикографии // Вопросы языкознания. – 1986. – № 3. – С. 89-95.
144. Денисов П.Н. Практика, история и теория лексикографии в их единстве и взаимообусловленности // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. – М., 1978.

145. Денисов П.Н. Принципы создания картотек для лингвистических исследований // Национальные лексико-фразеологические фонды. – СПб., 1995. – С. 58.
146. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. – М.: Наука, 1977. – 387 с.
147. Дешериев Ю.Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 616.
148. Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972. – С. 28-30.
149. Джунусов М.Н. Научно-техническая революция как фактор развития двуязычия // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. – М.: Наука, 1977. – С. 91-98.
150. Дзялошинский И. Культура, журналистика, толерантность (О роли СМИ в формировании в российском обществе атмосферы толерантности и мультикультурности) // Независимый институт коммуникативистики: Науч.-практ. конф. «Пресса, государство, культура: мультикультурализм как новая философия взаимодействия». – М., 2002.
151. Добродомов И.Г. Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 158-159.
152. Добродомов И.Г. Семантическая структура заимствованного слова и проблема хронологизации заимствований // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1971. – С. 219-220.
153. Доровских Л.В. Семантическое освоение иноязычной лексики в заимствующем языке (на материале греческих заимствований в лат. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1972.
154. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – М., 1973.
155. Дубичинский В.В. «Ложные друзья» переводчика русского, английского, французского и испанского языков. – Харьков, 1991.

156. Дубичинский В.В. Лексический интернационализм как источник передачи лингвострановедческой информации // Вестник Харьк. ун-та, 1986. – № 299. – С. 38-40.
157. Дубичинский В.В. О месте интернационализмов в лексике языка // Вестник Харьк. политехн. ин-та, 1987. – № 244. – Вып. 1. – С. 55-57.
158. Дубичинский В.В. Русско-английские лексические параллели. – Харьков, 1993. – 155 с.
159. Дубичинский В.В. Семантическая структура интернациональных слов // Вестник Харьк. политехн. ин-та, 1990. – № 274. – Вып. 3. – С. 43-44.
160. Дубичинский В.В. Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 1995.
161. Дьяков А.И. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца 90-х годов XX века в функциональном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2001. – 23 с.
162. Еренков А.С. Социолингвистический аспект функционирования английского языка в русской молодежной среде (на примере г. Ельца Липецкой области): Дис. ... канд. фил. наук. – Воронеж, 1998. – 141 с.
163. Еськова Н.А. Еще раз об ударении в слове *йогурт* // Русская речь. – № 2. – С. 124-126.
164. Еськова Н.А. Надо ли писать *каратэ* // Русская речь. – 1991. – № 3. – С. 65-67.
165. Ефремов А.Ф. Многозначность слова // Русский язык в школе. – 1957. – № 3.
166. Ефремов Л.П. Некоторые замечания об установлении факта калькирования (лексическая дублетность и калькирование, лексико-словообразовательные единицы и калькирование) // Филологический сборник. – Алма-Ата, 1974. – Вып. 13/14.

167. Ефремов Л.П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1959.
168. Ефремов Л.П. Экзотизмы // Русское языкознание. – Алма-Ата, 1973. – Вып. 2. – С. 165-171.
169. Житникова Л.В. Англоязычные заимствования наименований лиц по профессии в современном русском языке: Дис. ... канд. фил. наук. – Челябинск, 1998.
170. Жлуктенко Ю.А. Теория «языкового планирования» // Современное зарубежное языкознание. – Киев: Наукова Думка. – 1983.
171. Журавлев А.Ф. Иноязычные заимствования в русском просторечии (фонетика, морфология, лексическая семантика) // Городское просторечие (проблемы изучения). – М.: Наука, 1984.
172. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка (прагматический аспект). – М.: Высшая школа, 1989. – 126 с.
173. Задорожный М.И. Языковая лояльность и ее истоки: Л.В. Щерба и У. Вайнрайх о мотивах лексического заимствования / Материалы международной конференции «Социолингвистические проблемы в разных регионах мира». – М., 1996.
174. Задорожный М.И. Аллолингвомания и аллолингвофобия как две универсальные противоположные тенденции восприятия языкового компонента инокультуры. // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание: Тезисы X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: Ин-т яз-ния АН СССР, 1991а. – С. 113-116.
175. Задорожный М.И. Зоны межъязыкового лексического взаимодействия и их моделирование // Русский язык и литература в киргизской школе. – 1991б. – № 3. – С. 37-42.
176. Задорожный М.И. Языковая лояльность и ее истоки: Л.В. Щерба и У. Вайнрайх о мотивах лексического заимствования. // Материалы

международной конференции “Социолингвистические проблемы в разных регионах мира”. – М., 1996. – С. 178-182.

177. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. – Ч. 1- 2. – М., 1960. – 64 с.

178. Звегинцев В.А. Внутренние законы развития языка. – М., 1964.

179. Зеленин А.В., Михайлова Н.Е. Мафия и мафиози // Русская речь. – 1993. – № 3. – С. 110-112.

180. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С.23-31.

181. Зюрина Т.П. Основные признаки экзотической лексики // Четвертые Поливановские чтения: Сборник научн. статей. Часть II. Лексика. Фразеология. Словообразование. – Смоленск, 1998. – С.119-125.

182. Ильенко В.В., Обухова И.Н. Словопроизводство от англицизмов в современном русском языке // Исследования по русской и украинской лексикологии. – Днепропетровск, 1975.

183. Исаев В.М. Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка // Язык и общество. – М.: Наука, 1968.

184. История лексики русского литературного языка конца XVII – нач. XIX вв. – М.: Наука, 1981. – 374 с.

185. Кадеева М.И. Свитер, джемпер, пуловер – “сыновья” фуфайки // Русская речь. – 1986. – № 3. – С. 95-98.

186. Калинин А.В. Лексика русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 232 с.

187. Камалов Н.К. Роль внутренних и внешних факторов в процессе заимствования словообразовательных средств: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981.

188. Канкава М.В. Даль как лексикограф. – Тбилиси, 1958. – 356 с.

189. Канн М.Н. Русский язык. Путешествие в мир лексики. – М., 1991.

190. Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовный кризис в России: есть ли выход? // Октябрь. – 1996. – № 5. – С. 155-165.
191. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981.
192. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 353 с.
193. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
194. Касарес Х. Введение в современную лексикографию. – М., 1958. – 354 с.
195. Касимова Р.Г. Трансформация языковой среды в науке // Вестник Российской Академии Наук, 1999. – Т. 69. – № 11. – С. 1026-1028.
196. Кестер-Тома З. Некоторые размышления по поводу состояния современного русского языка // Русистика. – 1998. – № 1-2. – С. 7-15.
197. Ким Юань-Фу П.Л. Опыт синхронного изучения иноязычных лексических единиц: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1971.
198. Киселевский А.И. Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей. – Минск: Изд-во Бел. гос. ун-та, 1977.
199. Климов Г.А. Синхрония-диахрония и статика-динамика // Проблемы языкознания. – М., 1967. – С. 31-33.
200. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М., 2000. – 350 с.
201. Ковтун Л.С. Азбуковники XVI-XVII вв. (старшая разновидность). – Л.: Наука, 1989. – 293 с.
202. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI- начала XVII в. – Л.: Наука, 1975. – 351 с.
203. Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи средневековья. – М.-Л., 1963. – 445 с.
204. Кокшенева К. Все стало спорно со времен «гражданских идеалов» // Москва, 1997. – № 11. – С. 137-148.

205. Колесов В.В. Покушение на русскую ментальность // Материалы конференции «Защита чистоты, возрождения и развития русского языка». – СПб.: Дума, 1996. – С. 13-19.
206. Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. – СПб., 1998.
207. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: Юна, 2002.
208. Колесов В.В. Язык города. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.
209. Конибергская И.О. О фразеологических кальках с английского в русском языке // Русский язык в школе. – 1980. – № 6. – С 83-87.
210. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 1999.
211. Коробова М.С. К вопросу о заимствованиях терминологического характера (на материале англ. яз.) // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1971.
212. Костомаров В.Г. Мой гений, мой язык... – М.: Знание, 1991.
213. Костомаров В.Г. Общее и особенное в развитии языков // Литература, язык, культура. – М., 1986. – С. 267-278.
214. Костомаров В.Г. Русский язык в иноязычном потоке // Русский язык за рубежом. – М., 1993. – № 2. – С.58-64.
215. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М., 1994. – 246 с.
216. Костомаров В.Г., Шварцкопф Б.С. Об изучении отношения говорящих к языку // Вопросы культуры речи. – М., 1966. – № 7. – С. 23-36.
217. Котелова Н.З. Содержание и состав словаря // Словарь новых слов русского языка. 1950-1980 гг. – СПб., 1995.
218. Крысин Л.П. Заметки об иноязычных словах // Русская речь. – 2000. – № 6. – С. 38-40.
219. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 1996.

220. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
221. Крысин Л.П. Йогурт или йогурт // Русская речь. – 1998. – № 1. – С. 61-63.
222. Крысин Л.П. К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» // Развитие лексики современного русского языка. – М., 1965. – С. 104-116.
223. Крысин Л.П. О новых лексических заимствованиях в лексике современного русского литературного языка // Вопросы культуры речи. – М., 1964. – Вып. 5. – С. 71-90.
224. Крысин Л.П. О перспективах социолингвистических исследований в русистике // Материалы международной конференции «Социолингвистические проблемы в разных регионах мира». – М., 1996.
225. Крысин Л.П. О причинах лексического заимствования // Русский язык в школе. – 1965. – № 3. – С. 11-15.
226. Крысин Л.П. Русский литературный язык на рубеже веков // Русская речь. – 2000. – № 1. – С. 28-40.
227. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989.
228. Крысин Л.П. Ступени морфемной членимости иноязычных слов // Развитие современного русского языка. – М., 1975.
229. Крысин Л.П. Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. – 1991. – № 2. – С. 74-78.
230. Кузнецова И.Н. О лексической интерференции в одном и в разных языках // Вестник Моск. ун-та, 1990. – № 1. – С. 43-51.
231. Кузнецова Л.Н. О произношении иноязычных слов // Русская речь. – № 1. – 1987. – С. 157-158.
232. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.

233. Кузьмина Т.А. Философия и обыденное сознание // Философия и ценностные формы сознания. – М., 1978. – С. 191-243.
234. Купина Н.А. Идеологическая толерантность // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. междунар. конф. – Екатеринбург, 2001.
235. Купина Н.А. Лексическая система русского языка в тисках идеологических примитивов // Язык и культура. Вторая международная конференция. Доклады. – Киев, 1993. – С. 84-92.
236. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал. ун-та. – ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.
237. Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня: Сб. статей. – Вып. 1. – М., 2000.
238. Купина Н.М., Михайлова О.М. Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. – 2002. – № 5.
239. Лаптева О.А. Говорят по радио и с телеэкрана. Звучит твердо или мягко? // Русская речь. – 1998 (1). – № 4. – С. 29-35.
240. Лаптева О.А. Говорят по радио и с телеэкрана. Звучит твердо или мягко? // Русская речь. – 1998 (2). – № 5. – С.58-64.
241. Ларионова Е.В. Новейшие англицизмы в современном русском языке (на материале общественно-экономической лексики): Дис. ... канд. фил. наук. – М., 1993. – 244 с.
242. Лебедева Н.Б. «Письменное просторечие» и гносеологическая толерантность // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. междунар. конф. – Екатеринбург, 2001.
243. Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000 – С. 56-71.
244. Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989.

245. Лексика современного русского языка. Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование / под ред. Панова. – Кн. 2. – М., 1968.
246. Ленин В.И. Об очистке русского языка / Полное собрание сочинений. – Т. 40.
247. Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. – Вып. VII. – М.: Наука, 1981. – С. 60-68.
248. Леонтьев А.А. Письмо в редакцию. О написании иностранных имен // Вопросы культуры речи. – Вып. VII. – М.: Наука, 1963. – № 4. – С. 154-156.
249. Липатов А.Т. Неология как важная составляющая когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. – Ч. 2 (материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике). – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998.
250. Лисицына Т.А. Язык реформ и реформа языка: приоритеты интеллектуального развития // Язык и образование. – В. Новгород, 2002. – С. 21-27.
251. Листрова - Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. – 142 с.
252. Листрова - Правда Ю.Т., Зубкова Л.И. Реалии и механизм выявления их национально-культурного своеобразия // Материалы международной конференции «Социолингвистические проблемы в разных регионах мира». – М., 1996.
253. Лихолитов П.В. Жаргонная речь уличных торговцев // Русская речь. – 1994. – № 4. – С. 59-66.
254. Лихолитов П.В. Компьютерный жаргон // Русская речь. – 1997. – № 3.
255. Лотман Ю.М. Лекции по типологии культуры. – Вып. 1. – Тарту, 1970.

256. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Уч. зап. ТГУ. – Т. 414. – Тарту, 1977.
257. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядоченность иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука, 1982. – 152 с.
258. Лукашанец Е.Г. Лексические заимствования и их нормативная оценка (на материале молодежного жаргона 60-70-х гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 22 с.
259. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект: Монография / под ред. В.А. Пищальниковой. – М. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 234 с.
260. Лукашевич Е.В. Теория значения слова: эволюционно-прогностический аспект: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2003. – 47 с.
261. Лукьянова Н.А. Типология современных русских словарей // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Вып. 1. – Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Н.А. Лукьянова. – Новосибирск. – 1996. – С. 94-114.
262. Лютикова В.Д. Языковая личность и идеолект. Разд.: Языковая рефлексия как форма проявления языкового сознания и лингвокреативного мышления носителя диалекта. – Тюмень, 1999.
263. Майоров М.П. К вопросу о сущности лексического заимствования // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. – Т. 37. – 1967. – С. 202-213.
264. Маковский М.М. К проблеме так называемой «интернациональной лексики» // Вопросы языкознания. – 1960. – № 1.
265. Маковский М.М. Языковой механизм лексического заимствования // Иностранные языки в школе. – 1970. – № 3.
266. Мальцева И.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII века. – Л.: Наука, 1975.

267. Маринова Е.В. О термине “варваризм” // Русский язык: история и современность. Материалы научно-практической конференции. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. пед. ун-та, 2002. – С. 109-115.
268. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 81-85.
269. Мартинек В.Ю. Лексико-семантическая ассимиляция английских заимствований в русском литературном языке советской эпохи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Днепропетровск, 1972. – 25 с.
270. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 207с.
271. Махлиновская Р.Л. К проблеме межъязычных соответствий (на материале англо-русской экономико-математической терминологии) // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1972.
272. Медникова Э.М. Значение слова и методы его изучения. – М., 1974.
273. Мечковская Н.Б. Языковое и этническое самосознание в аспектах психолингвистики и права // Материалы международной конференции «Социолингвистические проблемы в разных регионах мира». – М., 1996.
274. Мжельская О.С., Степанова Е.И. Новейшие англицизмы в русском языке. Новые слова и словари новых слов. – Л., 1983.
275. Микитич Л.Д. Иноязычная лексика. – Л., 1967.
276. Михайлов А.В. К вопросу о статусе русского языка и формах его узаконивания // Мир русского слова. – 2001. – № 1. – С. 30-32.
277. Михайлова О.А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурные проблемы толерантности. Коллективная монография. – Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2003. – С. 99-111.
278. Михайлова О.А. Толерантность как лингвокультурологическая категория // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. междунар. конф. – Екатеринбург, 2001.

279. Михайловская Н.Г. Варианты «безэквивалентной» («экзотической») лексики // Литературная норма в лексике и фразеологии. – М.: Наука, 1983.
280. Молочко И.М. Лексика и фразеология русского языка. – Минск, 1974.
281. Морковкин В.В. О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку иностранцев. – М., 1986.
282. Муравьев В.Л. О языковых лакунах // Иностранные языки в школе. – 1971. – № 1.
283. Муравьева Н.В. Русская реклама по американскому образцу? // Русская речь. – 1998. – № 3. – С. 60-66.
284. Мурзин Л.Н. Язык и культура // Материалы международной конференции «Социолингвистические проблемы в разных регионах мира». – М., 1996.
285. Нерознак В.П., Суперанская А. В. Лингвистические проблемы терминологии // Изв. АН СССР. – ОЛЯ, 1972.
286. Нецименко Г.П. Два ракурса в изучении проблемы языковой ситуации // Материалы международной конференции «Социолингвистические проблемы в разных регионах мира» – М., 1996.
287. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М., 1993. – 181 с.
288. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. – М., 1989. – С. 34-40.
289. Никольский Л.Б. Изучение языковых аспектов национальных процессов в советском языковедении // Изучение национальных отношений в зарубежных странах / Ред. Э.А. Баграмов. – М.: Наука, 1985. – 270 с.
290. Никольский Л.Б. Прогнозирование и планирование языкового развития // Докл. на УП междунар. социол. конгр. – М., 1970.
291. Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. (Теория и проблемы). – М.: Наука, 1976. – 168 с.
292. Новиков Л.А. О семантическом переоформлении заимствованных слов в русском языке // Русский язык в школе. – 1963. – № 3. – С. 5-10.

293. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М., 1982.
294. Новиков Л.А., Иванов В.В., Кедайтене Е.И., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология. – М.: Русский язык, 1987.
295. Новикова Н.В. Звонкое иноязычие // Русская речь. – 1992. – № 3. – С. 49-54.
296. Новикова Н.В. Звонкое иноязычие // Русская речь. – 1992. – № 4. – С. 56-60.
297. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб., 1994.
298. Норман Б.Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура. Доклады. – Киев, 1994. – С. 53-60.
299. Огиенко И.И. К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык при Петре Первом. // Русский филологический вестник. – Варшава, 1911. – № 344.
300. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М., 1974. – 352 с.
301. Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М., 1974. – С. 166-182.
302. Ольшанский О.Е. Процесс освоения калькированных слов в русском языке (на материале лексических калек с опрошенным морфемным составом) // Язык и общество. – Саратов, 1974.
303. Орусбаев А. Языковая жизнь Киргизии: Функциональная дистрибуция языков. – Фрунзе, 1990.
304. Осипов Б.И. Речевое мошенничество – вид уголовного преступления? // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 207-212.
305. Основы теории лексического калькирования. – Алма-Ата, 1974.
306. Оськина М.А. Использование результатов параметрического анализа толковых словарей общенационального языка для изучения закономерностей

эволюции лексико-семантической системы. // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. – Москва – Ужгород, 1991. – С. 113-114.

307. Оськина М.А. Толковые словари в русской национальной лексикографической традиции (диахроническое исследование): Дис. ... канд. фил. наук. – Одесса, 1992.

308. Павленко Г.В. Проблема освоения иноязычных заимствований: языковой и речевой аспекты (на материале англицизмов конца XX века): Дис. ... канд. фил. наук. – Таганрог, 1999.

309. Павлов Б.Н. Экзотизмы в поэтической речи // Языковые значения / под ред. В.И. Кодухова. – Л.: ЛГПИ, 1976. – С. 73-80.

310. Павлов Г. Компроментация фраппированием // Литературная газета, 1986. – С. 32.

311. Панькин В.М. Проблемы лексических взаимодействий в свете теории языковых контактов // Русский язык и языки народов Крайнего Севера. Проблемы контактных явлений. – Л. 1991. – С. 13-15.

312. Панькин В.М. Русский язык в межнациональном общении. Проблема интерференции // Вопросы языкознания. – 1986. – № 2. – С. 7-16.

313. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Иностранная литература, 1960.

314. Перцев А.В. Размышления о ментальной толерантности // Толерантность: Материалы школы молодых ученых «Россия – Запад: философские основания социокультурной толерантности». – Екатеринбург, 2001.

315. Плотницын В.И. Новая лексика иноязычного происхождения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1983. – 16 с.

316. Плоткин В.Я. О взаимоотношениях между фонетической и семантической структурой слова // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1969.

317. Плотников Г.Н. Иноязычные компоненты в системе современного русского языка // Науч. тр. Свердл. пед. ин-та, 1975. – Сб. 253.
318. Подчасова С.В. Брокеры, дилеры и другие посредники // Русская речь. – 1994. – № 6. – С. 52-56.
319. Подчасова С.В. Брокеры, дилеры и другие посредники // Русская речь. – 1994. – № 5. – С. 49-54.
320. Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. – М.: Федерация, Интернациональная, 1931. – 181 с.
321. Поливанов Е.Д. Круг очередных проблем современной лингвистики (1929) // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968.
322. Пономаренко Л.А. Калькирование как вид влияния одного языка на другой. – М., 1968.
323. Попов Р.Н., Валькова Д.П., Маловицкий Л.Я., Федоров А.К. Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1986.
324. Поршнева Б.Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. – М., 1973.
325. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. – Изд. 2-е. – М., 1979.
326. Проблемы двуязычия и многозначия. – М.: Наука, 1972.
327. Протченко И.Ф. Из наблюдений над интернациональной лексикой (имена существительные) // Русский язык в школе. – 1962. – № 3.
328. Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. – М.: Наука, 1975.
329. Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. – Калинин, 1984.
330. Пядусова Г.И. Заимствование как процесс взаимодействия двух языковых систем: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1971. – 24 с.
331. Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. – 46 с.

332. Рао Суджато. Оценка с помощью кавычек // Русская речь. – 1996. – № 3. – С. 50-52.
333. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – 4-е изд. – М.: Просвещение, 1967. – 431 с.
334. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Учпедгиз, 1955. – 400 с.
335. Реформатский А.А. К вопросу о написании двойных согласных в заимствованных словах и в собственных именах. – 1966. – Рукопись.
336. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология? – М., 1959.
337. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Высшая школа, 1987.
338. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – 1972а. – С. 5-22.
339. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. – Л.: Наука, 1972б. – 80 с.
340. Романов А.Ю. Англицизмы и американизмы в русском языке и отношение к ним. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000. – 133 с.
341. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). – Томск, 2000.
342. Ростова А.Н. Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1983.
343. Румянцева М.И. Русские православные заимствования в английском языке США / В кн.: Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск, 1995.
344. Савельева Л.В. Современная русская социоречевая культура в контексте этнической ментальности. // Язык и этнический менталитет. – Сб. научных трудов. – Петрозаводск, 1995. – С. 28-29.
345. Савельева Л.В. Языковая экология // Русское слово в культурно-историческом освещении. – Петрозаводск, 1997.

346. Сапаров К. Об экзотизмах тюркского происхождения в современном русском языке // Русский язык в школе. – 1978. – № 3.
347. Сахарный Л.В. Осознание значения слова носителями языка и типы отражения этого сознания в речи // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. – М., 1970.
348. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над языком последних лет (1917-1926). – М.: Работник просвещения, 1928. – 248 с.
349. Семчинский С.В. Заимствования и престиж языков // Национальное и интернациональное в литературе и языке. – Кишинев, 1969.
350. Сергеева Е.В. Заимствования 80-90-х гг. в социолингвистическом аспекте // Русская речь. – 1996. – № 5. – С. 42-48.
351. Серебренников Б.А. К проблеме связей явлений языка с историей общества // Вопросы языкознания. – 1953. – № 1.
352. Серебренников Б.А. О взаимодействии языков // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 7-25.
353. Сешан Ш. Англицизмы в русской речи (по материалам прессы 90-х гг.): Дис. ... канд. фил. наук. – М., 1996.
354. Синельникова Л.Н. “Тул языка”: о процессуальности бытия вербальной сферы // Структуры и содержание связей с общественностью в современном мире. – Луганск; Цюрих; Женева, 2002. – Вып. 3.
355. Скворцов Л.И. Культура языка и экология слова // Русская речь. – 1988. – № 5. – С. 3-10.
356. Скворцов Л.И. Культура языка и экология слова // Русская речь. – 1988. – № 6. – С. 3-9.
357. Скворцов Л.И. Что угрожает русскому языку? (Размышления о состоянии современной речи) // Русский язык в школе. – М., 1994. – № 5. – С. 99-105.
358. Складаревская Г.Н. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. / От редактора. – М.: Астрель АСТ, 2001.
359. Смирницкий А.И. Значение слова // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1.

360. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»). – М., 1952.
361. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М., 1956.
362. Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977. – С. 120-136.
363. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Проблема понимания «чужой» культуры и способы устранения лакун в тексте // Русское слово в лингвострановедческом аспекте. – Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – С. 160-168.
364. Сорокин Ю.А., Узилевский Г.Я. Взаимосвязь языкового и метаязыкового сознания и интеллекта в деятельности переводчика // Языковое сознание: Тезисы IX Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1988. – С. 166-167.
365. Сорокин Ю.С. Об общих закономерностях развития словарного состава русского литературного языка XIX в. // Вопросы языкознания. – 1961. – № 3. – С. 28-29.
366. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века. – М.-Л.: Наука, 1965. – 565 с.
367. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М., 1977.
368. Срезневский И.И. Русское слово: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Сост. Н.А. Кондрашов. – М.: Просвещение, 1986. – 176 с.
369. Стеблин-Каменский М.И. Возможно ли планирование языкового развития // Вопросы языкознания. – 1968. – № 3. – С. 47-56.
370. Степанов Г.М. Неологизмы в теории и практике современной лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983.
371. Степанов Ю.С. Французская стилистика. – М., 1965.

372. Стернин И.А. Толерантность: слово и концепт // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. междунар. конф. Екатеринбург, 24-26 окт. 2001 г. – Екатеринбург, 2001.
373. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. – Воронеж, 2001.
374. Суперанская А.В. Правила русской передачи заимствованных слов – собственных имен // Словарь-справочник названий образцов вооружения и боевой техники капиталистических стран и основных фирм, производящих вооружение. – М., 1966.
375. Суперанская А.В. Блуминг или блюминг? // Вопросы культуры речи. – М., 1965. – Вып. 6.
376. Суперанская А.В. Журналистика и культура русской речи // Русская речь. – 1997. – № 6.
377. Суперанская А.В. Заимствование слов и практическая транскрипция. – М., 1962.
378. Суперанская А.В. Написание заимствованных слов в современном русском языке // Проблемы современного русского правописания. – М., 1964.
379. Суперанская А.В. Род заимствованных существительных в современном русском языке. // Вопросы культуры речи. – М., 1965. – Вып. 6.
380. Суперанская А.В. Ударение в заимствованных словах в современном русском языке. – М.: Наука, 1968.
381. Супрун А.Е. Среднеазиатская лексика в русском языке // Этимологические исследования по русскому языку. – Вып. 4. – М., МГУ, 1963. – С. 158-160.
382. Супрун А.Е. Экзотическая лексика // НДВШ. Филологические науки, 1958. – № 2. – С. 50-54.
383. Гарланов З.К. Методы и принципы лингвистического анализа. – Петрозаводск, 1995. – 189 с.

384. Твердомед Т.В. К вопросу о семантической ассимиляции интернациональных слов // Науч. тр. Куйбыш. пед. ин-та, 1974. – Т. 1. – С. 1-47.
385. Толстая С.М. Терпение и терпимость в зеркале языка // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. междунар. конф. – Екатеринбург, 2001.
386. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. – М., 1969.
387. Толстой Н.И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики - Всесоюзная научная конференция. – Ч. 1 – М., 1991. – С. 5-22.
388. Трескова С.И. К вопросу о кальках // Аспекты лингвистического анализа (на материале русского языка различных систем). – М., 1974.
389. Трубачев О.Н. Этимологическая лексикография и история культуры // Сб.: Русский язык и современные проблемы и перспективы развития русистики. – Ч. 1. – М., 1991. – С. 264-277.
390. Трушкова Ю.В. К вопросу об оценочности лексики в научных и идеологических направленных текстах / Материалы международной конференции «Социолингвистические проблемы в разных регионах мира». – М., 1996.
391. Уолцер М.О. О терпимости. – М., 2000.
392. Уфимцева А.А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слова // Слово в грамматике и словаре. – М., 1984.
393. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принципы семиологического описания лексики. – М., 1986.
394. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 287 с.

395. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М., 1968.
396. Уфимцева А.А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961.
397. Ушаков Д.Н. (Из дискуссии 20-х годов о культуре речи) // Русская речь. – 1991. – № 4. – С. 61-62.
398. Федосеева И.В. Социолингвистические и культурологические аспекты процесса заимствования в российском политическом социолекте 90-х гг. XX в. - начала XXI в.: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Ставрополь, 2003. – 23 с.
399. Феоклистова В.М. Иноязычные заимствования в русском литературном языке 70-90-х гг. XX века: Дис. ... канд. фил. наук. – Тверь, 1999.
400. Филатова Л.А. О характере семантических соотношений в интернациональной лексике научной литературы (на материале английского и русского языков) // Язык научной литературы. – М., 1975.
401. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 327 с.
402. Фомина М.И. Лексика современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1973.
403. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М., 1990.
404. Фроне Г. Об английских заимствованиях в русском языке // Русский язык в школе. – 1968. – № 3. – С. 76-78.
405. Хабургаев Г.А. Заимствования как проблема лексикографии и исторического лексикографирования русского языка // Вестник МГУ. – Сер. 9. – Филология, 1989. – № 4. – С. 3-9.
406. Хан-Пиран Э.И. Советский тоталитаризм и русский язык // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. – Ч. I. – Минск, 1994. – С. 16-18.
407. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. – М., 1975. – Вып. 7. – С. 441-472.

408. Хегай М.А. К понятию кальки // Учен. зап. Ташк. пед. ин-та, 1964. – Т. 45. – Вып. 3.
409. Хлебда В. Шесть соображений по вопросу о языковом самосознании // Русистика. – СПб., 1999. –С. 62-67.
410. Хомяков М.Б. Проблема толерантности в христианской философии. – Екатеринбург, 2000.
411. Хомяков М.Б. Толерантность как социокультурная проблема // Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт. – Екатеринбург, 2000.
412. Цейтлин Р.М. Краткий очерк истории русской лексикографии (словари русского языка). – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. – 136 с.
413. Чайбок Ильдико. Английские заимствования в русском и венгерском языках: Дис. ... канд. фил. наук – Москва, 1999.
414. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 - 2000). – 2-е изд. – Екатеринбург, 2003.
415. Чуковский К.И. Живой как жизнь / Соб. соч. в 6 томах. – Т. 3. – М., 1966.
416. Шагаль В.Э. Языковой аспект национальных процессов в арабских странах. – М., 1983.
417. Шанский Н.М. В мире слов. – М.: Просвещение, 1978. – 319 с.
418. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. – 327 с.
419. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М.: Изд-во МГУ, 1968.
420. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1981.
421. Шапошников В.Н. Иностраные слова в современной российской жизни // Русская речь. – 1997. – № 3. – С. 38-42.

422. Шафир Я. Газета и деревня. – М.: Красная Новь, 1923. – С. 28-74.
423. Шахрай О.Б. К проблеме классификации заимствованной лексики // Вопросы языкознания. – 1961. – № 2. – С. 53-58.
424. Шварцкопф Б.С. Внимание: кавычки! // Русская речь. – 1967. – № 4.
425. Шварцкопф Б.С. Изучение оценок речи как метод исследования в области культуры речи [Гл. 16] // Культура русской речи и эффективность общения. – М., 1996. – С. 415-424.
426. Шварцкопф Б.С. Оценки говорящими фактов речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971.
427. Шварцкопф Б.С. Оценки речи как объект лексикографирования // Словарные категории. – М., 1988. – С. 182-186.
428. Шварцкопф Б.С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. – М., 1970. – С. 277-304.
429. Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М., 1988. – С. 6-11.
430. Швейцер А.Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. – М.: Наука, 1971. – 104 с.
431. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., Волгоград, 2000.
432. Шмагин Е.А. Русский язык и стратегические интересы России // Мир русского слова. – № 1. – 2001.
433. Шмелев Д.Н. О некоторых тенденциях развития современной русской лексики // Развитие лексики современного русского языка / под ред. Е.Н. Земской. – М., 1965.
434. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
435. Шмелев Д.Н. Русский язык. Лексикология и лексикография. – М., 1975.
436. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977.

437. Шмелева Т.В. Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Вып. 1 (8). – Красноярск, 1999. – С. 108-110.
438. Щерба Л.В. (Из дискуссии 20-х годов о культуре речи) // Русская речь. – 1991. – № 3.
439. Щерба Л.В. (О словах живого литературного языка) // Современная русская лексикография. – М., 1966.
440. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958.
441. Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974а.
442. Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974б. – С. 60-73.
443. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974в.
444. Щерба Л.В. Предисловие [к Русско-французскому словарю] // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974г.
445. Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.
446. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
447. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – Л.: Наука, 1974. – 255 с.
448. Ягнятинская М.М. К вопросу о некоторых заимствованиях в современном русском языке // Докл. на науч. конф. Яросл. гос. пед. ин-та. – Ярославль, 1962. –Т. 1. – Вып. 2.
449. Яковлев К.Ф. Как мы портим русский язык (Об иностранных словах в нашем языке). – Ярославль, 1974.
450. Яковлев Н.Ф. Свод орфографических правил даргинского литературного языка. – Махач-Кала, 1938.
451. Яковлев Н.Ф., Хаджиев А. Культура и письменность горских народов Северного Кавказа. – Владикавказ, 1930.

452. Ярцева В.Н. История английского языка IX-XV вв. – М., 1985. – 248 с.
453. Crystal. D. English as a Global Language. – Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1997.
454. Haugen E. Planning for standard language in modern Norway // *Anthropol. Ling.*, 1959. – P. 8-21.
455. Haugen E. The analysis of linguistic borrowing // *Language*, 1950 – Vol. 26 – № 2. – P. 210-231.
456. Haugen E. The ecology of language – Stanford, 1972. – XIYV, 366 p.
457. Hockett Ch. The Course in Modern Linguistics. Английская лексикология в выдержках и извлечениях. Пособие для студентов пед. институтов. – Л., 1975.
458. Phillipson, R. Linguistic Imperialism. London: Oxford University Press, 1993.
459. Truchot, C. The spread of English: from France to a more general perspective. *World Englishes* – 16 (1) – 1997. – P. 65-76.
460. Viney J.P., Darbelnét J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. – Paris, 1958.

СПИСОК ОСНОВНЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов.
– М., 1966.
2. Зенович Е.С. Словарь иностранных слов.
– М., 2000. СИС-2000 (Зенович)
3. Краткий словарь иностранных слов изменения
/ Под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. – 6-е изд.,
перераб. и доп. – М., 1951. СИС-51
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов.
– М., 1998. СИС-98 (Крысин)
5. Лингвистический энциклопедический словарь
/ Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. ЛЭС
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1989. СО-89
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка.
– 4-е изд., доп. – М., 1997. СОШ-97
8. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник
лингвистических терминов. – М., 1976.
9. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стер. – 1989. СИС-89
10. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд.,
испр. и доп. – М., 1981-1984. – Т. 1-4. МАС-2

11. Словарь современного русского литературного языка.
– 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991-1996. – Т. 1-6. БАС-2
12. Словарь современного русского литературного языка.
– М.; Л., 1948-1965. – Т. 1-17. БАС-1
13. Советский энциклопедический словарь. – 4-е изд., испр. и доп.
– М., 1990. СЭС-90
14. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова.
– М., 1934-1940. – Т. 1-4. ТСУ
15. Толковый словарь русского языка конца XX века.
Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской.
– СПб., 1998. ТС-XX
16. Толковый словарь современного русского языка.
Языковые изменения конца XX столетия изменения
/ Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб., 2001. ТС-XX (2001)
17. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford University
Press, 1989.

СПИСОК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Англо-русский словарь по экономике и финансам.
/ Под ред. проф. А.В. Аникина. – М., 1994.
2. Большой толковый словарь иностранных слов.
– Ростов-н/Д., 1995. – Т. 1-5. БТСИС-95
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.
– Т. I-IV. М., 1955.
4. Краткий внешнеэкономический словарь справочник. – М., 1993.
5. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам
прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой.
– М., 1984. НСЗ-70
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1972. СО-72
7. Русский ассоциативный словарь / Под ред. Ю.Н. Караулова,
Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой.
– М., 1994-1998. РАС
8. Словарь новых слов русского языка (середины 50-х - середины 80-х)
/ Под ред. Н.З. Котеловой. – СПб., 1995. СНС
9. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова,
В.В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М., 1983.
10. Современный словарь иностранных слов. – СПб., 1993. ССИС-93

11. Фасмер М. Этимологический словарь современного русского языка. – М., 1986.
12. Longman Dictionary of English Language & Culture. – Pearson Education Limited, 1978, 2001. – Third edition with new words supplement. – 2001.